

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ

**ГОУ ВПО «УДМУРТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ»**

ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

С. К. Белых

**ПРОБЛЕМА РАСПАДА
ПРАПЕРМСКОЙ ЭТНОЯЗЫКОВОЙ
ОБЩНОСТИ**

**Ижевск
2009**

ББК 81.66 - 0
УДК 811.511'0
Б 439

Рекомендовано к печати кафедрой истории и политологии ИСК
УдГУ 2009 г.

Рецензенты: к.и.н В.С.Чураков
к.и.н. Е.М.Берестова

Б 439 Белых Сергей Константинович

Проблема распада прапермской этноязыковой общности.
Монография. Ижевск, 2009. - 150 с.

Книга посвящена одной из узловых проблем предыстории и ранней истории пермских народов (удмуртов и коми), а именно проблематике, связанной с заключительными этапами развития и распадом прапермской этноязыковой общности, объединявшей этнических предков современных удмуртов и коми. В настоящей работе на базе комплексного подхода, с использованием данных и достижений целого ряда смежных наук и дисциплин (исторического языкознания, археологии, этнографии и др.) осуществлена попытка локализации пермской прародины и создана принципиально новая комплексная модель исторических процессов, происходивших с пермским пранародом в древности и средневековье.

Книга представляет интерес для специалистов в области истории, этнографии и археологии Волго-Уральского региона, лингвистов, специализирующихся в области пермского и уральского языкознания, студентов исторических и филологических факультетов вузов и всех интересующихся этнической историей России.

ISBN 978-5-904524-10-4

ББК 81.66 - 0
УДК 811.511'0

© Белых С.К., 2009.
© Удмуртский госуниверситет, 2009.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	4
Введение	6
Глава 1. Историография и методология	19
1.1. Об используемой методике.....	19
1.2. Прапермская этноязыковая общность.....	25
1.3. Мнения и концепции археологов.....	26
1.4. Мнения и концепции лингвистов.....	37
1.5. Наметившиеся пути разрешения противоречий.....	39
Глава 2. О пермской прародине и пермском пранароде	44
2.1. Прародина пермян в трудах исследователей XIX-XX вв.....	44
2.2. О времени распада прапермской общности.....	48
2.3. Пермский праязыковой экологический ареал.....	55
2.4. Эволюция прапермской этнолингвистической общности в эпоху средневековья.....	65
Глава 3. Общепермский праязыковой континуум	77
3.1. Южные коми диалекты.....	79
3.2. Северные удмуртские диалекты.....	83
3.3. Историческая интерпретация данных диалектологии.....	88
Глава 4. Причины и хронология распада общепермского континуума	96
4.1. Предварительные замечания.....	96
4.2. Дивергенция общепермского континуума.....	102
4.3. Фактор христианизации.....	111
Заключение	119
Литература	124
Сокращения	140
Приложение 1. “Малый” (100-словный) список М.Сводеша для пермских языков	143
Приложение 2. Карта	148

ПРЕДИСЛОВИЕ

Самый широкий круг вопросов, касающихся тематики ранних этапов истории пермских народов (коми и удмуртов), уже довольно долгое время интересует автора этих строк и составляет, пожалуй, центральную часть его исследовательской работы. Мне неоднократно доводилось высказываться по различным аспектам и вопросам, имеющим отношение к теме распада прапермской этноязыковой общности как в научной периодике и в статьях, опубликованных в сборниках, так и в докладах и выступлениях на многих научных конференциях. В результате весь этот материал оказался разбросанным по журналам, сборникам статей, изданиям материалов и тезисов докладов тех или иных конференций [см. Белых 1995(a,b,c); 1996(a,b); 1999; 2000; 2003, 2005, 2008, 2009; Белых, Макаров 2006; Belykh 2002; 2007] и т.п., многие из которых трудно или просто невозможно отыскать даже в больших библиотеках. В то же время из общения с коллегами (историками, археологами, филологами и другими) я выяснил, что тема эта для многих из них представляет немалый интерес.

Отсюда и возникла настоятельная потребность в написании отдельной монографии, посвященной этой проблеме. В настоящей книге сведены воедино собранные мною и моими предшественниками данные и материалы по проблематике; высказывавшиеся мной ранее идеи, гипотезы, предположения, выводы и умозаключения, касающиеся рассматриваемой темы; продолжены дискуссии с моими оппонентами; а также произведены некоторые необходимые уточнения и дополнения ко всему этому материалу.

В ходе написания книги я всемерно старался сделать изложение предельно сжатым и лаконичным с одной стороны и достаточно полно освещающим заявленную тему – с другой. Посему я был вынужден практически полностью сосредоточиться только на тех вопросах, что имеют самое прямое и непосредственное отношение к проблеме распада прапермской общности. Не скрою, мне было нелегко устоять против соблазна расширить поле своего исследования и подробно остановиться на многих смежных и параллельных сюжетах. Однако, мне всякий раз приходилось «наступать на горло собственной песне» и отказываться от этого, ибо, как мне кажется, проигрывая на широте охвата исследования, я значительно больше выигрывал на полноте и обстоятельности повествования. Поэтому

многие важные и интересные моменты, а также перспективные направления дальнейшего исследования истории пермских народов мною лишь упомянуты или рассмотрены буквально в нескольких словах.

Я искренне надеюсь, что это сочинение окажется полезным не только моим коллегам, но и студентам-историкам и филологам, а также всем интересующимся историей Волго-Уралья и историей народов, населяющих этот регион.

Закончить предисловие мне хотелось бы выражением признательности и благодарности всем тем моим друзьям и коллегам, без помощи, участия и просто доброжелательного отношения которых книжка эта никогда не была бы мной написана: прежде всего, моему учителю и другу Владимиру Владимировичу Напольских, а также Александру Николаевичу Анфертьеву, Евгению Арнольдовичу Хелимскому, Сергею Владимировичу Кузьминых, Римме Дмитриевне Голдиной, Леониду Дмитриевичу Макарову, Игорю Юрьевичу Пастушенко, Александру Геннадьевичу Иванову, Владимиру Сергеевичу Чуракову, Надежде Ивановне Шутовой, Михаилу Геннадьевичу Смагину, Рифу Шакрисламовичу Насибуллину, Игорю Ивановичу Верняеву, Сергею Анатольевичу Максимову, Денису Михайловичу Сахарных, Наталье Владимировне Борлуковой, Андрею Анатольевичу Солдаткину, Виталию Викторовичу Мингалёву и многим другим.

Особая моя благодарность – г-ну Сиросими Симадзу за неизменно радушное отношение и постоянную поддержку в моей работе.

Сергей Белых
Ижевск, июнь 2009 г.

ВВЕДЕНИЕ

Исследование этнической истории является одной из важнейших задач и одновременно одним из важнейших магистральных направлений исследований в современной этнологии. Особое место в изучении проблем этнической истории занимают попытки проникновения к истокам сложения и формирования существующих ныне народов.

Настоящая работа посвящена кругу проблем, связанных с распадом прапермской этноязыковой (этнолингвистической) общности – общности объединявшей этнических предков современных народов пермской группы (коми и удмуртов) уральской языковой семьи, члены которой говорили на общепермском праязыке – языке-основе, в результате развития которого сложились сегодняшние коми-зырянский, коми-пермяцкий и удмуртский языки.

Говоря же более конкретно о целях и задачах данного сочинения, нужно сказать, что речь в ней пойдет о заключительном периоде эволюции прапермской общности, причинах и хронологии ее дивергенции, выделении из этой общности праудмуртских и пракоми групп и начальных этапах формирования собственно удмуртского и собственно коми народов. Хронологически заявленная тема охватывает период с середины I до середины II тысячелетий н. э., занимая, таким образом, практически всю эпоху средневековья, а в некоторых случаях даже выходя за его временные рамки.

В работе мною будут неизбежно широко использоваться такие понятия и термины как *праязык*, *пранарод*, *прародина* и некоторые другие. Поэтому необходимо вкратце остановиться на этих понятиях, дав их самую общую характеристику.

Под термином *праязык* в настоящей работе понимается реально существовавший некогда язык, послуживший основой (системообразующим компонентом) для сложения и формирования определенной группы языков в последующее время и являющийся, таким образом, для последних языком-предком. Так, например, для современных русского, польского, болгарского языков таковым является праславянский язык (иначе – славянский праязык).

Само собой разумеется, из такого понимания термина следует, что на том или ином праязыке говорило вполне определенное людское сообщество, для которого данный праязык во всей

совокупности его диалектов являлся главным внутренним коммуникативным средством, считался родным и был важнейшим инструментом его культуры и одним из первостепенных элементов этнической самоидентификации членов данного сообщества. Именно для обозначения этого сообщества и используется термин *пранарод*, а территория, на которой обитал данный пранарод, именуется его *прародиной*.

Здесь необходимо учитывать, что понятия *пранарод* и *прародина* следует рассматривать с учетом их эволюции в пространстве и времени, т.к. с течением времени территория обитания пранарода могла, в силу тех или иных социальных, климатических или каких-то иных причин, расширяться или сокращаться, могла смещаться в направлении любой из сторон света и т.п. Сам же пранарод мог вбирать в свой состав различные иноэтнические включения, превращаться из сравнительно монолитного этнического организма в чрезвычайно аморфные объединения родственных по языку группировок и т.д.

Как известно, изучением происхождения тех или иных языков, их формированием, развитием, взаимоотношениями и контактами с другими языками (родственными и неродственными) занимается историческое языкознание. Происхождением же и историческими судьбами говорящих на этих языках народов, их сложением и эволюцией занимается особая отрасль исторической науки – *этническая история*. Древнейшие (дописьменные) периоды этнической истории тех или иных народов или географических областей, а также особую дисциплину, изучающую эту эпоху, принято в науке называть *предысторией* (другие названия – *праистория*, *доистория* и др.).

Бесспорно оставаясь исторической дисциплиной, *предыстория*, тем не менее, существенно отличается от собственно истории в узком смысле слова. Основное отличие здесь состоит в том, что историки в своих исследованиях опираются, главным образом, на письменные источники, тогда как специалисты в области *предыстории* в своем распоряжении данного вида источников либо не имеют совсем, либо имеют в крайне незначительном объеме, совершенно недостаточном для составления сколько-нибудь полной картины изучаемого. Специфика *предыстории* как раз и состоит в том, что она исследует ранние этапы этнической истории различных народов, которые не

освещены или почти не освещены в письменных памятниках. Посему, в таких условиях исследователь предыстории может продуктивно работать, лишь опираясь на факты и выводы других наук, таких как языкознание, этнология, археология, физическая антропология и некоторые другие. Отсюда следует, что предыстория, равно как и этническая история в целом, – наука комплексная, имеющая очень обширную источниковую базу, и лишь при комплексном подходе, учете данных всех вышеназванных и многих других научных дисциплин можно рассчитывать на реальный прогресс в исследовании изучаемого предмета [Анфертьев 1993:63].

Учитывая то обстоятельство, что отмеченный период в этнической истории пермских народов весьма скупо документирован в письменных источниках, приходится констатировать, что для его исследования необходимо использовать источники, методику и инструментарий, применяемые в предысторических исследованиях.

Как уже отмечалось, источниковой базой в исследовании предыстории того или иного народа (группы народов) или того или иного региона должны быть факты, предоставляемые в распоряжение историка целым рядом смежных дисциплин: историческим и сравнительно-историческим языкознанием (лингвистической компаративистикой), археологией, физической палеоантропологией, этнологией, палеобиогеографией и некоторыми другими. Каждая из названных наук занимается своей вполне определенной областью человеческого знания: историческое языкознание исследует происхождение и историческую эволюцию языка, археология изучает историю материальной культуры, палеоантропология занимается изучением антропологического типа населения, оставившего те или иные археологические памятники и т.д. Социальные, демографические, экономические, природно-климатические процессы и события, происходившие на определенном пространстве в определенный промежуток времени неизбежно находят свое отражение в материалах названных дисциплин. Однако, в отличие от языковеда-компаративиста, археолога, палеоантрополога, этнолога, которые занимаются реконструкцией праязыка, антропологического облика, хозяйства, быта, традиционной культуры древних людей, так сказать, по отдельности, исследователь предыстории ставит перед собой несколько иные цели и задачи. Для него важно не только констатировать какие-либо факты, события, произошедшие с каким-

либо народом в какое-либо время на какой-либо территории, тем самым ответив на вопросы «что?», «где?», «когда?», но и, связав эти факты воедино, постараться разобраться в причинах, повлекших за собой эти события, т.е. ответить на самый, пожалуй, важный и интересный для историка вопрос – «почему?».

Главной задачей историка-исследователя предыстории является сведение данных и выводов всех вышеупомянутых дисциплин воедино на принципиально новом уровне, в рамках *исторической модели*, способной в какой-то мере отразить исторические процессы, происходившие в древности с данным *пранародом* (и его этническим окружением), обитавшем в своем *природно-экологическом ареале*, на своей *прародине* и разговаривавшем на определенном *праязыке*. Построенная в результате историческая модель должна быть внутренне непротиворечивой и удовлетворяющей максимальному количеству фактов и выводов, полученных методами вышеупомянутых дисциплин.

В ряду наук-источников для изучения этнической истории (resp. предыстории) одно из центральных мест по праву принадлежит историческому языкознанию.

Историческое языкознание или историческая лингвистика есть особая отрасль языкознания, ставящая перед собой задачу изучения и описания исторического развития человеческих языков. Очевидно, что любой язык постоянно изменяется с течением времени, в нем, с одной стороны, постоянно появляются новые слова, фонетические и грамматические явления, а с другой стороны, какие-то его элементы исчезают или становятся архаизмами. Понятно, что ни один человеческий язык не может существовать отдельно, сам по себе. Он всегда является составной частью и важнейшим инструментом культуры определенной этнической общности людей или, иначе говоря, народа-носителя данного языка и, кроме того, он практически всегда существует в окружении других языков, активно взаимодействует с ними. Довольно часто можно наблюдать, что многие исторические события и процессы, имевшие место в прошлом народа, находят свое отражение в его языке.

Важной составной частью исторической лингвистики является сравнительно-историческое языкознание или лингвистическая компаративистика, основным объектом изучения которой являются родственные языки, т.е. языки, связанные между собой общим

происхождением от общего для них языка-предка, или, как его принято называть, праязыка. Зародившись еще в конце XVIII века и бурно развиваясь в последующее время, сравнительно-исторический метод к сегодняшнему дню позволяет, после внимательного изучения фонетической системы какого-либо языка, особенностей его морфологического и синтаксического строя, его лексического фонда, диалектного членения и пр., с уверенностью рассказать о том, к какой языковой группе или семье принадлежит данный язык, установить его местоположение в этой семье и многое другое касающееся его истории. По сути дела, сравнительно-историческое языкознание занимается тем, что можно было бы назвать «лингвистической генеалогией».

Итак, историческое языкознание предоставляет в наше распоряжение факты, свидетельствующие об истории того или иного языка или группы языков, языковой истории определенного географического региона и т.д. Однако, полученный таким образом материал не исчерпывается только чисто лингвистическими данными, но включает в себя также и исторически значимую информацию, т.е. информацию, содержащую в себе данные, важные и интересные для исследователя этнической истории определенных народов и определенных территорий.

Базируясь на материале и выводах, получаемых методами лингвистической компаративистики, мы способны определить природно-экологический ареал, в котором обитали далекие предки носителей данного языка или группы родственных языков и, тем самым, приблизиться вплотную к разрешению вопроса о локализации их прародины. Историческая лингвистика помогает реконструировать хозяйственно-культурный тип, основные виды хозяйственной деятельности и уровень развития экономики данного пранарода. Мы можем также в определенной мере осветить его социальную структуру и семейно-родственные отношения. В итоге становится возможным на фоне выявления и изучения фактов и процессов, имевших место в истории определенного (пра)языка, увидеть и осмыслить факты и процессы, происходившие в истории пранарода – носителя этого праязыка, такие как: примерное время сложения пранарода, некоторые основные вехи его эволюции, его контакты с носителями других языков и культур, наконец, некоторые возможные особенности распада этого пранарода, хронологию данной

дивергенции и многое другое. Таким образом, историческое языкознание, занимаясь в первом приближении лишь историей языка, оказывается на деле важнейшим источником в изучении предыстории.

Хотелось бы особо подчеркнуть недопустимость и даже определенную вредоносность разного рода дилетантских и полудилетантских попыток привлекать языковые материалы в некоторых появляющихся по сей день в печати этноисторических, этнополитологических и других научных и околонаучных штудиях, в которых единственной «методологической» установкой являются желания и умонастроения их авторов. Использование данных языка при изучении этнической истории отдельного народа, группы народов или каких-либо территорий должно обязательно опираться на методику и выводы исторического и сравнительно-исторического языкознания, т.к. вне этих рамок любые предположения остаются голословными и бездоказательными. *«Чтобы служить историческим источником, язык сам должен стать предметом истории. От истории языка к языку истории – таков естественный путь лингвиста-историка, такова неизбежная логика его исследовательской работы. Язык, который не имеет более или менее разработанной истории, представляет как исторический источник лишь ограниченную ценность»* [Абаев 1949:11].

Наиболее важным преимуществом языкознания перед смежными дисциплинами является то, что оно имеет своим объектом исследования именно язык – важнейшую и первостепенную, по моему глубокому убеждению, этническую характеристику всякого народа, поскольку именно языком, в первую очередь, определяется этническая целостность и этническое самосознание любой национальной или родоплеменной группы людей. Ни один другой элемент духовной или материальной культуры какого бы то ни было народа не обладает столь ярко выраженной «этничностью». Именно поэтому название народа, как правило, совпадает с названием его языка, а этническое самосознание народа находит свое материальное воплощение в языковом факторе – появлении общего самоназвания народа (эндоэтнонима).

Весьма показательно в этой связи, что даже специалисты в других областях – историки, этнологи, археологи, антропологи и другие, касаясь тех или иных вопросов и проблем этнической истории или просто говоря о тех или иных объединениях родственных

народов, неизбежно широко используют, быть может, даже не всегда отдавая себе в этом отчет, терминологию и категории изначально **лингвистические**. В самом деле, когда, скажем, археологи или этнологи употребляют, например, такие названия, как *финно-угры*, *угры*, *самодийцы*, *индоиранцы*, *индоевропейцы* и т.п., осознанно или неосознанно они пользуются терминами, которые именно лингвисты внедрили в научный оборот (а в некоторых случаях попросту создали такие названия); внедрили первоначально исключительно для нужд и целей своей дисциплины, и лишь позднее они проникли в смежные науки. Ну а сами финно-угры, угры, самодийцы, индоиранцы, индоевропейцы носят настоящие имена потому и только потому, что являются носителями соответственно финно-угорских, угорских, самодийских, индоиранских и индоевропейских языков.

Итак, этнологи, археологи, представители других наук в своих этноисторических построениях постоянно, широко и весьма охотно используют изначально лингвистическую терминологию. С прискорбием следует заметить, что не всегда эта терминология используется ими грамотно и по назначению. Так, например, сплошь и рядом приходится сталкиваться с научными и научно-популярными сочинениями, в которых коми и удмуртский языки именованы не *пермскими*, как следовало бы, а «*финно-пермскими*», «*пермо-финскими*»; сами пермские народы совершенно бездумно и в сущности безграмотно именованы «*финно-пермянами*», «*пермскими финнами*», «*пермо-финнами*», «*восточными финнами*» и даже «*финно-пермяками*». Мне уже многократно доводилось убеждать авторов этих сочинений, что такое вольное обращение с лингвистической терминологией недопустимо, и для того чтобы понять это, достаточно заглянуть в соответствующую литературу по лингвистической или исторической уралистике [см. хотя бы Хайду 1985; Напольских 1997а]. Если бы эти горе-этноисторики внимательней читали такие книги, они бы твердо усвоили, что термином *финно-пермские языки и народы* в уралистике уже давно принято называть все финно-угорские языки и народы, исключая угорские (хантыйский, мансийский и венгерский). Таким образом, финно-пермянами следует именовать все финно-угорские народы от саамов, финнов-суоми, ливов и эстонцев на западе до коми и удмуртов на востоке. Называть же удмуртов и коми *пермскими финнами* или *восточными финнами* так же безграмотно, как

именовать украинцев, например, *приднепровскими таджиками*, а русских – *восточными немцами*.

Возвращаясь непосредственно к основной теме повествования, следует сказать, что в сущности правомерным было бы провозгласить своего рода правило, устанавливающее взаимосвязь между понятиями *язык* и *народ* (как этническая единица): **один язык – один народ**; т.е. на одном языке разговаривает, как правило, один народ, и для каждого отдельно взятого народа лишь один язык является родным. Может показаться, что настоящее правило сопровождается таким большим числом исключений, что его справедливость легко может быть поставлена под сомнение. Уже давно стали хрестоматийными примеры с мордвой, карелами, евреями, народами бывшей Югославии и некоторые другие, на первый взгляд противоречащие этому условию. Однако, при ближайшем рассмотрении оказывается, что, в сущности, никакого противоречия здесь нет, и данные примеры скорее несколько уточняют и дополняют правило, но не опровергают его. Для того чтобы показать это, рассмотрим каждый пример отдельно.

Мордва. Официально принято считать мордву одним народом, говорящим на двух языках: эрзянском и мокшанском. Однако, при таком подходе не учитывается то важное обстоятельство, что среди мордвы-мокши и мордвы-эрзи преобладает восприятие себя как двух обособленных (хотя и близкородственных) народов. Никогда ни у мокши, ни у эрзи не существовало даже общего самоназвания, под которым объединялись бы обе эти этнические группы, термин же *мордва* был и остается для них чуждым, привнесенным извне [см. подробнее об этом Напольских 1997а:41-42]. Таким образом, традицию считать мордву единым народом вполне можно считать искусственной и утвердившейся в науке и общественном сознании лишь потому, что издревле мордва рассматривалась в качестве такового ее соседями-русскими.

Карелы. В Советском Союзе широко бытовала и всячески пропагандировалась точка зрения об отсутствии и даже невозможности создания единого литературного языка для карельского народа. Официально это объяснялось лживым, в сущности, тезисом о слишком большом различии между карельскими диалектами: ливвиковским, людиковским и собственно карельским (северным). На самом же деле все обстояло куда проще и не имело

никакого отношения к проблемам карельского языка. Начиная с 1930-х годов советское руководство рассматривало Карелию как плацдарм для распространения социализма на Финляндию, с последующей аннексией последней и объединением ее с Карелией в рамках Карело-Финской Советской республики. Для этих целей официальным языком созданной в 1940 году Карело-Финской союзной республики был провозглашен не карельский, на котором к тому времени уже существовала некоторая литература и велось преподавание в школах, а финский язык. Кстати сказать, такая языковая политика явилась одной из причин начала быстрой ассимиляции карел в советское время и уменьшения общего количества карел, говорящих на карельском языке [Клементьев 1994:43-47].

Евреи. Часто можно услышать расхожее мнение о евреях как об этносе, не имеющем «своего» языка. В самом деле, широко расселившиеся по всему земному шару евреи разговаривают на самых разных языках и самые разные языки считают своими родными. Однако, существует на свете общий для всех евреев язык, который не станет считать чужим даже еврей, совершенно не знающий его. Речь здесь идет о языке иудейского культа – древнееврейском, а также о его современной модификации, официальном языке государства Израиль – *иврите*. Этот язык является одним из важнейших факторов единства еврейского народа и одним из символов этого единства.¹

Кроме того, нельзя не заметить, что даже евреи, давно компактно проживающие вдалеке от своей исторической родины, оказавшиеся в иноязычном окружении и использующие древнееврейский язык разве что для религиозных целей, практически всегда создают свои особые локальные языки, которые отличают их от соседящих с ними народов. Так, например, евреи Германии создали язык *идиш*, а испанские евреи – язык *ладино*, которые хотя и восходят соответственно к верхненемецкому и кастильскому, тем не менее, подверглись сильной гебраизации и являются вполне самостоятельными языками, имеющими богатую литературную традицию.

¹ Кстати говоря, точно таким же символом единства народа да, пожалуй, и символом самого существования народа как такового, является, к примеру, ирландский язык для всех ирландцев, большинство из которых сегодня по-ирландски не говорит, или удмуртский язык для всех удмуртов, около трети которых сейчас не знает своего языка и т.п.

Сербы, хорваты, боснийцы и черногорцы. С чисто лингвистической точки зрения в данном случае мы вроде бы имеем дело с исключением из правила, так как, в принципе, все эти четыре народа говорят на одном *сербскохорватском* языке. Подобное положение вещей отражает ситуацию незавершенной до конца этноязыковой дивергенции четырех южнославянских народов, когда процесс языкового распада отстает от распада этносоциального. Такое отставание вполне объяснимо, так как дивергенция любой этнолингвистической общности является, по сути дела, процессом социальным, а распад того или иного языка всегда остается лишь следствием распада общности людей, на данном языке говорящей.² Таким образом, сегодня, когда эти народы стали жить в независимых государствах, принадлежат к разным религиозным конфессиям, уже давно имеют разные графические основы для своей письменности, вопрос о сложении самостоятельных, с лингвистической точки зрения, сербского, хорватского, боснийского и черногорского языков является лишь вопросом времени. Фактически же отсчет самостоятельной истории этих языков уже начался: сербы называют свой язык сербским, а хорваты – хорватским, издаются учебники, грамматики и словари *сербского, хорватского, боснийского* языков и т.п.

Очень часто можно слышать и читать высказывания о том, что, например, английский, испанский, португальский и некоторые другие языки являются родными сразу для нескольких народов. Однако, не следует забывать, что в каждом конкретном случае каждый этнический вариант данного языка обладает ярко выраженными отличительными особенностями. Знатоки английского языка никогда не спутают английский жителя Лондона с английским австралийца, а знатоки испанского языка легко сумеют отличить испанский аргентинца от испанского языка жителя Мексики. То что сегодня не приняты в обиходе такие понятия и термины как «американский язык», «австралийский язык», «аргентинский язык», «венесуэльский язык», «бразильский язык» и т.п. объясняется лишь сложившейся традицией. В сущности же в каждом из названных случаев мы имеем отдельный, вполне обособившийся идиом, являющийся важнейшим этнообразующим признаком и символом национального единства. В

² См. подробнее об этом в Главе 1.

конце концов, достаточно вспомнить, что, например, литературная форма американского варианта английского языка базируется отнюдь не на британских диалектах, не на диалекте города Лондона, не на языке Оксфорда и Кембриджа, а на собственной, американской диалектной основе.

У народов Северной, Латинской Америки, Африки сегодня весьма высок авторитет европейской культуры, и потому владение европейскими языками выглядит в их глазах очень престижным, выступает в качестве своеобразного моста, соединяющего национальные культуры этих народов с европейской культурой. Именно поэтому, современные канадцы, американцы, мексиканцы, перуанцы, чилийцы, бразильцы и многие другие народы отнюдь не торопятся разрывать эту культурную связь с Европой и официально объявлять свои языки чем-то отдельным, обособленным от языков прежних метрополий.

Такого культурного тяготения нет в случае с народами бывшей Югославии. В силу определенных и всем хорошо известных причин в этом случае мы имеем скорее тенденцию к активному размежеванию и отторжению. Как раз по этой причине на сегодняшний день мы имеем дело с недавнего времени официально признаваемыми тремя близкородственными, но все же разными языками – сербским, хорватским и боснийским. После состоявшегося несколько лет назад юридического отделения Черногории от Сербии все чаще поднимается вопрос о необходимости провозглашения особого черногорского языка. А ведь еще 15-20 лет назад официально признавалось, что эти четыре народа говорят на одном (сербскохорватском) языке. За эти 15-20 лет языки сербов, хорватов, боснийцев и черногорцев просто физически не могли сильно отдалиться друг от друга, и на сегодняшний день они отличаются друг от друга не больше (скорее, даже меньше), чем языки испанцев и аргентинцев, англичан и американцев, португальцев и бразильцев, французов и жителей Квебека.

Подобного рода рассуждения на тему о неразрывной связи понятий «этнос» и «язык» можно было бы продолжать еще очень долго, однако, думается, что и вышеперечисленных примеров достаточно, чтобы считать справедливым провозглашенное правило «один язык – один народ». Те же «отклонения» от данного правила, кои имеют место в реальной жизни, на поверку неизменно

оказываются «исключениями», не опровергающими, а лишь подтверждающими правило. И, таким образом, право языкознания на ведущую роль в изучении ранних этапов этнической истории получает еще одно серьезное обоснование.

Замечание П.Хайду об ограниченности применения других дисциплин и о меньшей значимости тех же археологии и палеоантропологии в этноисторических исследованиях [Хайду 1985:141] хотя и выглядит, пожалуй, слишком категоричным и небесспорным, все же, как мне представляется, имеет под собой некоторые основания. Действительно, «слабость» археологии и палеоантропологии заключается в затруднительности, а порой и невозможности определения этнической принадлежности того или иного археологического памятника, археологической культуры или антропологической находки. Другими словами, по одним только археологическим материалам и костным останкам невозможно определить этническую принадлежность и, прежде всего язык, – этот, повторюсь, наиважнейший этнический показатель, – на котором изъяснялись люди, данные памятники оставившие, потому что *«...извлеченные из земли находки немы, их нельзя заставить говорить...»* [Хайду 1985:141].

Неудивительно поэтому, что в исторической уралистике (т.е. в науке об этнической истории народов уральской языковой семьи) главную роль играло и продолжает играть языкознание. Хотя, справедливости ради, необходимо отметить, что с относительно недавнего времени в уралистике делаются интересные попытки реконструкции древнейших этапов предистории уральских народов на основе данных сравнительной мифологии [Напольских 1991] и физической антропологии [Давыдова 1975, 1979, 1989a, 1989b, Козинцев 1988; Козинцев, Моисеев 1995; Моисеев 1997 и др.], однако, эти направления при всей их важности и перспективности, по моему разумению, могут принести серьезные результаты опять-таки только вкупе с учетом данных и материалов исторической лингвистики.

Разумеется, все вышесказанное ни в коем случае не должно расцениваться как отрицание той весьма значительной роли, что играли и продолжают играть в этноисторических исследованиях археология, физическая антропология, этнология и ряд других наук. Именно факты и выводы этих дисциплин позволяют наполнить

конкретным историческим содержанием обычно слишком схематичные и потому часто оторванные от исторических реалий построения, которые рождаются при опоре исключительно на материал лингвистической компаративистики. Это последнее замечание представляется тем более важным, если учитывать, что принципиальная верность или неверность этноисторических построений лингвистов и их практическая ценность напрямую зависят от исторического кругозора этих исследователей.

Подытоживая все сказанное выше, мне остается лишь подчеркнуть, что для того чтобы попытаться ответить на вопросы как, когда, где и по каким причинам распалась прапермская этнолингвистическая общность и началась история отдельных удмуртского и коми народов, необходимо обобщить и проанализировать весь касающийся настоящей темы лингвистический материал, данные средневековой археологии Волго-Уральского региона, имеющийся в нашем распоряжении этнографический и антропологический материал по народам, населяющим этот регион, а также факты и выводы, предоставляемые в наше распоряжение некоторыми другими науками и, базирясь на этой основе, постараться построить историческую модель дивергенции прапермской общности.

Глава 1. ИСТОРИОГРАФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

1.1. ОБ ИСПОЛЬЗУЕМОЙ МЕТОДОЛОГИИ

С прошлого столетия в сравнительно-историческом языкознании особо значимое место занимает такой методологический прием как построение генеалогических древ для различных групп (семей) родственных языков. К настоящему времени среди лингвистов сложился весьма широкий спектр мнений по поводу допустимости и целесообразности этого приема: от полного отрицания его состоятельности до его полной абсолютизации, при которой история той или иной языковой семьи рисуется в виде цепочки скачкообразных дроблений общего для данной семьи праязыка.

По моему мнению, следует, отбросив крайние точки зрения, констатировать, что построение схем родословных древ в целом оправдано, так как оно способно достаточно адекватно отображать степень родства между языками и группами языков, входящими в ту или иную языковую семью. Однако, любая схема родословных древ может отображать лишь результаты процесса языковой дифференциации, но не может претендовать на сколько-нибудь реалистичное отражение хода истории данной языковой семьи. Посему не стоит процесс языковой дифференциации рассматривать слишком упрощенно и воспринимать схему родословного древа родственных языков слишком буквально. Процесс распада «материнского» праязыка на языки «дочерние», как правило, происходит постепенно, без резких скачков и «ветвлений», что, в частности, хорошо видно на примере романских языков.

Как известно, все современные романские языки восходят к поздним латинским диалектам различных частей огромной Римской империи. Не представляется решительно никакой возможности провести четкие временные границы между этими народными говорами позднего латинского языка и собственно романскими языками, потому что таковые выглядят очень размыто. Как остроумно заметил в свое время Ф. де Соссюр «...каждый человек пользуется сегодня тем же языком, что и накануне, и так было всегда. Следовательно, нельзя назвать день, который можно

считать днем смерти латинского языка, и нельзя назвать день, который можно считать днем рождения французского языка. Никогда не было так, что жители Франции, однажды проснувшись, сказали друг другу bon jour 'добрый день' по-французски, в то время как накануне они сказали друг другу на латыни [sero] 'спокойной ночи'» [Соссюр 1990:42].

Любому живому языку присуща непрерывность во времени, и хотя инновации в нем возникают непрерывно (язык, по выражению Э.Сепира, «дрейфует» во времени), тем не менее, он меняется сравнительно медленно и обычно поколение детей и внуков говорит на практически том же самом языке, что и их отцы и деды. Должны смениться многие поколения носителей языка, прежде чем в нем произойдут столь существенные изменения, что можно будет говорить о появлении нового языка. Однако, и в этом случае деление истории языка на периоды будет в значительной мере условно. Остается лишь предположить, что такая же непрерывность эволюции и постепенность дивергенции была характерна и для уральского праязыка (языка-предка современных языков уральской языковой семьи), а также промежуточных праязыков, типа прафинно-угорского, прасамодийского, прапермского и др.

Хочется особо подчеркнуть то важное обстоятельство, что ни в коем случае нельзя понимать выражения «распад языка», «дивергенция языка» и т.п. слишком прямолинейно. Распад любого «материнского» языка на «дочерние» всегда является лишь следствием тех или иных социальных процессов, приведших к разделению «материнского» этнического сообщества на «дочерние» сообщества. Иными словами, распадается не язык, а сообщество людей, на этом языке говорящее. Таким образом, за понятием «распад языка» всегда скрываются этносоциальные процессы.

Первые попытки составления генеалогических древ финно-угорских и уральских языков относятся к последней четверти XIX века. Над этим трудились в разные годы такие именитые ученые как Й.Буденц, О.Доннер, Э.Н.Сетяля, Й.Синнеи, Д.Дечи и др. Наиболее же известная и популярная в настоящее время схема уральского родословного древа была предложена в 60-70-е годы XX века венгерским ученым Петером Хайду [см. напр. Хайду 1985:173].

Данная схема в целом получила признание среди финно-угроведов, хотя отдельные ее элементы и подвергаются критике. Так,

например, у многих исследователей вызывает сомнения реальность существования в прошлом некоторых промежуточных праязыков: финно-пермского, финно-волжского, волжского и др. [см. об этом Хелимский 1982:10-11]. Кроме того, при анализе попарных межгрупповых связей финно-угорских языков, лингвисты отмечают наличие «особых отношений» (по Е.А.Хелимскому) между отдельными финно-угорскими языками и языковыми группами, не вполне согласующихся с традиционной схемой генеалогического древа П.Хайду.

Например, мордовские языки обнаруживают несколько большую близость к языкам прибалтийско-финской группы, нежели к марийскому, с которым они по традиции объединяются в волжскую группу; марийский язык, в свою очередь, демонстрирует, пожалуй, не меньше общих лексических изоглосс с пермскими языками, чем с мордовскими, имеет немало сепаратных сходжений с пермскими языками в фонетике и морфологии [см. подробнее об этом Белых 2008]; пермские языки обнаруживают ряд общих черт с угорскими языками, в особенности с венгерским, которые не свойственны финно-волжским языкам и т.д. [Хелимский 1982: 15-22].

Проанализировав все эти казусы, Е.А.Хелимский разработал и предложил модель дивергенции финно-угорских языков, которая представляется мне весьма интересной и заслуживающей особого внимания.

Обоснованно приняв за данность то, что области распространения уральского, а затем и финно-угорского праязыков (а значит и прародины уральцев и финно-угров) занимали весьма обширную территорию, праязыки эти характеризовались значительной диалектной дробностью, Е.А.Хелимский предположил, что данные праязыковые диалекты в далеком прошлом представляли собой непрерывную цепочку (языковой континуум), каждое из звеньев которой постепенно превратилось в промежуточные праязыки, типа праприбалтийско-финского, праугорского, прапермского и т.п., а позднее и в современные финно-угорские языки [Хелимский 1982:23-24].

«В ситуации диалектной непрерывности «доугорские говоры» были наиболее близки «допермским», чуть дальше от них отстояли «домарийские», еще дальше – «домордовские» и «доприбалтийско-финские». По мере непрерывного расширения территории финно-

угров и ослабления связей между отдельными их частями, ... сходство между территориально удаленными диалектами непрерывно убывало, тогда как соседние говоры продолжали оставаться весьма близкими и склонными к общим лексическим и грамматическим инновациям... Таким образом, последовавшее за этим разделение финно-угорской общности на финно-пермскую и угорскую ветви (о его причинах можно лишь догадываться) знаменовало собой, собственно говоря, лишь отрыв доугорских диалектов от допермских: прочие финно-пермские диалекты фактически отделились от доугорских значительно раньше. Аналогичным образом шло и дальнейшее членение финно-пермской ветви, в результате чего к моменту ее распада (отделения пермской группы) домарийские диалекты были близки допермским, но уже значительно отличались от доприбалтийско-финских и т.д.» [Хелимский 1982:24].

Связи между смежными праязыковыми диалектами, которые Е.А.Хелимский называет *ареально-генетическими*, вели к формированию определенных общих черт, распространявшихся уже не на весь праязыковой ареал, а только на определенные его части, и обусловили появление вышеупомянутых «особых отношений» между отдельными финно-угорскими языками и языковыми группами. Сама история формирования промежуточных праязыков и современных финно-угорских языков представлена ученым не в виде растущего и постоянно ветвящегося дерева, а в виде постепенно растягивающейся и рвущейся во многих местах полоски [Хелимский 1982:25].

Остается лишь добавить, что данная модель дивергенции финно-угорского праязыка с успехом может быть экстраполирована как на всю уральскую языковую семью целиком, так и на отдельные ее ветви и группы, в том числе, как будет показано ниже, и на пермскую группу языков.

Как уже отмечалось, принятая в лингвистике схема родословного древа языков хотя и способна, в принципе, адекватно отображать степень родственности и местоположение внутри языковой семьи входящих в нее языков, однако, не может претендовать на сколько-нибудь реалистичное отражение хода истории данной языковой семьи и поэтому не может служить исторической моделью ее дивергенции. По сути дела, схема родословного древа представляет лишь результаты, промежуточные и

конечные итоги языковой истории этой дивергенции, но практически никак не иллюстрирует ее ход.

В целях более четкого объяснения сущности и содержания процесса языкового распада В.В.Напольских предложена новая принципиальная его модель [Напольских 1997а:110-112]. В общих чертах, данная модель выглядит следующим образом. По В.В.Напольских, процесс распада начинается с того, что в определенный исторический момент в праязыковом ареале начинает действовать некий неязыковой дезинтеграционный фактор. Этим фактором может быть доминирующее влияние чужого языка и культуры, изменения экологической обстановки, освоение новых отраслей экономики, возникновение новых политических центров и т.д. В том случае, если влияние указанного дезинтеграционного фактора ощутимо проявляет себя лишь в определенной части праязыкового ареала, оно «стягивает» возникающие в этом ареале культурные и, соответственно, языковые инновации к какому-то одному или нескольким районам. Так складываются один или несколько центров концентрации инноваций, которые уже не охватывают весь праязыковой массив целиком; наряду с ними сохраняются зоны с консервативным развитием. Далее, в силу преимущественной концентрации инноваций в вышеназванных центрах, в них начинают действовать внутренние локальные интеграционные силы, противостоящие силам интеграции всего «материнского» праязыкового массива. Формирующиеся таким образом новые «дочерние» языковые массивы постепенно обособляются от «материнского», хотя и сохраняются междиалектные ареально-генетические связи между соседними (пограничными) группами данных массивов. Эту стадию распада праязыка В.В.Напольских именует «почкованием» дочерних групп и считает, что она может завершиться окончательным обособлением «дочерних» групп и возникновением, в итоге, нескольких новых языков, один из которых, в сущности, будет представлять из себя «недифференцированный» остаток «материнского» праязыка.

Однако, по мнению ученого, более вероятно другое развитие процесса. В конце фазы «почкования» носители «дочерних» языков, восприняв все то новое, что послужило причиной их обособления (например, освоив новые виды экономики, новые хозяйственные приемы, новое природное окружение, войдя в состав новых

формирующихся политических образований и т.п.) начинают сами активно воздействовать на «материнский» массив, выступая, по сути дела, в качестве нового дезинтеграционного фактора для этого массива. Такое воздействие, вероятно, существенно облегчалось, благодаря сохраняющимся ареально-генетическим связям между «материнскими» и «дочерними» группами и в итоге приводило к полному поглощению (ассимиляции) первых последними. Таким образом, процесс распада праязыка приходит к своему завершению.

Чрезвычайно важно и значимо заключение, которое делает В.В.Напольских из изложенного выше: «...факт языкового распада (а следовательно – и его датировка) определяется не собственно внутриязыковыми причинами <...>, а исключительно социальными обстоятельствами, историческими причинами, которые приводят к тому, что в сознании людей, причисляющих себя к той или иной общности, закрепляется представление об обособленности, самостоятельности этой общности и её особом имени и, соответственно – о самостоятельности их языка, язык получает имя. Такими обстоятельствами могли быть миграции, приводившие к прекращению ареально-генетических контактов, вмешательство иноязычных групп (субстратные, адстратные или суперстратные влияния, приход иноязычного населения и образование территориального «клина» между диалектами праязыка) образование социально-экономических и политических организмов. Исследователь предыстории должен видеть за распадом праязыка социальные процессы» [Напольских 1997а:113].

Важно также отметить, что в ходе дивергенции тех или иных праязыков многие группы носителей этих языков и их диалектов не оставили прямых языковых потомков, а были ассимилированы либо иноязычным, либо родственным по языку населением. Что же непосредственно касается предыстории уральской семьи языков и ее дивергенции, вышеозначенные прауральские группы В.В.Напольских было предложено именовать *парауральцами*, в отличие от *эндоуральцев* – носителей той части прауральских диалектов, к которым прямо восходят современные уральские языки, прямыми языковыми и этническими потомками которых являются современные народы уральской языковой семьи и *экзоуральцев* – соседивших с эндоуральцами и парауральцами групп населения неуральской изначально языковой принадлежности, которые в силу

каких-то исторических причин перешли на уральскую речь, т.е. – древние группы населения, могущие быть генетическими, но не языковыми предками нынешних уральцев [Напольских 1991:22-23; 1997a:113]. Как будет видно ниже, терминология, разработанная В.В.Напольских, с успехом может быть перенесена и на прапермскую этнолингвистическую общность. В последующих параграфах и главах мною будут активно использоваться термины *эндопермяне*, *экзопермяне* и *парапермяне* применительно к соответствующим группам пермского пранарода.

Особо хочется подчеркнуть ту существенную роль, какую сыграли в уральской предыстории парауральцы: они не только оставили различные субстратные явления в языках и культурах поглотивших их групп, но и обеспечивали ареально-генетические связи внутри прауральской этнолингвистической общности, а также ареальные связи между уральским и обитавшим с ним по соседству неуральским населением.

1.2. ПРАПЕРМСКАЯ ЭТНОЯЗЫКОВАЯ ОБЩНОСТЬ

Как уже говорилось выше, среди языковедов-уралистов существуют точки зрения, ставящие под сомнение историческую реальность существования в прошлом некоторых промежуточных уральских праязыков. Подобные сомнения касаются таких праязыков как *финно-пермский*, *финно-волжский*, *волжский*, и некоторых других.

В связи с этим, следует подчеркнуть, что практически ни у кого из финно-угроведов не возникает никаких колебаний в вопросе о достоверности существования *пермского* праязыка – языка-основы для последующего сложения современных коми-зырянского, коми-пермяцкого и удмуртского языков. В самом деле, близкое родство этих трех последних языков столь явственно, что очевидно даже для неспециалиста. Это родство проявляет себя на всех языковых уровнях и носит ярко выраженный системный характер. Так, например, по оценке П.Хайду, лексические фонды коми и удмуртского языков совпадают приблизительно на 70% [Хайду 1985:49], причем особенно высок процент совпадений в слое устойчивой лексики (так называемом основном лексическом фонде), т.е. в той части их

лексикона, присущей любому языку, где заимствования или иные замены одного слова другим очень редки и происходят крайне медленно во времени. Фонемный состав всех трех литературных языков пермской группы является полностью тождественным (как количественно, так и качественно); в морфологическом строе пермских языков (в их литературных нормах) из 15-ти падежей удмуртского, 16-ти – коми-зырянского и 17-ти – коми-пермяцкого, 14 падежей являются общими для всех трех языков, общим по происхождению является подавляющее большинство отглагольных форм, практически полностью совпадают их системы числительных и многое другое.

Все данные факты однозначно свидетельствуют о том, что близость друг к другу коми и удмуртского языков не может быть вызвана какими бы то ни было вторичными контактами их носителей, а проистекает из того обстоятельства, что данные языки происходят от единого языка-предка – общепермского языка-основы, носителем которого должен был быть пермский пранарод.

Согласно господствующим сегодня в финно-угроведении воззрениям, обособление прапермской этноязыковой общности от других известных нам финно-угорских языков произошло около середины II тыс. до н. э. [Décsi 1965:154, 183; ОФУЯ 1974:39; Хайду 1985:173]. По вопросу же о времени и причинах распада этой общности, разделения ее на удмуртскую и коми ветви в науке имеется целый ряд весьма отличных друг от друга мнений. Данной темы касались в своих сочинениях как зарубежные (Ю.Вихманн, П.Хайду, К.Редеи, А.Рона-Таш и др.), так и отечественные исследователи (В.И.Лыткин, Т.И.Тепляшина, Л.П.Лашук, А.Х.Халиков, Р.Д.Голдина, Э.А.Савельева, В.Е.Владыкин и др.). Однако, и сейчас дискуссию по данной проблеме нельзя считать законченной. Прежде всего, нужно сказать о том, что выводы и построения представителей двух основных ученых «цехов», работающих по данной проблематике – археологов и лингвистов – серьезно расходятся между собой.

1.3. МНЕНИЯ И КОНЦЕПЦИИ АРХЕОЛОГОВ

Среди археологов наиболее распространенным, ставшим уже почти «классическим» в археологии Волго-Уральского региона,

является суждение, впервые высказанное еще А.П.Смирновым, а затем и В.Ф.Генингом [Смирнов 1952:244; Генинг 1967:272-273] и получившее свое дальнейшее развитие в работах многих других исследователей, о том, что *ананьинская* археологическая культура (культурно-историческая общность, далее – КИО) VIII-III вв. до н. э. представляла из себя еще не распавшуюся прапермскую этнолингвистическую общность. По мнению Р.Д.Голдиной, Э.А.Савельевой и ряда других ученых, начало распада прапермского единства на две части (пракоми и праудмуртов) следует связывать с финалом ананьинской КИО и формированием на ананьинской основе в конце III в. до н. э. двух археологических культур: на Средней и Верхней Вычегде, в верховьях Печоры и Среднем Прикамье – *гляденовской*, а в Нижнем Прикамье и в бассейне Вятки – *пьяноборской* [см. напр. Голдина 1987:10-11; 1999; 2004; Савельева 1995:13].

Разумеется, нельзя говорить о полном единодушии сторонников данной точки зрения. Так, например, В.Ф.Генинг, соглашаясь с пракоми этнической принадлежностью носителей гляденовской культуры, либо совсем отрицал участие пьяноборцев в формировании удмуртского народа, либо признавал такое участие лишь в отношении южных удмуртов. Истоки же этногенеза северных удмуртов он видел в выделяемой им в Среднем Прикамье особой *осинской* культуре III в. до н. э. – II в. н. э. [Генинг 1958:73; 1963:21; 1967:274; 1988:220-222]. Однако, подобного рода «отклонения от нормы» обычно не находят поддержки у коллег и, как правило, негативно оцениваются их большинством [см. напр. Владыкин 1970:40; Wladikin 1972:245-248; Голдина 1987:13 и др.].

Характерной чертой данной гипотезы является то, что она основана лишь исключительно на археологических материалах, что само по себе является существенным недостатком (см. Введение), и, кроме того, вступает в явное противоречие с данными пермского языкознания, которые однозначно свидетельствуют, как мы видели выше, об очень большой близости пермских языков между собой, и о том, что, как будет показано ниже, отнесение времени распада прапермской этнолингвистической общности ко второй половине I тыс. до н. э. является абсолютно неприемлемым.

В начале 1970-х годов в обсуждение проблем ранних этапов этнической истории удмуртов включился удмуртский этнолог

В.Е.Владыкин. В нескольких своих работах он проделал анализ имевшейся на тот момент, главным образом, археологической литературы по данной теме, и высказал во многом сходные с мнением вышеупомянутых археологов суждения по поводу распада прапермской этнолингвистической общности. Главное, чем характеризуются и отличаются от прочих упомянутые работы В.Е.Владыкина в части, касающейся проблемы распада прапермской общности, – это их чрезвычайная витиеватость, а также порой совершенная нелогичность, запутанность и противоречивость рассуждений автора. Так, например, он в принципе присоединился к заключению о том, что финал ананьинской культуры и ее распад на гляденовскую и пьяноборскую АК в III в. до н. э. явились результатом разделения прапермской общности на пракоми и праудмуртов [Владыкин 1970:40; Wladikin 1972:243-244]. При этом В.Е.Владыкин писал: *«таким образом, вполне возможно, что этнический процесс отделения удмуртов от коми предшествовал распаду их общей древней (археологической) культуры <ананьинской – С.Б.>, [и] мы можем рассматривать упомянутые различия в древних культурах верхней и нижней Камы [как возникшие] непосредственно после распада пермских народов, то есть – как следствие этого обстоятельства»*³ [Wladikin 1972: 244]. Из этого, казалось бы, следует вывод о том, что прапермская общность должна была распасться ещё до распада ананьинской КИО, то есть – **раньше III века до н.э.** Абзацем ниже, однако, читаем: *«Таким образом, мы должны на основании этого обзора относить распад древнепермской этнической и языковой общности вместо IX – X веков н.э. к гораздо более раннему [времени], должен был иметь место длительный процесс, который начался примерно к началу нашей эры и нашёл своё завершение в первой половине I тысячелетия н.э. <выделение моё – С.Б.>»*⁴ [Wladikin 1972:244].

³ Перевод мой, в оригинале: “So ist es durchaus möglich, daß der ethnische Trennungsprozeß von Udmurten (Wotjaken) und Komi (Syrjänen) dem Zerfall ihrer gemeinsamen frühgeschichtlichen (archäologischen) Kultur vorausging, können wir doch in den frühgeschichtlichen Kulturen an der unteren und an der oberen Kama die erwähnten Unterschiede gerade nach der Trennung der permischen Völker, also als Folge dieser Tatsache beobachten”.

⁴ “So haben wir auf Grund dieser Einsichten den Zerfall der altpermischen ethnischen und sprachlichen Gemeinschaft statt im 9–10. Jahrhundert u. Z. wesentlich früher anzusetzen, muß es sich doch um einen langwierigen Prozeß gehandelt haben, der

Совершенно очевидно, что В.Е.Владыкин противоречит самому себе. Приходится с прискорбием констатировать, что отыскать в этих наукообразных сентенциях хоть какую-то логику абсолютно невозможно.

В сущности, такая «оригинальная» датировка, а также указание на многовековую длительность процесса распада прапермской общности и являются главными отличительными чертами «концепции» В.Е.Владыкина. В остальном же она характеризуется почти полной опорой на археологический материал и выводы археологов при недостаточном, на мой взгляд, внимании к данным лингвистической пермистики, выводы которой исследователь оспаривает.

Коль скоро речь зашла о вкладе этнографов и этнологов в исследовании рассматриваемой тематики, можно заметить, что работы этнологов, изучавших ранние этапы истории пермских народов базировались в первую очередь и главным образом на археологической источниковой основе. Да и вообще говоря, в данных этноисторических сочинениях основное внимание, как правило, уделялось сравнительно поздним этапам истории пермян, а тема общепермских истоков истории коми и удмуртского народов, тема прапермской этнической общности либо затрагивалась поверхностно [см. напр. Лашук 1972], либо старательно обходилась [см. напр. Жеребцов 1982].

Особняком среди суждений археологов, занимающихся проблемами этнической истории Волго-Уральского региона, стоит точка зрения А.Х.Халикова, который вообще отрицал пермскую основу у пьяноборской и следующей за ней азелинской культур и датировал разделение прапермян на пракоми и праудмуртов то IX-X вв., желая, видимо, полного совпадения своей датировки с датировкой лингвистов (см. ниже) [Халиков 1979], то даже временем не ранее XV-XVI вв. [Халиков 1991:81]. А.Х.Халиков существенно расходился со своими коллегами и в вопросе локализации пермской прародины, помещая ее не в Прикамье, как это делает большинство исследователей археологии Волго-Уральского региона, а в междуречье Вятки и Вычегды [Халиков 1989, 1991:70-89]. Он

etwa zu Beginn unserer Zeitrechnung einsetzte und in der ersten Hälfte des I. Jahrtausends u. Z. seinen Abschluß fand”.

полагал, что «...этническая история предков удмуртского народа в I тысячелетии н. э. развивалась значительно севернее и северо-западнее Нижнего Прикамья на гляденовской и постгляденовской основе в тесной связи с другими пермскими народами. От балтов (именьковские племена), азелинцев (древнемарийские племена) и древних венгров (кушнаренковско-караякуповские племена) предки удмуртов были отсечены огромным ломоватовско-поломским массивом, этническая основа носителей которого скорее всего была древнетюркской» [Халиков 1989:47-48].

По А.Х.Халикову, археологическим аналогом единой прапермской этнолингвистической общности следует считать вычегодский вариант гляденовской АК, а начало обособленного существования прапермской общности надо относить к выделению гляденовской культуры из ананьинской КИО. В более позднее время прапермяне были представлены носителями ванвиздинской культуры. По мнению А.Х.Халикова, в IX-X вв. произошла дифференциация прапермской общности на пракоми (вымская культура) и праудмуртов (памятники типа Лузской Пермцы) [Халиков 1979]. Впрочем, в других своих сочинениях, как уже упоминалось, А.Х.Халиков относит время распада прапермской общности к XV-XVI вв., что вносит дополнительную путаницу в его рассуждения.

Вывод А.Х.Халикова об исключении нижнего течения Вятки и Камы, да и почти всего Камского бассейна из ареала обитания прапермских групп в I тыс. н.э. выглядит более чем спорным. Первым из двух заслуживающих внимания аргументов в пользу такого вывода, выдвинутых А.Х.Халиковым, можно было бы считать наличие в марийском языке балтских заимствований при отсутствии таковых в пермских языках. Ученый полагал, что данные лексические балтизмы являются свидетельством имевших место контактов прамарийцев-азелинцев с носителями *именьковской* археологической культуры IV-VII вв. н. э., которых А.Х.Халиков был склонен считать балтами по языковой принадлежности [Халиков 1989:45-47].⁵

Однако, сравнительно недавние изыскания на сей предмет В.В.Напольских позволяют констатировать наличие в пермских языках, по меньшей мере, около десятка протославянских

⁵ Впрочем, в других своих сочинениях А.Х.Халиков, по крайней мере, не исключает и праславянскую принадлежность именьковцев [см. напр. Халиков 1991:79].

лексических заимствований, появление которых этот исследователь достаточно убедительно связывает с контактами в середине I тыс. н. э. южных пермян с именьковцами – носителями, по Напольских, весьма архаичного позднепротославянского или балто-славянского диалекта [Напольских 1996; 2006а; Napolskich 1996].⁶

Второе «доказательство» очень позднего проникновения пермян на р. Каму, по мнению А.Х. Халикова, заключается в том, что в пермских и венгерском языках якобы отсутствуют какие бы то ни было следы взаимодействия прапермян с протомадьярами – носителями *кушнареноквской* (*кушнаренокво-караякуповской*) культуры. Ссылаясь на исследование чувашского лингвиста Г.Корнилова, рассмотревшего более 400 вероятных, на его взгляд, венгерско-пермских лексических параллелей, А.Х.Халиков присоединяется к заключению последнего о том, что *«...из 404 предположительно гомогенных основ в венгерском и пермских языках, на базе которых собственно держится мнение о ближайшем родстве последних, абсолютное большинство – около 350 – обнаруживается также в чувашском... и в других тюркских языках», а из этого следует, что «основная масса пермско-угорских параллелей может быть генетически увязана с соответствующим тюркским материалом»* [цит. по Халиков 1989:47].

К сожалению, чувашский ученый в упомянутой статье [Корнилов 1981] не дает анализа всех 404 лексических параллелей и, более того, не приводит их в своей работе, знакомя читателя лишь с конечными итогами предпринятого им исследования. Однако следует заметить, что даже если Г.Корнилов абсолютно прав в своих выводах, эти выводы, строго говоря, никак не могут быть истолкованы в пользу точки зрения А.Х.Халикова. В самом деле, оставшейся примерно полсотни сепаратных пермско-венгерских лексических параллелей, в принципе более чем достаточно для того чтобы усмотреть в таком положении вещей наличие уже знакомых нам «особых отношений» между указанными языками и большую вероятность формирования хотя бы части этих «особых отношений» именно благодаря контактам прапермян с кушнареноквцами.

⁶ По мнению В.В.Напольских, носители именьковской культуры вполне могли быть какой-то особой протобалтославянской группой, язык которой с одинаковым успехом можно отнести как к славянским, так и к балтским [Напольских 2006а].

Кроме того, нельзя забывать, что, наряду с лексическими, имеются также общие для пермских и венгерского языков фонетические и даже морфологические изоглоссы и инновации [см. об этом Хелимский 1982:19-20]. И хотя интерпретация и точная датировка многих из этих параллелей на сегодняшний день затруднены, можно с известной осторожностью предполагать, что они в какой-то своей части могли быть вызваны вторичными контактами типа пермско-кушнаренковских.

Подчеркну, что речь может идти не о «ближайшем родстве» между венгерским и пермскими языками, как ошибочно себе это представляли Г.Корнилов и А.Х.Халиков, а об ареально-генетических связях, вторичных контактах прапермян и протомадьяр.

Еще менее правдоподобным, на мой взгляд, является, предположение А.Х.Халикова о «древнетюркской» этнической основе носителей *поломской* (бассейн р.Чепцы) и *ломоватовской* (Верхнее Прикамье) археологических культур V-IX вв. Вообще говоря, тема гипотетических контактов пермян с какими-то тюркоязычными группами в добулгарскую эпоху вызывает живейший интерес у части археологов. Сам А.Х.Халиков полагал, что некоторые археологические культуры Среднего Поволжья IV-VI вв. н.э. оставлены кочевым населением и должны быть связаны с тюрками [Халиков 1971]. Однако, эта идея в сущности повисла в воздухе, так как не может быть подкреплена никакими реальными доказательствами [Zimonui 1990:52-55]. Как уже говорилось выше, А.Х.Халиковым было высказано и активно поддерживалось предположение о том, что носители *поломской* и *ломоватовской* археологических культур V-IX вв. также были тюркоязычны [Халиков 1989:48; 1991:80]. Однако, нельзя не заметить, что точная этническая идентификация носителей той или иной археологической культуры, основанная лишь на материалах и данных археологии как правило затруднительна. Не менее (а скорее даже более) логичной и доказательной выглядит точка зрения о пермской этнической принадлежности *поломцев* и *ломоватовцев* [Голдина 1987]. Следует подчеркнуть, что особой поддержки среди коллег данная гипотеза А.Х.Халикова не находит, но встречает решительные возражения и подвергается критике [см. напр. Иванова 1987:61].

Попытка же А.Х.Халикова подкрепить свою гипотезу языковыми материалами вряд ли может быть признана удачной.

Опираясь на работы И.В.Тараканова, который является, пожалуй, самым последовательным сторонником уже довольно известной гипотезы о наличии в пермских языках «древнетюркских» добулгарских лексических заимствований [см. Тараканов 1981:28-32; 1982:148-151; 1993], А.Х.Халиков пытался доказать, что языком-источником для этих тюркизмов в удмуртском и коми языках был язык полемско-ломоватовского населения [Халиков 1989:48; 1991:80].

Затрагивая тему начала пермско-тюркского этнокультурного взаимодействия, нужно сказать, что в настоящее время большинство исследователей считает возможным прямо увязывать начало пермско-тюркских контактов с проникновением в середине – второй половине VIII в. [Казаков 1992:5] в Среднее Поволжье и Нижнее Прикамье тюркоязычного булгарского населения, к началу X в. создавшего здесь первое в регионе государственное образование – Волжскую Булгарию.

В то же время некоторые исследователи предпринимали и предпринимает попытки удревнить дату начала пермско-тюркских контактов. Более 30 лет назад В.И.Алатырев и В.И.Лыткин [Алатырев 1965, 1976, 1977; Лыткин 1967] впервые поставили вопрос о наличии в пермских языках так называемых «древнетюркских» лексических заимствований. Справедливости ради нужно указать, что В.И.Лыткин не настаивал на особой древности этих заимствований и непременно усвоении их пермянами еще в добулгарскую эпоху. Он лишь осторожно предполагал, что не позже раннебулгарского времени (т.е. около VIII-X вв.) предки коми и удмуртов могли иметь контакты с носителями тюркских языков нечувашского типа. Результатом этих контактов стали лексические тюркизмы, проникшие, по мнению В.И.Лыткина, в прапермский язык-основу еще до того как он распался. К таким заимствованиям В.И.Лыткин отнес:

1. удм. *śidani* ‘терпеть, выносить’, кп. *śidni* ‘злиться, обижаться’, кя. *śidəm* ‘зло, чувство обиды’, кз. *śidje-vadje volini* ‘побывать в нужде, в безвыходном положении, многое вытерпеть’ [Лыткин 1967:138-139];

2. удм. *kuz*, кз., кп., кя. *goz* ‘пара’ [Лыткин 1967:139];

3. кя. *kodəm* ‘колодец’ [Лыткин 1967:139];

4. кя. *bājar* ‘богатый’ [Лыткин 1967:139];

5. кя. *tul̄m* ‘порожистое место в реке, пережат с крупными камнями’ [Лыткин 1967:139].

Необходимо заметить, что отнесение трех последних слов к ранним тюркским заимствованиям в общепермский праязык представлялось сомнительным даже самому Лыткину [1967:139, 142], т.к. они обнаружены только в коми-язьвинском диалекте, и поэтому более вероятно, что они попали в этот диалект значительно позже распада прапермской общности «из какого-то тюркского языка» [Лыткин 1967:139]. По поводу удм. *kuz*, коми *goz* ‘пара’ замечу, что сопоставление их с тат., баш. *quš* ‘двойной, сдвоенный, парный’, хакас. *χos* ‘тж.’ небезупречно с фонетической стороны и пермское слово имеет вполне надёжную собственно финно-угорскую этимологию [Лыткин 1967:139]. Что же касается этимологии первого в вышеуказанном списке слова, то сегодня с уверенностью можно говорить о его монгольском происхождении и проникновении этой лексемы в пермские языки не ранее XIII вв. через посредство поволжско-тюркских языков [Белых 1999:252-253; Belykh 2007:33].

И.В.Тараканов, восприняв идеи В.И.Алатырева и В.И.Лыткина, основательно их переработал и в итоге стал главным и, на сегодняшний день, практически единственным разработчиком гипотезы о наличии в пермских языках «древнетюркских» **добулгарских** заимствований [см. Тараканов 1981:28-32; 1982:148-151; 1993], проникших в пермский праязык, по его мнению, еще в гуннскую эпоху. Таких заимствований ученый насчитывает около 20 [Тараканов 1981:30-32; 1982:149-151; 1993]. Критериями для выделения этого пласта заимствованной лексики И.В.Тараканов считает: *«а) сохранение древнетюркских *ö, *a, *э в удмуртском языке, которые в современных чувашском, татарском и башкирском языках сузились в процессе их исторического развития и перешли в различные звуки; б) общенародный характер их функционирования в удмуртском языке; в) отсутствие некоторых из них в современных поволжских тюркских языках и наличие в других азиатских тюркских языках – в уйгурском, казахском, киргизском, чагатайском (староузбекском) или в монгольском»* [Тараканов 1981:29-30; 1982:147-148].

Сразу же замечу, что первый из называемых Таракановым критериев безусловно ошибочен, т.к. в таком случае к

«древнетюркским» заимствованиям следовало бы отнести значительную часть древнечувашских (булгарских), татарских и башкирских заимствований в удмуртском языке. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на те списки тюркских заимствований удмуртского языка, что предлагаются самим Таракановым [см. напр. Тараканов 1993.] Второй же и третий критерии И.В.Тараканова явно недостаточны для определения такого рода заимствований, потому как, во-первых, почти все древнечувашские заимствования и несколько сот татаризмов присутствуют во всех или в большинстве удмуртских диалектов и носят, таким образом, общенародный характер, а во-вторых, отсутствие тех или иных соответствий в современных литературных чувашском, татарском и башкирском языках еще не означает автоматически их отсутствие в каких-либо диалектах этих языков или в средневековых тюркских языках данного региона (волжско-булгарском, кыпчакском, старотатарском и т.д.).

При ближайшем же рассмотрении выясняется, что практически все, трактуемые И.В.Таракановым как добулгарские, лексические тюркизмы пермских языков, являются на деле либо булгаро-чувашскими, либо поволжско-кыпчакскими (татарскими или башкирскими) заимствованиями [см. об этом Напольских 1995]. И даже те очень немногие слова, соответствий которым не найдено в современных чувашском, татарском и башкирском языках, не обладают никакими отличительными особенностями, позволяющими относить время их попадания в пермские языки к добулгарской эпохе. К тому же, то обстоятельство, что те или иные тюркизмы пермских языков не обнаруживаются в **современных литературных** татарском, башкирском и чувашском языках отнюдь не исключает их наличия в каких-либо диалектах данных языков или, например, такой возможности, что слова эти вышли из живого употребления в современных поволжско-тюркских языках в относительно недавнее время (скажем, 100-200 лет назад). Необходимо особо подчеркнуть, что на сегодня попросту никем не предложено никаких сколько-нибудь четких и бесспорных критериев, дающих возможность выделить в пермских языках «древнетюркские» добулгарские заимствования из общего массива тюркизмов. Критерии же, предлагаемые И.В.Таракановым, как было показано выше, оказываются недостаточными и не удовлетворяют искомым требованиям [см. также Напольских 1995:43].

Итак, гипотеза И.В.Тараканова при внимательном рассмотрении не выдерживает никакой критики и посему может и должна быть отставлена в сторону. По мнению большинства исследователей пермско-тюркских языковых и этнокультурных связей традиционная точка зрения, согласно которой начало контактов пермян с тюрками следует связывать с появлением около VIII в. в Среднем Поволжье и Нижнем Прикамье болгарских племен, по сей день представляется наиболее вероятной и приемлемой. Во всяком случае на этом сходятся выводы и археологов, и лингвистов, и этнографов, и историков [см. напр. Краснов 1974:117; Казанцев 1985:81; Кузеев 1992:44-46; Zimonyi 1990:54-55]. Мне остается лишь добавить, что сам по себе поиск языковедами, археологами и другими учеными следов контактов древних пермян с тюрками в добулгарское время не выглядит столь уж бессмысленным, однако такой поиск требует обязательной разработки строгих научных критериев, позволяющих отличать эти следы от последствий более поздних контактов между тюрками и пермянами.

Таким образом, говорить об обнаружении в удмуртском и коми языках такого рода тюркских лексических заимствований, по крайней мере, преждевременно, да и сама возможность такого обнаружения пока представляется весьма призрачной и, следовательно, тем меньше вероятность того, что полумско-ломоватовское население было тюркоязычным. Само же наличие в пермских языках (особенно в удмуртском) значительного пласта тюркских заимствований никак не подтверждает тюркоязычности полумцев и ломоватовцев, как это пробовал показать А.Х.Халиков. Гораздо логичнее выглядит мысль о том, что все эти тюркизмы попали в пермские языки из средневековых и современных тюркских языков Волго-Уралья – болгарского, кыпчакского, чувашского, татарского и башкирского.

Резюмируя анализ этногенетических построений А.Х. Халикова, скажу что, справедливо, в принципе, критикуя сторонников «классической» точки зрения за односторонний, основанный почти сугубо на данных археологической науки подход к проблеме дивергенции прапермской этнолингвистической общности, этот маститый ученый практически так и не сумел выйти за рамки своей дисциплины: его попытки обратиться за помощью к лингвистическим материалам в основной своей части могут быть с успехом оспорены, а

порой и опираются на явно ошибочные выводы других исследователей.

1.4. МНЕНИЯ И КОНЦЕПЦИИ ЯЗЫКОВЕДОВ

В финно-угорском языкознании существует свой, ставший традиционным, взгляд на проблему распада прапермской общности. Большинство лингвистов, работающих в данной области, относят его (распад) к концу I тыс. н. э.: по В.И.Лыткину – не ранее VIII-IX или IX-X вв., по П.Хайду – приблизительно VIII в. [Лыткин 1957:24, 1967:136; Хайду 1985:49].⁷ Эта датировка зиждется целиком и полностью на следующем основании.

Проникшие в Среднее Поволжье в VIII в. тюркоязычные булгары, к началу X в. создавшие здесь сильное и влиятельное государство – Волжскую Булгарию, оставили заметный след в культуре своих северных соседей-пермян. Уже давно замечено, что последствия этого влияния отражены в удмуртском и коми языках неодинаково. В удмуртском языке разными исследователями выявлено несколько сот болгарских лексических заимствований (от примерно полутораэта, по Ю.Вихманну, до более 400, по М.Р.Федотову), а в лексическом фонде коми языков болгаризмов обнаружено не более двух-трех десятков [Wichmann 1903; Raun 1957; Лыткин 1967:132-137; Федотов 1968; Rédei, Róna-Tas 1975; Тараканов 1987:14; Напольских 2009b].

Столь существенная разница в количестве лексических болгаризмов в удмуртском и коми языках еще в начале прошлого столетия была объяснена финским ученым Ю.Вихманном тем обстоятельством, что к моменту начала пермско-булгарских контактов предки удмуртов и коми еще сохраняли этноязыковое

⁷ Некоторые языковеды, впрочем, в последние годы пытаются пересмотреть последнюю датировку в сторону ее удревнения [см. напр. Атаманов 1992:11], хотя и не приводят, по сути дела, никаких весомых аргументов в пользу такого пересмотра. На мой взгляд, данные попытки можно объяснить стремлением части исследователей «согласовать» столь разнящиеся датировки лингвистов и археологов и найти «компромиссное» решение. Отмечу сразу же, что эти попытки, в целом, не находят отклика среди основной части финно-угроведов и подвергаются вполне обоснованной критике [см. напр. Хелимский 1994:67].

единство. В результате, часть болгаризмов (чувашизмов – по Вихманну) была заимствована еще в общепермский язык-основу. Позднее предки коми начали переселяться на север, вследствие чего, якобы, произошло локальное разобщение праудмуртских и пракоми племен, и болгаризмы перестали попадать к последним [Wichmann 1903:145].

Сам Ю.Вихманн никак не объяснил причин такого переселения предков коми на север, а подавляющее большинство лингвистов, занимавшихся данной проблематикой в последующее время также не позаботилось исторически обосновать его гипотезу, попросту приняв ее за постулат.

Предположение К.Редеи об обусловленности отделения предков коми от предков удмуртов вытеснением первых с прежней этнической территории булгарами [Rédei 1986:28, 31] вряд ли может считаться удовлетворительным, т.к. нет никаких оснований считать, что миграция пракоми, имевшая, как будет показано в дальнейшем, весьма постепенный, «ползучий» характер [см. также Жеребцов 1982:45], могла привести к окончательному территориальному разобщению предков удмуртов и коми.⁸

Необходимо особо подчеркнуть, что отнесение лингвистами распада прапермской общности к VIII-X вв. н. э. не подтверждено ни прямо, ни косвенно практически никакими историческими источниками, никакими данными археологии, этнологии и пр. и продолжает повторяться поныне во многих научных и научно-популярных сочинениях благодаря лишь тому, что вплоть до сравнительно недавнего времени в пермистике не существовало заслуживающей внимания альтернативы миграционной теории Ю.Вихманна.

Впервые такая альтернатива была выдвинута удмуртским лингвистом Р.Ш.Насибуллиным в октябре 1987 года на X совещании финно-угроведов по диалектологии и истории языка в Москве и получила развитие в более поздних выступлениях и публикациях этого ученого [Насибуллин 1990, 1992]. В отличие от Ю.Вихманна, В.И.Лыткина, К.Редеи и других Р.Ш.Насибуллин видит причину распада прапермской языковой общности не в территориальном разобщении пермских племен в результате «великого переселения»

⁸ См. подробнее об этом в Главах 3 и 4.

пракоми на север, а «в *неравномерном развитии отдельных диалектов и звеньев общепермского языка-основы в течение всего общепермского периода*» [Насибуллин 1992:89]. Резкое же различие в количестве болгаризмов в удмуртском и коми языках он вполне логично объясняет тем, что «с конца XI – начала XII вв. свободные клетки коми языка стали заполняться русскими словами», что создало своего рода заслон для проникновения болгарских заимствований [Насибуллин 1992:86].

Ученый постулирует существование в болгарскую эпоху общепермского единства в виде непрерывной диалектной цепочки (континуума) между северноудмуртскими и южнокоми диалектами, которая, по его мнению, была разорвана лишь в XV-XVII вв. в результате заселения русскими Вятского края, ассимиляции или отступления удмуртов и, возможно, коми и, как следствие, образование широкого, заселенного русскими коридора, разделяющего ныне коми и удмуртов [Насибуллин 1992:92]. В ситуации диалектной непрерывности удаленные друг от друга диалекты общепермского праязыка уже серьезно отличались друг от друга, тогда как любые смежные диалекты оставались весьма близкими и сходными.

Идея Р.Ш.Насибуллина об общепермском праязыковом континууме блестяще подтверждает на новом уровне принципиальную верность модели развития и дробления прафинно-угорских диалектов, предложенную Е.А.Хелимским [см. выше и Хелимский 1982:25-26].

1.5. НАМЕТИВШИЕСЯ ПУТИ РАЗРЕШЕНИЯ ПРОТИВОРЕЧИЙ

Итак, на сегодняшний день существует две основные традиции в рассмотрении проблемы дивергенции прапермской этнолингвистической общности: археологическая и лингвистическая. Характерной особенностью обеих этих традиций является опора почти исключительно на материалы, средства и инструментарий лишь одной дисциплины – соответственно археологии и языкознания, отсутствие комплексности, взаимодействия между смежными науками в подходе к решаемой проблеме. Именно эта

несогласованность и привела к столь разным и по сути противоречащим друг другу результатам в вопросе о датировке распада прапермской общности. Расхождение здесь составляет не менее 1000 лет!

Тем не менее, благодаря многолетним трудам археологов можно считать доказанным (насколько это вообще возможно для исследований предыстории), что ранние этапы формирования пермских народов восходят к ананьинской КИО VIII-III вв. до н. э. Вопрос состоит лишь в том, чтобы определить, в какой мере и в какой своей части ананьинская КИО является предковой для современных пермян.

По всей видимости, уже давно надлежит отказаться от слишком упрощенного и несомненно ошибочного тезиса, который вкратце можно выразить словами: «одна археологическая культура = один народ», ибо на поверку этногенетические процессы всегда оказываются намного сложнее. По-видимому, следует полагать, что лишь какая-то отдельная, возможно даже очень небольшая локальная группа, принадлежавшая к огромной и, вероятно, этнически неоднородной ананьинской культурно-исторической общности послужила основой для дальнейшего развития прапермского этнического социума. Считать же всю целиком данную общность археологическим аналогом прапермской этнолингвистической общности, которая распалась на пракоми и праудмуртов с распадом ананьинской культуры на гляденовскую и пьяноборскую, не позволяют, по моему разумению, следующие два обстоятельства.

Во-первых, как это уже отмечалось выше, крайне маловероятно, чтобы коми и удмуртский языки, отделившись друг от друга более двух тысяч лет назад, сохранили столь значительное число общих черт и, в том числе, общих заимствований из третьих языков (например, тех же протославизмов и болгаризмов), которые проникли в ещё единый пермский праязык бесспорно гораздо позже распада ананьинской КИО.

Во-вторых, очень трудно себе представить, что пермские языки сумели бы сохранить так много общего, в случае если бы предки удмуртов и коми уже во второй половине I тыс. до н. э. расселились на такой громадной территории: от Вычегды и Печоры на севере до Нижней Камы на юге.

Подобное положение вещей привело к тому, что настоящему времени среди исследователей этнической истории пермских народов вызрело и стало все чаще высказываться весьма интересное и достойное самого пристального внимания мнение о том, *«что представленные лингвистами доказательства близости коми языков с удмуртским... свидетельствуют о формировании обоих народов на смежной и, видимо, достаточно ограниченной территории, о сравнительно поздней дифференциации коми и удмуртского языков...»* [Кузеев 1992:28-29]. Говоря иными словами, имеются все основания полагать, что распад прапермской этнолингвистической общности произошел сравнительно недавно, гораздо позже финала ананьинской культуры, а прапермская этноязыковая общность к моменту начала этого распада занимала сравнительно небольшую, достаточно компактную территорию.

Другая, не менее важная идея, которая завоевывает все большее число сторонников, состоит в том, что следует рассматривать дивергенцию прапермской общности (да и, вероятно, любой другой праязыковой общности) не как простой одновременный акт, а как сложный, длительный, прошедший через определенные фазы и стадии, растянувшийся на многие столетия процесс, и потому, например, датировать распад данной общности каким-то определенным веком (будь то III в. до н. э. или X в. н. э.) было бы ошибкой.

Симптоматично в этой связи, что от археологов, этнологов и других исследователей этнической истории Волго-Уральского региона в последнее время можно услышать весьма здравые, на мой взгляд, суждения о том, что распад ананьинской культурно-исторической общности и сложение на постананьинской основе новых этнокультурных общностей: пьяноборской и гляденовской, хотя и были важным этапным моментом в этнической истории пермян, однако, не означали еще окончательного разделения пермской праязыковой общности на праудмуртов и пракоми [см. напр. Иванова 1993:22-23]. Сама же ананьинская культура, по мнению этих ученых, *«...принадлежала финноязычной общности более широкой, чем пермские группы племен...»* [Кузеев 1992:28].

Существует, кроме того, еще одна, сформулированная довольно убедительно, в высшей степени интересная и многообещающая точка зрения, вообще отрицающая культурное единство ананьинского

населения, согласно которой единой ананьинской культурно-исторической общности, как таковой, никогда не существовало. По мнению казанского археолога В.Н.Маркова, «...в пределах Волго-Камья и Северного Приуралья выделяется три крупных массива памятников, объединяемых исследователями в рамках ананьинской культуры или общности. Отношение этих памятников друг к другу, видимо, еще предстоит выяснить будущим исследователям, хотя уже сейчас с определенностью можно утверждать, что все они имеют различные генетические истоки, разную материальную культуру, разную локализацию и разную хронологию. Сказанное здесь, конечно, ни в коей мере не может указывать на существование единой ананьинской культуры, для выделения которой, как мы знаем, наличие вышеперечисленных признаков является основополагающим» [Марков 1994:58]. На основе скрупулезного анализа имеющегося к настоящему времени корпуса источников и весьма обширной литературы, посвященной ананьинской проблеме, В.Н.Марков делает вполне логичный и, как мне представляется, уже давно назревший вывод о том, что восприятие огромного массива памятников, известного в науке под именем «ананьинской КИО», как чего-то культурно, территориально, хронологически единого и целостного, следует считать своего рода историографическим казусом, ошибочным представлением, которое исторически сложилось в археологии в ходе более чем векового изучения памятников эпохи раннего железа в Волго-Уральском регионе. К сказанному можно добавить, что подобное заключение хорошо согласуется с тем общим соображением, что вероятность существования в тот период единой археологической культуры на столь протяженной территории крайне невелика.

По В.Н.Маркову, сложившиеся в Прикамье в постананьинское время пьяноборская и гляденовская общности имеют различные этнокультурные основы, т.к. происходят от разных в культурном и, вероятно, этноязыковом отношении групп населения так называемой «ананьинской КИО» [Марков 1994:82; 1997:3-5]. В свете этих выводов традиционная для отечественной археологии схема дивергенции прапермской общности представляется уже более чем сомнительной.

Таким образом, руководствуясь анализом рассмотренной в данной главе литературы, можно предполагать, что на протяжении своей многовековой истории прапермская общность претерпела

сложную эволюцию. В ходе и итогах данной эволюции свою определенную роль сыграли и те прапермские племена, что явились прямыми языковыми и генетическими предками современных коми и удмуртов (*эндопермяне*, по терминологии В.В.Напольских), и те пермские по языку группировки, что не оставили прямых языковых потомков, а рано отделившись в культурном и языковом отношении от эндопермян, были впоследствии ассимилированы либо последними, либо каким-то другим родственным или неродственным по языку населением (*парапермяне*), и те непермоязычные изначально группы, которые в конце концов усвоили пермскую речь и составили еще один важный компонент в истории прапермской общности – *экзопермян*. Исчезнув с исторической арены как таковые, парапермяне и экзопермяне, тем не менее, должны были оставить свой след в виде субстратных и суперстратных явлений в языках племен, ассимилировавших их, а также служили важным звеном в обеспечении ареальных и ареально-генетических связей между различными прапермскими группами и их соседями.

Конкретным историческим событиям и процессам, касающимся данной тематики, в сущности, и будет посвящено дальнейшее содержание настоящей работы.

О ПЕРМСКОЙ ПРАРОДИНЕ И ПЕРМСКОМ ПРАНАРОДЕ**2.1. ПРАРОДИНА ПЕРМЯН В ТРУДАХ
ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ XIX-XX ВВ.**

Несмотря на то, что уже очень давно в науке утвердилось понимание близкого языкового родства коми и удмуртов, приходится с некоторым удивлением констатировать тот факт, что в подавляющем большинстве научных и популярных сочинений авторов XVIII, XIX и даже XX веков, касающихся темы прародины пермян, речь идет, как правило, о прежних ареалах проживания либо только удмуртов, либо только коми. О территории же расселения прапермян в этих работах обычно не говорится ничего или почти ничего.

Вряд ли имеет смысл останавливаться подробно на положениях миграционных теорий, господствовавших в науке вплоть до конца XIX века, вроде тех, согласно которым прародину предков удмуртов следует искать то ли на Енисее, то ли в Забайкалье, то ли в Водской пятине Новгородской земли, то ли на р. Оке, смешивая живших там в древности славян-вятичей с удмуртами-вотяками и т.п. [см. подробнее об этом Атаманов 1992:3]. Полная несостоятельность и даже курьезность подобных гипотез сегодня настолько очевидны, что все они могут представлять разве что историографический интерес.

Первой по-настоящему серьезной и научно обоснованной попыткой локализовать ареал обитания средневековых пермян стало предположение А.А.Спицына, основанное, главным образом, на данных археологии, фольклора и топонимики, о том, что до появления на р.Вятке славяно-русского населения среднее и нижнее течение ее было занято древними удмуртами, а на Верхней Каме, в верхнем и среднем течении р.Чепцы обитали древние коми [Спицын 1889, 1893]. Следует особо оговорить, что в трудах А.А.Спицына, равно как и в сочинениях других авторов периода конца XIX – первых десятилетий XX веков (И.Н.Смирнова, Н.Г.Первухина, П.Н.Луппова, М.Г.Худякова и др.) рассматривалась в общем-то не проблема локализации пермской прародины (т.е. территории расселения прапермской общности) как таковой, а лишь делались попытки на имевшемся археологическом, топонимическом, фольклорном,

летописном и другом материале определить районы проживания удмуртов и коми в далеком и недавнем прошлом. Как будет показано несколько ниже, понятия прародины и ареала былого расселения того или иного народа отнюдь не являются тождественными.

В XX столетии разработки А.А.Спицына получили дальнейшее развитие в трудах таких археологов как А.П.Смирнов, О.Н.Бадер, А.В.Збруева В.Ф.Генинг, В.А.Оборин, Р.Д.Голдина, Э.А.Савельева и др. Трудami именно этих ученых была создана и получила широкое распространение «классическая» концепция об ананьинской КИО как об археологическом аналоге прапермской этнолингвистической общности перед самым ее распадом. Таким образом, весь ареал ананьинской КИО, по мнению названных ученых, может считаться территорией пермской прародины. Однако, означенная территория настолько огромна (от рр. Выми, Вычегды и Верхней Печоры на севере до Нижней Камы и Волги на юге, от рр. Ветлуги, Юга и правых притоков Северной Двины на западе до западных склонов Урала на востоке⁹ [см. напр. Голдина 1987:9]), что считать проживавшее на ней в эпоху раннего железа население этнически однородным, говорившем на одном (прапермском) языке было бы, пожалуй, чересчур смело и вряд ли разумно. Основания для такого заключения подробно изложены в Главе 1, и поэтому я не буду здесь на них останавливаться.

Как и во многих других случаях, свою оригинальную, непохожую ни на чью другую точку зрения по вопросу о локализации пермской прародины высказывал А.Х.Халиков. По его мнению, пермскую прародину следует искать в бассейне р. Вычегды и некоторых сопредельных районах, а к самим прапермянам следует относить носителей сначала вычегодского варианта гляденовской АК, затем – носителей ванвиздинской культуры, а в эпоху средневековья – население, оставившее памятники вымской культуры и Лузской Пермцы [Халиков 1979].

Таким образом, традиционной схеме «ананьинская КИО > гляденовская АК (пракоми) + пьяноборская АК (праудмурты)» А.Х.Халиков противопоставляет свою схему – «ананьино > гляденово

⁹ Многие исследователи считают возможным говорить даже о более обширном расселении ананьинцев и о проникновении ананьинского населения еще далее на запад и северо-запад вплоть до Белого моря и Восточного Прионежья [см. напр. Косменко 1993:89-90, 137; Кузьминых 1993:70].

> ванвиздино > вымская АК (пракоми) + памятники типа Лузской Пермцы (праудмурты)». Думается, что излишне здесь вступать в дискуссию с А.Х.Халиковым, т.к. детальная критика его воззрений на проблемы предистории пермских народов изложена в Главе 1 настоящей монографии.

В финно-угорском языкознании принято предположительно локализовать прародину пермян, после выделения прапермской этнолингвистической общности из финно-пермского массива в середине II тыс. до н. э., в районах к северу и северо-востоку от поворота Волги на юг, в нижнем и среднем течении Вятки и Камы. Именно в этом регионе обычно располагают территорию прапермской общности, которая, по мнению большинства языковедов-уралистов, сохраняла свое единство более двух тысяч лет. И только вторжение в VII-VIII вв. н. э. в Среднее Поволжье булгар, частично оттеснивших пермян с южной периферии их ареала в более северные районы, положило конец прапермскому единству. Миграция части пермян на север и привела, якобы, в итоге к разделению их на пракоми и праудмуртов в конце I тыс. н. э. [Wichmann 1903:145; Itkonen 1960:18; ОФУЯ 1976:98-99; Хайду 1985:200].

Замечу, что до сравнительно недавнего времени практически никто из языковедов-пермистов не предпринимал сколько-нибудь серьезных попыток определить прародину пермян с помощью уже давно опробованного и хорошо себя зарекомендовавшего в финно-угроведении и уралистике метода *лингвистической палеонтологии*. Первой подобной работой, где этому методу уделено некоторое внимание, является появившаяся в начале 1990-х годов статья М.Г.Атаманова «К вопросу о прародине удмуртов по данным языка» [1992]. Позднее М.Г.Атаманов повторил основные идеи и суждения этой статьи в одной из своих монографий [1997], не добавив к ним, по сути дела, ничего нового. Поэтому я подробно остановлюсь на разборе некоторых интересующих нас положений и аргументов именно данной статьи.

Прежде всего замечу, что М.Г.Атаманов в выражении «прародина удмуртов» смешивает несколько различных понятий. С одной стороны, этот ученый называет «прародиной» территорию обитания в разные эпохи прямых этнических предков удмуртов, начиная с прауральского и прафинно-угорского периодов. Однако, при таком подходе было бы корректнее говорить не о **прародине**, а о

прародинах, т.к. территории проживания в прошлом уральского, финно-угорского, пермского и других пранародов, по-видимому, не совпадали не только во временном, но и в пространственном отношении. Кроме того, правильнее было бы в этом случае оперировать такими понятиями, как «уральская прародина» (т.е. прародина уральских народов), «финно-угорская прародина», «пермская прародина» и т.п., ибо данные названия в каждом конкретном случае бесспорно более точно передают смысл и содержание каждого из перечисленных понятий, нежели весьма расплывчатое и, как мне кажется, не вполне удачное «прародина удмуртов».

Основанием для того, чтобы считать последнее выражение неудачным и неправомерным в этноисторическом плане, служит то немаловажное обстоятельство, что, как отмечалось выше во Введении, само понятие *прародина* подразумевает под собой проживание на этой территории в прошлом какого-либо *пранарода*. Думаю, что отделять друг от друга два эти понятия попросту нельзя. Если согласиться с этим условием, то становятся очевидными некорректность употребления термина *пранарод* для существующего поныне и пока вполне жизнеспособного удмуртского народа и, в итоге, неприемлемость таких терминов как «прародина удмуртов».

Применение некорректного термина «прародина удмуртов» приводит М.Г.Атаманова к некорректным по сути выводам: он называет «прародиной удмуртов», в сущности, почти всю совокупность тех районов, где удмурты проживают сейчас и могли проживать в прошлом, судя по письменным, фольклорным, археологическим и другим памятникам, а также судя по данным этнотопонимии. В этом, собственно говоря, и состоит второе понимание М.Г.Атамановым «прародины удмуртов».

В результате своих изысканий М.Г.Атаманов провозглашает «прародиной удмуртов» территорию, южная граница которой *«...проходила несколько южнее линии городов Чебоксары – Казань – Уфа, западная по р. Ветлуге (несколько восточнее), северная – по верховьям рр. Камы, Вятки и до слияния рр. Юг и Сухона, восточная граница прародины удмуртских родоплеменных групп, скорее всего, простиралась по линии с. Кулига (у истока Камы) – г. Оса – пос. Чернушка (в Пермской обл.) до среднего течения р.Уфы и до ее*

впадения в р. Белую (северо-западные районы Башкирии)» [Атаманов 1992:13-15].

Речь здесь, по сути дела, идет не о прародине (или прародинах) как таковой, а лишь о тех районах и ареалах, которые заселяли или могли заселять предки удмуртов в разные исторические эпохи, такие как ананьинская, пьяноборская, эпоха позднего средневековья и др. М.Г.Атаманов порой явно увлекается, придавая, к примеру, неоправданно большое значение в вопросе локализации «прародины удмуртов» этнотопонимам *одо*, *ар*, *вотьяк* (соответственно – марийское, поволжско-тюркское и русское наименования удмуртов, последние два из которых возникли никак не ранее эпохи средневековья), странным образом связывая ареалы их распространения с территориями южной части ананьинской и пьяноборской АК эпохи раннего железа [Атаманов 1992:15].

Тема же прародины пермян, которой автор касается в общем-то вскользь, остается на деле не раскрытой, хотя для этого, казалось бы, имелись все необходимые условия. И речь здесь, прежде всего, идет об уже упоминавшемся методе *лингвистической палеонтологии*, который М.Г.Атаманов пытается применить в своем исследовании, но, как мне представляется, далеко не использует всех его возможностей в вопросе локализации пермской прародины (см. ниже), и посему результаты проделанной им в данном направлении работы оказываются не столь впечатляющими, какими могли бы стать.

2.2. О ВРЕМЕНИ РАСПАДА ПРАПЕРМСКОЙ ОБЩНОСТИ

Прежде чем начать рассмотрение проблемы локализации пермской прародины необходимо отдельно остановиться на вопросе о времени распада прапермской этнолингвистической общности, ибо он тесно связан с вопросом о временных рамках существования языка прапермской общности в том его виде, в каком действительна следующая ниже реконструкция ее природно-экологического ареала.

При разрешении проблемы времени распада прапермской этнолингвистической общности ключевую роль играет аргумент разницы количества болгарских заимствований в пермских языках. В отличие от лексических иранизмов и протославизмов, число которых

в пермских языках примерно одинаково [Joki 1973; Rédei 1986; Напольских 1996; Napolskich 1996], что наводит на мысль об их усвоении пермянами еще в эпоху прапермского единства, количество болгаризмов, как уже отмечалось в Главе 1, в удмуртском языке на порядок больше, чем в языках коми: несколько сотен в удмуртском против нескольких десятков в коми языках. Из этого положения можно сделать два основных вывода.

Во-первых, можно постулировать, что ко времени финала именьковской культуры Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в VI-VII вв. прапермское единство оставалось неразрушенным. Именно этим обстоятельством обусловлен факт присутствия в современных пермских языках примерно десятка общих протославянских лексических заимствований, выявленных В.В.Напольских [Напольских 1996; Napolskich 1996]. Следует полагать, что и к моменту появления в середине – второй половине VIII в. [Казаков 1992:5] на этой территории болгар, прапермская этнолингвистическая общность еще не распалась. Такой вывод следует из того обстоятельства, что из всего массива болгарских лексических заимствований в пермских языках, по оценке К.Редеи и А.Рона-Таша [Rédei, Róna-Tas 1972, 1975], примерно два десятка являются общепермскими и имеются в большинстве коми и удмуртских диалектов, что свидетельствует, по мнению большинства занимавшихся этим вопросом исследователей, об их проникновении в общепермский язык-основу в раннебулгарское время, приблизительно в VIII-X вв.[см. напр. Wichmann 1903:139; Лыткин 1967:138; Rédei, Róna-Tas 1972, 1975 и др.].

А.Рауном еще в 50-е годы было высказано мнение о том, что болгарские (чувашиские – по его терминологии) заимствования в коми и удмуртском языке не могут служить критерием для хронологии распада прапермской общности, т.к. эти заимствования свидетельствуют, якобы, лишь об отдельных «чувашиско-удмуртских» и «чувашиско-коми» связях. По А.Рауну, распад прапермской общности произошел до начала контактов пермян с булгарами, а болгарские заимствования, имеющиеся в коми языках, попали туда либо через удмуртское посредство, либо через болгарских купцов, торговавших с коми [Raun 1957:45]. Позднее данное заключение было поддержано М.Г.Атамановым [1992:11]. Однако, делая такие выводы, А.Раун и М.Г.Атаманов почему-то не учитывают того очень важного

факта, что целая группа лексических болгаризмов (около 20, по К.Редеи и А.Рона-Ташу [Rédei, Róna-Tas 1972, 1975]) присутствует не просто во всех трех пермских языках, а во всех (или почти всех) диалектах данных языков. Такое положение вещей неминуемо заставляет считать, что данные лексемы были заимствованы не уже отделившимися друг от друга коми и удмуртским языками, а еще общепермским языком-основой и позволяет относить время их заимствования пермянами к прапермской эпохе. Последнее положение в настоящее время признается подавляющим большинством лингвистов, касавшихся в своих исследованиях данной темы.

Во-вторых, следует признать, что именно в болгарскую эпоху (VIII-XIV вв.) произошли дробление доселе относительно монолитной прапермской общности и постепенный разрыв связей между отдельными ее частями, т.к. часть болгаризмов попала только в удмуртский язык и, через удмуртское посредство, в южные коми диалекты [Rédei, Róna-Tas 1975], а другая (наибольшая) часть имеется только в удмуртском языке.¹⁰ Здесь необходимо особо подчеркнуть, что процесс дивергенции прапермской общности был весьма длительным, и связи между предками коми и удмуртов, по-видимому, сохранялись в какой-то мере еще и в XII-XIII вв. и возможно даже в более позднее время. Сделать подобное заключение мне позволяют: а) аргумент наличия в пермских языках общих для них заимствований монгольского происхождения, которые могли попасть к пермянам не ранее эпохи великих монгольских завоеваний; б) аргумент удмуртского названия русских – *зус*, которое попало к предкам удмуртов через посредство предков коми и могло быть ими усвоено едва ли ранее начала русской колонизации бассейна р.Вятки.¹¹

В эпоху Казанского ханства (XV-XVI вв.) связи между предками удмуртов и коми если еще и сохранялись, то были, по всей видимости, сведены к минимуму. Во всяком случае, в коми языках пока что не выявлено никаких татарских заимствований, тогда как в удмуртском языке их обнаружено несколько сот, а в отдельных периферийно-южных диалектах – более тысячи. Таким образом,

¹⁰ Более подробно вопрос о причинах неравномерного распределения лексических болгаризмов по диалектам пермских языков рассмотрен в Главе 4.

¹¹ Подробнее данная аргументация изложена в Главе 4. [См. также Белых 1999:251-252; Belykh 2007].

можно заключить, что к этому времени процесс распада прапермской этнолингвистической общности был практически завершен.

Рассматривая вопрос о времени распада прапермской общности, по-видимому, нельзя обойти вниманием еще один метод абсолютного датирования древних языковых процессов – метод *глоттохронологии*. Впервые предложенный американским ученым Морисом Сводешем [см. напр. Сводеш 1960], этот метод довольно широко применяется в сравнительно-историческом языкознании и, в частности, в лингвистической уралистике [см. напр. Raun 1956; Хелимский 1982].

Метод глоттохронологии основывается на постулировании наличия в любом языке основного слоя лексики, играющего решающую роль при исследовании языкового родства. В данный слой лексики входят важнейшие названия частей тела и организма человека (*голова, рука, нога, глаз, сердце, печень* и др.), названия объектов и явлений природы (*вода, огонь, камень, солнце, луна, звезда, дождь, снег, птица, рыба* и т.п.), названия элементарных действий (*есть, пить, идти, сидеть, лежать* и т.д.), важнейшие местоимения (*я, ты, этот, тот*) и некоторые другие понятия. Согласно глоттохронологии, данная часть лексического фонда языка очень медленно и неохотно поддается обновлению, причем темп ее изменения во всех языках одинаков.

М.Сводешем из слов такого характера были составлены особые списки (т.н. «*малый*» или *100-словный* и «*большой*» или *200-словный списки М.Сводеша*). При сравнении фигурирующих в данных списках слов двух или нескольких родственных языков выявляется процент этимологически общих для данных языков лексем, а затем при помощи специально составленной формулы вычисляется период времени, который отделяет эти языки от даты их разделения. Так, например, считается, что по прошествию 1000 лет с момента языкового распада отобранный основной лексический слой (100-словный список М.Сводеша) двух родственных языков совпадает на 74%, через 2000 лет – на 55%, через 3000 лет – на 41% и т.д.

Нельзя не отметить, что, несмотря на довольно широкое применение метода глоттохронологии и его популярность у части исследователей, большинство лингвистов и историков совершенно обоснованно отказываются признавать этот метод надежным инструментом для абсолютного датирования древних языковых процессов [см. напр. Хайду 1985:175-176; Напольских 1997а:120]. Его

критики резонно указывают на то, что слишком многое здесь зависит от составления и составителей диагностических списков слов: недоучет одной-двух этимологий или ошибочное отождествление одной-двух пар слов порой способны привести к многовековым и даже тысячелетним отклонениям в датировке. Немало вопросов вызывает и сама подборка слов для данных списков, многие исследователи стараются усовершенствовать базовые списки М.Сводеша, по собственному произволу удаляя из них и/или добавляя в них те или иные понятия. Эти попытки усовершенствования приводят сторонников глоттохронологии, в частности, к выводу о необходимости устранения заимствований из диагностических списков [Старостин 1989:10]. Однако, в таком случае ненадежность метода должна быть признана даже его сторонниками, ибо, как справедливо замечает В.В.Напольских, никогда нельзя быть заведомо уверенным в том, что все заимствования из списка устранены, т.к. устранить можно будет лишь уже выявленные заимствования из известных нам языков [Напольских 1997а:120].

Кроме того, не может не вызывать возражений сам основополагающий принцип глоттохронологии, согласно которому темп изменений в основном лексическом фонде во всех языках и во все эпохи был и есть один и тот же. Понятно, что скорость изменений в лексике того или иного языка зависит от целого ряда социальных, исторических, культурных, географических и других факторов и варьирует в зависимости от конкретных условий, в которых функционирует язык. В самом деле, трудно поверить в существование некой сверхъестественной силы, заставляющей разные языки, в разные эпохи и в разных конкретно-исторических условиях неизменно заменять один и тот же процент базовой лексики за единицу времени.

От себя я могу добавить еще и то, что методом глоттохронологии вычисляется некая конкретная дата распада праязыка; при желании можно даже определить, в каком именно году произошел данный распад. А это прямо противоречит обоснованному в Главе 1 положению о значительной (как правило, многовековой) протяженности во времени процесса языкового распада.

Как видим, методика глоттохронологии обладает столь существенными недостатками и слабыми местами, что считать ее применение теоретически сколько-нибудь обоснованным и

оправданным невозможно. Тем не менее, как это ни выглядит странным, глоттохронологические подсчеты очень часто дают датировки близкие или даже совпадающие с датами, полученными при помощи других методов. Отмечены подобные сближения и совпадения и в уралоистике [см. Хелимский 1982:45; Хайду 1985:175]. В таких случаях результаты вычислений, выполненных на основе глоттохронологического метода могут, по-видимому, использоваться в качестве еще одного дополнительного (но не основного!) аргумента в пользу той или иной точки зрения.

Следует добавить к этому такой немаловажный момент, что результаты лексикостатистических подсчетов оказываются весьма полезными для демонстрации степени расхождения между родственными языками, которая несомненно напрямую зависит от длительности периода обособленного развития родственных языков, какой отделяет данные языки от времени распада общего для них праязыка. Это последнее обстоятельство убедительно доказывает, что методика глоттохронологии все-таки имеет право на существование, а также может и должна практиковаться в исторической лингвистике.

Переходя непосредственно к глоттохронологическим вычислениям по пермским языкам, укажу, что данные вычисления осуществлены мною на основе трех диагностических списков: стандартного 100-словного списка М.Сводеша, а также модифицированных 110-словного списка, предложенного С.Е.Яхонтовым, и 92-словного списка, использованного Е.А.Хелимским в одной из его работ (см. [Старостин 1989; 1991; Хелимский 1982] и Приложение 1 в конце данной монографии). Лексикографическими источниками для составления этих списков по современным пермским языкам мне послужили нормативные двуязычные (национально-русские и русско-национальные) словари литературных удмуртского, коми-зырянского и коми-пермяцкого языков, изданные во второй половине XX-го века [РУС 1956; УРС 1983; КППС 1985; КРС 1961; РКС 1966 и др.]. При отборе слов для списков мной учитывались только те лексические единицы трех пермских языков, которые характерны для всех или подавляющего большинства их диалектов, а также литературных норм названных языков.

В итоге сравнения списков удмуртской лексики с аналогичными списками коми-пермяцкого и коми-зырянского языков выяснилось,

что процент совпадений в 92-словном списке составляет 77,2%; в стандартном 100-словном списке М.Сводеша – 77%; в 110-словном списке С.Е.Яхонтова – 74,5%. Вычисление даты распада пермского праязыка было произведено по принятой в глоттохронологии логарифмической формуле:

$$t = \lg C : 2lgr$$

где t – время распада в тысячах лет назад; C – процент совпадений между двумя языками; r – коэффициент сохранности основного лексического фонда, для «малого» списка М.Сводеша принимаемый за 0,86 в расчете на 1000 лет [см. Хелимский 1982:45].

Результаты вычислений оказались следующими: по 92-словному списку распад пермского праязыка состоялся 859 лет тому назад; по стандартному 100-словному списку – 866 лет назад; по 110-словному списку – 974 года назад. Таким образом, согласно глоттохронологическим расчетам распад прапермской этноязыковой общности произошел где-то в промежутке между рубежом X-XI вв. и первыми десятилетиями XII века.

Каким бы скептическим ни было наше отношение к самой методике глоттохронологии, нельзя не заметить, что и в случае с датировкой распада прапермской общности полученные даты вновь оказались весьма близки датировкам, предлагаемым языковедами (VIII-X вв.) и полученным с помощью других лингвистических методик. Важнейшим же выводом, который мне хотелось бы сделать по итогам проведенных здесь глоттохронологических расчетов является то, что полученные этим методом датировки, вообще говоря, не противоречат предлагаемой в данной работе хронологии и модели распада прапермской этнолингвистической общности, но, в то же время, абсолютно не согласуются с утвердившимся в археологии положением о прямой связи финала ананьинской КИО в III в. до н. э. с распадом прапермской общности. Для столь близкородственных языков, какими являются коми и удмуртский, погрешность в глоттохронологическом расчете времени их отделения друг от друга величиной в два-три столетия еще может считаться допустимой, однако отклонение в 1200-1300 лет выглядит совершенно неправдоподобным. Таким образом, высказанный выше тезис о недопустимости отнесения распада данной общности ко времени более чем 2000 лет тому назад получает в свою пользу еще один аргумент.

2.3. ПЕРМСКИЙ ПРАЯЗЫКОВОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ АРЕАЛ

Как уже отмечалось, в уралистике район прародины уральской, а также промежуточных праязыковых общностей принято определять с помощью метода *лингвистической палеонтологии*. Сущность этого метода состоит в том, что в реконструированном праязыковом словарном фонде выделяется комплекс лексем, отражающих понятия о природной среде, в которой обитал данный пранарод: названия растений, животных, термины для обозначения особенностей окружающего ландшафта, особенностей климата и т.д. По результатам этого анализа и делаются выводы о возможной локализации прародины.

Перед тем как приступить непосредственно к рассмотрению темы настоящего параграфа, необходимо сделать несколько существенных, на мой взгляд, замечаний.

Во-первых, стоит сказать о том, что методом лингвистической палеонтологии определяется не сама территория прародины того или иного пранарода, а лишь природно-экологический ареал, в котором данный пранарод обитал ко времени начала своего распада. Следует помнить, что территории прародины и экологического ареала, для которого были одновременно характерны все известные носителям данного праязыка виды животных и растений, особенности ландшафта и природно-климатических явлений, могут и не совпадать между собой [см. Напольских 1997а:126], хотя они безусловно тесно связаны друг с другом. Поэтому при решении проблемы локализации прародины необходимо учитывать данные лингвистической палеонтологии в комплексе с другими языковыми (топонимика, следы контактов праязыка с другими языками) и неязыковыми (археология, антропология и т.д.) материалами.

Во-вторых, нужно принимать в расчет сведения, предоставляемые в наше распоряжение *палеобиогеографией* и *климатологией*, свидетельствующие о границах природных зон, ареалах распространения интересующих нас биологических видов, климате и т.п. в исследуемую эпоху на исследуемой территории. И хотя в случае с пермской прародиной эти данные не играют столь существенной роли (см. ниже), как, например, при разрешении проблем локализации уральской или финно-угорской прародин, на них все же стоит обращать внимание.

В-третьих, необходимо учитывать, что сравнительный анализ лексики пермских языков позволяет установить некоторые особенности словарного фонда пермского праязыка лишь на заключительной стадии его существования, т.е. накануне или непосредственно в период распада пермского единства.

И наконец, – последнее предварительное замечание. Имеет смысл особо указать на то, что данные, полученные при помощи методики лингвистической палеонтологии, помогают локализовать территорию проживания только тех групп прапермян, кои явились прямыми языковыми предками нынешних коми и удмуртов – *эндопермян* (по терминологии, предложенной В.В.Напольских), но ничего не сообщают нам о территориях остальных прапермских групп (*парапермян* и *экзопермян*).

Изложенная в предыдущем параграфе аргументация позволяет уже более или менее определенно говорить о хронологических рамках, в которых существовал язык прапермской общности в том виде, для которого действительна следующая ниже реконструкция ее экологического ареала. Учитывая, что данная реконструкция отображает состояние языка прапермской общности накануне или непосредственно в период ее распада, эти рамки в первом приближении можно определить периодом с середины I тыс. до середины II тыс. н. э. Ниже все ареалы биологических видов приводятся относительно данного времени.

Реконструированный лексический фонд пермского праязыка позволяет без сомнений утверждать, что пермский пранарод обитал в лесной зоне Северной Евразии, по всей видимости, в крае, для которого были характерны покрытые лесом холмы и возвышенности. Об этом говорят удм. *vj̄r* ‘возвышенность, холм’, кз., кп. *ver*, кя. *vür* ‘лес’ < прап. **vōr* ‘возвышенность, покрытая лесом’ [КЭСК 1970:67]. О прапермянах, как о жителях лесов, говорит и большое количество общепермских терминов, служащих для названия различных разновидностей леса. Например:

- удм., к. *jag* ‘бор’;
- удм. *śik* ‘лес’, кз. *śik* ‘островок в лесу, отличающийся обилием ягод’;

– удм. *tel'* ‘лес; мелкий лес, подлесок’, кз. *til'* ‘густые заросли сосняка; густой молодой хвойный лес’; кп., кя. *tel'* ‘молодой густой лесок’;

– удм. *tjlo* ‘подлесок, лесок, роща’, к. *tjla* ‘подсека’ и т.п.

То, что прапермяне проживали именно в зоне северных лесов, наглядно подтверждается, кроме прочего, богатой общей для пермских языков номенклатурой наименований растений и животных, таких как:

– удм. *kiz*, кз. *koz*, кп. *kez*, кя. *küz* ‘ель, *Picea*';

– удм. *pužim*, кз. *požem*, кп. *požum* ‘сосна, *Pinus silvestris*';

– удм. *ñjlpu*, к. *ñjvpu* ‘пихта, *Abies*';

– удм. *kižpu*, к. *kiž* ‘береза, *Betula*';

– удм. *lakša*, к. *lačeg* ‘росомаха, *Gulo gulo*';

– удм. *niž*, к. *niž* ‘соболь, *Martes zibellina L.*';

– удм. *pu'lo*, к. *pa'la-ur* ‘летяга, *Pteromys volens L.*';

– удм. *urdo*, кз., кп. *orda*, кя. *urda* ‘бурундук, *Eutamias sibiricus Laxm.*' и т.п. Все эти и многие другие лексемы, отражающие понятия, присущие природе лесов Северной Евразии, однако, не позволяют сколько-нибудь точно определить конкретную территорию, на которой обитала прапермская общность, поскольку ареалы распространения этих биологических видов слишком обширны. Для более точной локализации природно-экологического ареала проживания прапермских групп решающее значение имеет лишь весьма ограниченное число реконструированных для пермского праязыка понятий, о которых речь и пойдет в дальнейшем.

То, что прапермянам были известны такие древесные породы, как дуб (*Quercus robur L.*) и орешник (лещина, *Corylus avellana L.*), однозначно указывает на их проживание к западу от Уральского хребта, потому как к востоку от Урала эти виды в естественных насаждениях полностью отсутствуют [Древесные 1982:76-77, 164; Атлас 1983:114, 231]. Ср.:

– удм. *tjpi*, др.-перм. *tupi*, кп. уст. *tjpu*, *tupu* ‘дуб’;

– удм. *pašpu* ‘орешник, лещина’; кз. вв. *paškan*, *pačkan* ‘ягоды шиповника’, при фин. *pähkinä*, эрз. *pešće*, мокш. *päštä*, мар. *pükš* ‘лесной орех’.

Предки коми, переселившись в свое время с юга в современные, более северные районы проживания, где орешник из-за суровых

климатических условий не произрастает, перенесли старое общепермское название орешника на шиповник [Ракин 1979:138].

На местонахождение прапермского экологического ареала в Европе может указывать также и общепермское слово со значением ‘рыба’ – удм. *ćorig*, нч. *ćerig*, кз., кп. *ćeri*, лл., онк. *ćerig*. По выдвинутой В.В.Напольских гипотезе, словом **ćore-k*, означавшим в финно-угорском праязыке обитающую в Сибири (особенно распространенную в бассейне Оби), а также в Печоре и Мезени проходную рыбу – пелядь (*Coregonus peled*), далекие предки пермян, переселившись в Прикамье, где этот вид не встречается, стали называть так рыбу вообще [Напольских 1993:30-31; Napolskikh 1993:54-55]. С учетом того, что в Западной Сибири пелядь являлась и остается одной из наиболее ценных и многочисленных промысловых рыб, сдвиг значения ‘пелядь (важнейшая и обычнейшая промысловая рыба)’ > ‘рыба (вообще)’ выглядит вполне вероятным и даже естественным.

Таким образом, европейскую локализацию прапермского экологического ареала можно считать доказанной. В Европе из зоны прапермского экологического ареала должны быть исключены бассейны Печоры и Мезени, поскольку в противном случае трудно объяснить вышеупомянутый переход значения ‘пелядь’ > ‘рыба’ в пермском праязыке.

Как удалось показать В.В.Напольских, наличие в коми-зырянском языке субстратного, по-видимому, парауральского по происхождению слова *kebes* ‘сиг, *Coregonus lavaretus pydschjan*’, может служить основанием для того, чтобы исключить в целом из зоны прапермского экологического ареала бассейны всех рек, впадающих в Северный Ледовитый океан¹².

Дело в том, что названный коми-зырянский ихтионим, через промежуточную форму какого-то уральского языка, где, как, например, в диалектах саамского или в ненецком имело место развитие **-m-* > **-b-*, может быть возведён к ПУ **kɣmz* ‘род форелей, лососевых’ [UEW:227-228]. К этому же корню восходит и собственно коми название хариуса – *kom*. Проникнув в бассейны Вычегды,

¹² На субстратное происхождение данной коми-зырянской лексемы указывала еще И.Н.Шебештьен, считавшая его самодийским заимствованием [Sebestyén 1935:41-42].

Печоры и других северных рек, предки зырян встретили здесь население, говорившее на каком-то парауральском языке, у которого и позаимствовали название для новой, неизвестной им на прежней своей родине рыбы – сига. На основании изложенного В.В.Напольских делает вывод о том, что прародину пермских народов следует искать «*южнее верховьев рек Печоры, Вычегды, Юга, Мезени – южной границы распространения сига*» [Напольских 1993:31].

О том, что территория прапермского экологического ареала скорее всего находилась южнее верховьев Печоры, южнее Вычегды и других рек северодвинского бассейна свидетельствуют также и общепермские названия липы (*Tilia cordata Mill.*) и вяза (*Ulmus*):

– удм. *beriz̄, ĩnpu*, к. *ĩnpu*, кп. уст. *beris̄* ‘липа’;

– удм., к. *širpu* ‘вяз’.

Северная граница ареалов распространения этих деревьев проходит по самым южным районам Коми республики (бассейны рр. Лузы и Сысолы) и северу Кировской и Пермской областей в междуречье Камы и Вычегды [Горчаковский 1968:56, 93-94].

В пользу такого заключения о локализации прапермского экологического ареала говорят и реконструируемые для пермского праязыка понятия ‘мёд’, ‘медоносная пчела’ и ‘змея’:

– удм. *tu*, к. *ta* ‘мёд’ с параллелями во всех финно-пермских языках и в венгерском, возводимыми к ПФУ **met(e)* ‘мёд’ [UEW:273; Напольских 1997a:138];

– удм. *tuš* «пчела», кп. *moš*, кз. *mal'a-moš* ‘пчела, шмель’ с параллелями во всех финно-угорских языках, кроме обско-угорских и саамских, восходящими к ПФУ **mekše* ‘пчела’ [UEW:273];

– удм. *kij*, кп. диал. *kej* ‘змея’, с параллелями во многих уральских языках, восходящими к ПУ **küje* ‘змея’ [UEW:154-155]. Показательно, что из всех коми-зырянских диалектов данная лексема сохранилась лишь в нижневычегодском (нв. *kij* ‘минога’ – [Лыткин, Гуляев 1975:29]), причем со сдвигом значения ‘змея’ > ‘минога’, т.к. на зырянской территории змеи довольно редки, а на севере Коми края совсем не встречаются.

Что касается общепермских слов для мёда и медоносной пчелы, то их наличие указывает на предпочтительную локализацию пермской

прародины не севернее Камского бассейна, поскольку далее на север медоносная пчела практически не проникает [Хайду 1985:146].

Наиболее же важную роль в определении территории прапермского экологического ареала методом лингвистической палеонтологии играют уже упоминавшиеся общепермские названия для дуба и лещины, с одной стороны, и реконструируемое прапермское название сибирского кедра или, точнее, сибирской кедровой сосны (*Pinus sibirica*) – с другой. Коми-зырянскому *suspu* и коми-пермяцкому *sjspu* ‘кедр’ в удмуртском языке соответствует *susjpu* ‘можжевельник (*Juniperus communis* L.)’. Данная лексема имеет надежные параллели в обско-угорских и самодийских языках и восходит к ПУ **seksz* со значением ‘кедр, кедровая сибирская сосна’ [UEW:445]. Можно с уверенностью утверждать, что в пермском праязыке этим словом назывался именно кедр, а в удмуртском произошел сдвиг значения ‘кедр’ > ‘можжевельник’ [см. КЭСК 1970:267; Напольских 1997а:129], т.к. на территории проживания удмуртов кедр произрастает только в искусственных насаждениях. Итак, имеются все основания для констатации того факта, что прапермянам были одновременно известны дуб, орешник и сибирский кедр.

Кедр, являясь типичным деревом для сибирской тайги, в Европу проникает лишь на ее северо-восточной оконечности в верхнем и среднем течении Печоры и Вычегды и западнее Республики Коми уже не встречается [Растительность 1980:71; Ареалы 1977:29, карта 9]. На крайнем северо-востоке Кировской области зафиксировано единственное в этой области изолированное местонахождение сибирского кедра [Природа 1967:185]. Дерево это совершенно отсутствует в естественных насаждениях на территории Удмуртской Республики. На территорию Пермского края граница ареала сплошного распространения кедра вступает с севера в районе верховьев р.Тимшер-Камский (правый приток р. Южной Кельтмы), «...где его западная граница начинается от пос. Тимшер, проходит через пос. Коса на Юрлу, поворачивает на юго-восток через р. Лопан (правый приток р. Косы) и р. Иньву (у с. Купрос) и пересекает р. Каму в районе Чермоза 59° с.ш. Южнее (58° с.ш.) единичные кедры растут по рр. Обва, Нытва, левым притокам Камы, и в Оханском районе. От р. Камы она идет на восток по р.Чусовой до 59° в.д.,

спускается на юг по междуречью Чусовая – Уфа до $56^{\circ}15'$ с.ш., затем пересекает Урал около 57° с.ш. и ... уходит на восток в Западную Сибирь» [Непомилуева 1974:22]. Важно отметить, что среди ученых-ботаников существует мнение о том, что всего лишь несколько столетий назад кедр в Предуралье был распространен южнее его современной границы, но позднее отступил к северу «вследствие лесных пожаров и истребления человеком» [Хохрин 1970:312].

Прежняя (восстановленная на основании исторических сведений) северная граница распространения дуба в плакорных (внепойменных) условиях в Волго-Уральском регионе шла следующим образом: «она вступала в Вятскую губернию из Костромской под 58° с.ш., шла в направлении селений Б.Кугунур (левобережье Пижмы) – севернее Татаурова ... и уходила в современную Удмуртскую АССР примерно под $57^{\circ}30'$ с.ш., на территорию бывшего Глазовского уезда, где между реками Итой и Воткой в конце XVIII в. дуб отмечался в числе главных пород строевого леса» [Денисов 1970:823]. Сегодня северная граница распространения дуба по внепойменным местообитаниям, в результате агрикультурной деятельности человека, сдвинулась на юг от юго-западных районов Кировской области и проходит сегодня по территории Марий Эл, переместившись на юг более чем на один градус широты (около 150 км) [Денисов 1970:824].

В пойменных местообитаниях северная граница дуба за агрикультурное время практически не изменилась и по долине р.Вятки доходит до устья р.Чепцы и вдоль бассейна Чепцы проходит через Удмуртию в Пермский край [Горчаковский 1968:7]. «К р. Каме северо-восточная граница дуба выходит близ дер. Евсино приблизительно под 57° с.ш., затем она идет вдоль реки и пересекает ее около с. Елово. Сравнительно недавно по пойме р. Камы дуб проникал несколько дальше на север до с. Частые. Однако в последние годы, в связи с созданием Воткинской ГЭС, пойменные леса на этом участке были вырублены и попали в зону затопления. Поэтому граница дуба сместилась к югу. Но не исключено, что отдельные деревья все же сохранились в этом районе» [Горчаковский 1968:8]. Далее всего на север дуб в Пермском крае заходит по долине р.Камы и в Сылвинско-Иренском поречье [Горчаковский 1968:15; Атлас 1983:114]. Ботаники и лесоведы

считают, однако, что нынешняя северная граница распространения дуба в Пермском крае, в результате деятельности человека, передвинулась к югу приблизительно на 100-150 км [Растительный 1988:58; Горчаковский 1968:16].

Касательно же северной границы ареала лещины в Волго-Урале, необходимо сказать, что, будучи постоянным спутником дуба, часто образующим подлесок в дубравах, эта древесная порода имеет здесь в целом близкий с дубом ареал распространения. Ее северная граница идет параллельно границе дуба, но несколько южнее, и лишь на Каме она продвигается немного к северу и достигает района г.Оханска [Горчаковский 1968:133-134; Растительный 1988:59].

Итак, можно заключить, что, являясь типичными древесными породами разных геоботанических зон, дуб (*Quercus robur*) и орешник (*Corylus avellana*), с одной стороны, и сибирская кедровая сосна (*Pinus sibirica*) – с другой, имеют не так уж много шансов произрастать вместе. В самом деле, дуб и лещина являются типичными растениями восточно-европейских широколиственных лесов, а основной территорией произрастания кедр является тайга Сибири.

Как нетрудно было заметить из изложенного в данном параграфе, единственным районом на планете Земля, где границы ареалов этих видов приближаются друг к другу настолько, что почти соприкасаются, является Пермское Прикамье [см. Приложение 2 в конце книги]. Если же учесть то обстоятельство, что, как уже было сказано выше, еще несколько столетий назад кедр на территории Пермского края рос несколько южнее, а дуб и орешник – несколько севернее нынешних своих границ, вероятность непосредственного соседства этих видов в данном регионе (особенно в долине Камы около и несколько ниже устья р.Чусовой и в бассейне р.Сылвы) в прошлом еще более возрастет.

Таким образом, данные, полученные методом лингвистической палеонтологии позволяют локализовать территорию прапермского экологического ареала в Среднем Прикамье на территории Пермского края, приблизительно между 57-й и 58-й параллелями северной широты, где на сравнительно ограниченной площади, какою по всей

видимости занимала прапермская этнолингвистическая общность¹³, обитали все виды растений и животных, названия которых реконструируются для пермского праязыка.

В последние годы в научной литературе, посвященной этнической истории пермских народов все чаще можно встретить обращения к материалам и данным климатологии. В частности, многие исследователи проявляют большой интерес к периодам так называемых *малого климатического оптимума* (VIII-XIII вв. н. э.) и *малого ледникового периода* (XIV-XIX вв.). По мнению ряда авторов в период малого климатического оптимума ареалы распространения многих биологических видов существенно отличались от современных.

Так, например, Р.Ш.Насибуллин считает, что до начала малого ледникового периода, в бассейнах Вычегды и Печоры произрастали дуб, орешник, клен и другие широколиственные деревья [Насибуллин 1992:82-83]. В доказательство этого Р.Ш.Насибуллин приводит следующие факты:

1. В бассейне Вычегды зафиксированы топонимы типа *Тупиты*, *Тупи-туй*, *Тупи-шор* и т.п., первую часть которых он связывает с общепермским названием дуба.

2. В памятниках письменности древнепермского (древнекоми-зырянского) языка неоднократно встречается слово *tupu* 'дуб'.

3. Согласно данным палеоботаники, дуб рос в истоках Печоры в III-II тыс. до н. э.

Однако, связь упомянутых топонимов с пермским названием дуба остается недоказуемой. Во всяком случае, авторы «Краткого этимологического словаря коми языка», откуда данное сопоставление было взято Р.Ш.Насибуллиным, приводят его со знаком вопроса. К тому же подобные топонимы обнаружены в бассейне Вычегды лишь в окрестностях одной-единственной деревни – Туискерос [КЭСК 1970:286].

Что же касается др-перм. *tupu*, обнаруженного в памятниках коми письменности XV-XVII вв., то можно предположить, что средневековым вычегодским зырянам вполне могли быть известны какие-либо изделия из дуба, а само название этого дерева их предки

¹³ На вывод о том, что территория прапермской (эндопермской) общности была сравнительно невелика, наталкивают, прежде всего, данные пермского языкознания. См. об этом в Главе 1, а также в следующем параграфе.

могли либо сохранить со времени своего переселения из более южных широт, либо позаимствовать у своих южных соплеменников. То, что название дуба ещё сохранялось (а затем исчезло) в древнепермском языке, отнюдь не указывает на бывшее присутствие дуба на территориях исторического расселения коми-зырян. Здесь уместно было бы привести пример ненецкого языка, в котором, между прочим, тоже имеется слово для дуба – *тыбыёва* [НПС 1965:678]. Однако, совершенно очевидно, что на территории проживания ненцев дуб не растёт и никогда не рос. По всей видимости, ненцам от коми и/или от русских стали известны какие-то изделия из дубовой древесины, и параллельно с этим ими было заимствовано и само данное слово.

Указание Р.Ш.Насибуллина на присутствие дуба на Верхней Печоре в III-II тыс. до н. э., хотя и вполне точно, ещё не является автоматически доказательством того, что это дерево сохранялось на Печоре и Вычегде и в эпоху средневековья. Известно, что период с конца III до середины II тыс. до н.э. (середина *суббореала*) характеризовался значительным потеплением климата и расцветом широколиственных лесов, когда последние распространились далеко на север. Однако, уже со второй половины II тыс. до н. э. началось новое похолодание, которое сопровождалось резким сокращением широколиственных лесов и их отступлением на юг под давлением продвигающейся к югу и западу темнохвойной тайги [Хотинский 1977]. В итоге, к середине-концу I тыс. до н. э. в Восточной Европе установились границы природных зон и картина растительности, близкие сегодняшней.

Нельзя не заметить, что выводы, сделанные Р.Ш.Насибуллиным, никак не подтверждаются данными геоботаники. В специальной геоботанической литературе преобладает мнение о том, что *«современный предельно северный рубеж естественного произрастания дуба проходит практически там же, где он простирался и в начале агркультурного времени (для полосы контакта смешанных лесов и южной тайги – 800-1000 лет тому назад) при сокращении площадей занятых дубом. Последнее обстоятельство, а также показатели роста и процесса возобновления дуба заставляют считать северные границы его ареала биологически и экологически относительно устойчивыми»* [Денисов 1970:824].

Вообще не следует понимать термин «малый климатический оптимум» слишком буквально и преувеличивать его значимость. В самый разгар «малого климатического оптимума» имели место и серьезные климатические экстремумы, повторяемость которых была не меньше, чем в настоящее время [Борисенков, Пасецкий 1983:33]. Потепление в «эпоху викингов» было лишь слабой тенью климатического оптимума и вследствие своей незначительной продолжительности просто не могло привести к крупным сдвигам в географии растительности [Монин, Шишков 1979:352].

Не менее неудачным, по мнению климатологов, является и термин «малый ледниковый период». Данное похолодание было на самом деле не чем-то исключительным, а лишь незначительной флуктуацией, одним из многих подобных похолоданий после климатического оптимума. Укоренившееся в науке название «малый ледниковый период», на деле лишь отражает тот факт, что эту часть исторического периода оказалось возможным исследовать гораздо более детально по сравнению с более ранними похолоданиями подобного же рода [Монин, Шишков 1979:355].

Итак, следует признать, что анализ сведений, предоставляемых в наше распоряжение палеобиогеографией и климатологией, не дает никаких оснований подозревать какие бы то ни было существенные сдвиги границ природных зон на востоке Европы за последние, по меньшей мере, две тысячи лет. Практически все изменения в географии растительности и животного мира происходили здесь в эту эпоху под воздействием антропогенного фактора.

2.4. ЭВОЛЮЦИЯ ПРАПЕРМСКОЙ ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

После того, как более или менее точно очерчена территория прапермского экологического ареала, необходимо окончательно определиться с локализацией пермской прародины и, наконец, высказать свою точку зрения на причины и периодизацию распада прапермской этнолингвистической общности.

Отвечая на вопрос о локализации пермской прародины, я считаю необходимым, прежде всего, еще раз подчеркнуть, что

собственно прапермская в узком смысле (эндопермская) общность накануне своего распада, по всей видимости, была общностью весьма компактно расселенной и не занимала большой территории. На мысль об этом неизбежно наводит сам факт чрезвычайной близости современных пермских языков и практической невыевленности в коми и удмуртском языках никаких следов явлений, указывающих на сколько-нибудь значительную диалектную дробность пермского праязыка, какую следовало бы ожидать в случае охвата пермской прародиной обширных территорий. В пользу того, что территория пермской прародины была ограниченной и, по-видимому, не выходила за пределы Пермского Прикамья, косвенно свидетельствует практически полное отсутствие в пермских языках общих для них прибалтийско-финских, протосаамских, древнемарийских, обско-угорских заимствований.

С другой стороны, наличие в пермских языках общих иранских (в том числе и сравнительно поздних, древнеосетинских [см. напр. Лыткин 1975; Rédei 1986:29; Напольских 1997b]) заимствований, а также заимствований из языка носителей именьковской культуры (протобалтославян – по мнению В.В.Напольских [Напольских 1996; 2006a; Napolskich 1996]), говорит о контактах прапермян с народами, населявшими степную и лесостепную зоны. Это увеличивает вероятность нахождения пермской прародины в граничащих с лесостепью или, по крайней мере, не слишком удаленных от лесостепи районах Прикамья.

При разрешении проблемы локализации пермской прародины существенную роль мог бы сыграть обстоятельный анализ топонимического материала Волго-Уральского региона. Однако, приходится с сожалением констатировать очень слабую изученность топонимики Волго-Уралья и, посему, невозможность развернутого использования выводов этого весьма перспективного направления исследований в области пермской предыстории. Тем не менее, даже самый поверхностный взгляд на топонимию этого региона позволяет некоторым исследователям сделать весьма интересные предположения и выводы.

Так, В.В.Напольских обращает внимание на то, что топонимы, которые можно без сомнения отнести к прапермскому (*эндопермскому*) слою максимально концентрируются в Среднем и отчасти Верхнем Прикамье на территории нынешнего Пермского края

и некоторых прилегающих к нему районов Удмуртской Республики [Напольских 2009]. Речь здесь идет, прежде всего, о гидронимах с топоформантом *-ва*, обильно представленных в этом регионе – см. напр. названия рек *Тулва, Сива, Иньва, Обва, Нердва, Язьва, Яйва, Сылва, Шаква, Усьва* и т.п. Примечательно, что на остальной части территории Удмуртии, в Кировской области и Республике Коми подобные топонимы встречаются значительно реже, а в Татарстане и Башкирии практически полностью отсутствуют. Такая ситуация позволяет с известной осторожностью предположить, что пермскую прародину следует искать именно на территории современного Пермского края в Среднем и Верхнем Прикамье.

И все-таки в создавшихся условиях на первый план в вопросе локализации пермской прародины выходят данные и выводы археологии. Здесь нужно заметить, что автор этих строк весьма далек от чрезвычайно распространенного до сих пор среди археологов мнения о том, что любая археологическая культура оставлена носителями одной этнической общности, а любая этническая общность прошлого как правило оставляла после себя одну сравнительно однородную археологическую культуру. Таким образом, как бы ставится знак равенства между двумя совершенно нетождественными понятиями – *археологическая культура* и *этнос*. Однако, даже совершенно не соглашаясь с такой постановкой вопроса, многие исследователи предыстории зачастую просто вынуждены жестко привязывать свои этноисторические построения к археологической карте данного региона в данную историческую эпоху, ибо другие (неархеологические) виды источников по истории описываемого региона в данную эпоху либо вообще отсутствуют либо дают крайне обрывочную и скудную информацию¹⁴. В известной мере поступать таким же образом приходится и мне по только что указанным причинам.

Прежде всего, я считаю необходимым постулировать три основанные на вышеизложенном материале фундаментальные положения, на которые опираются все мои дальнейшие рассуждения:

¹⁴ См. напр. весьма интересный разбор этого вопроса в [Петрухин, Раевский 1998].

1. Ранние этапы этнической истории пермских народов в эпоху раннего железного века восходят к *ананьинской культурно-исторической общности* VIII-III вв. до н. э.

2. Далеко не все группы ананьинского и постананьинского населения явились прямыми языковыми (resp. этническими) и генетическими предками современных пермян. По-видимому, лишь весьма ограниченная часть ананьинцев и постананьинцев говорила на языке, который послужил основой для сложения современных коми и удмуртского языков. Эти группы я вслед за В.В.Напольских именую *эндопермянами*. Кроме эндопермян определенную роль в формировании удмуртского и коми народов сыграли также другие предки пермян, которые, по терминологии В.В.Напольских, называются *парапермянами* и *экзопермянами*.¹⁵

3. Финал ананьинской КИО отнюдь не означает конца прапермского единства, т.к. распад прапермской этнолингвистической общности произошел значительно позже, уже в эпоху средневековья и был, судя по всему, процессом весьма длительным, растянувшимся на многие века.

На постананьинском пространстве в Прикамье с III в. до н. э. выделяется целый ряд археологических культур, исследуя историю и эволюцию которых археологи и делают свои этноисторические и этнокультурные построения. И здесь нельзя не учитывать того немаловажного обстоятельства, что среди археологов не существует единства не только в вопросах этнической идентификации данных культур, но и имеются серьезнейшие разногласия по проблемам определения культурно-археологической принадлежности множества памятников и их групп.

Так, например, группу памятников Среднего Прикамья, сосредоточенных в районе г.Осы и по р.Тулве (левый приток Камы) и датируемых III в до н. э. – II/V вв. н. э., В.Ф.Генинг характеризовал как особую *осинскую* АК [Генинг 1988:180-200], в то время как другие исследователи видят в них лишь один из вариантов *гляденовской* культуры [см. напр. Поляков 1967:203; Голдина 1987:11 и др.]. В последующие годы Р.Д.Голдина склонилась к тому, чтобы относить эти памятники к *пьяноборской* КИО, сближая их с памятниками

¹⁵ Определение понятий *эндопермяне*, *парапермяне* и *экзопермяне* см. выше, в Главе 1.

синхронной *чегандинской* АК Удмуртского Прикамья и низовьев р.Белой [Голдина 1999:254].

Мазунинскую АК III-V вв., выделяемую в Среднем Прикамье одними археологами, другие считают локальным вариантом или одним из этапов развития *бахмутинской* АК [см. об этом Останина 1997:12-17], а третьи – поздней стадией *чегандинской* культуры [Голдина 1987:13].

Памятники Южной Удмуртии, выделяемые Т.К.Ютиной, Р.Д.Голдиной и некоторыми другими исследователями в *верхнеутчанскую* АК (VI-IX вв.) [Ютина 1994:14; Голдина 1987:20], многими их коллегами характеризуются как памятники, оставленные разнородным в этническом и культурном отношении населением, что вызывает большие сомнения в правомерности объединения этой группы памятников в особую археологическую культуру [см. напр. Останина 1997:179].

Подобного рода разногласий так много, что порой неархеологу разобраться в них и адекватно оценить точки зрения дискутирующих сторон очень сложно. Поэтому в создавшихся условиях мне представляется нецелесообразным (да и вряд ли физически возможным) затевать подробное обсуждение высказывавшихся в разное время разными археологами мнений и воззрений на ход этнической и этнокультурной истории Прикамья с раннего железного века до конца эпохи средневековья. Вместо этого мной будет взята за основу обсуждения фундаментальная статья Р.Д.Голдиной «Проблемы этнической истории пермских народов в эпоху железа (по археологическим материалам)» [1987], где интересующая нас проблематика освещена достаточно подробно и детально, и, кроме того, в самой статье предложена оригинальная и имеющая законченный вид схема развития археологических культур, которые автор связывает с предками коми и удмуртов. Именно из-за этой завершенности и некоторой внешней логичности, я остановил свой выбор на данной работе. В более поздних своих работах [Голдина 1999; 2004 и др.] автор внесла в первоначальную схему некоторые незначительные изменения, поэтому эти поздние варианты схемы развития пермских археологических культур, равно и как схемы, предложенные единомышленниками Р.Д.Голдиной, вполне могут рассматриваться не более как модификации первоначального

варианта. Разумеется, по ходу рассмотрения отдельных положений статьи, я буду делать необходимые отступления и комментарии.

Итак, согласно Р.Д.Годиной, по завершению ананьинской эпохи в III в. до н. э. в Прикамье формируются две основные культурно-исторические общности, наследующие ананьинской КИО: *гляденовская*, представленная одной *гляденовской* культурой в Среднем и отчасти Верхнем Прикамье и *пьяноборская*, включающая в себя *худяковскую* АК в бассейне Средней и Нижней Вятки, *чегандинскую* АК – в Удмуртском Прикамье, низовьях р.Белой и по р.Иж и *кара-абызскую* АК – в северо-западной Башкирии. Как уже неоднократно указывалось, в гляденовцах Р.Д.Голдина видит предков коми, а в пьяноборцах – праудмуртов.

Достаточно подробно изложенные выше обстоятельства (см. Главы 1, 2) не дают возможности согласиться с Р.Д.Голдиной или выработать какое-либо компромиссное решение, и однозначно свидетельствуют о том что до конца пьяноборско-гляденовской эпохи (т.е. до V в. н. э.) и даже позже эндопермская общность сохраняла свое единство. Вслед за таким заключением неизбежно встает вопрос о том, какая же из вышеперечисленных археологических культур и/или культурно-исторических общностей может с большим на то основанием претендовать на роль археологического аналога этой самой нераспавшейся еще эндопермской общности?

Все постананьинские культуры пьяноборской ветви (пьяноборской КИО – по Р.Д.Голдиной): кара-абызская, худяковская, чегандинская (по Р.Д.Голдиной), мазунинская (по В.Ф.Генингу, Т.И.Останиной и др.), азелинская (по В.Ф.Генингу и др.) и т.д., а также все происходящие от них АК средневекового периода (еманаевская и кочергинская, верхнеутчанская и чумойтлинская, бахмутинская – по Р.Д.Голдиной и др.) располагались на территориях, никак не соприкасающихся с вышеозначенной территорией прапермского экологического ареала, и были расположены в стороне, на большем или меньшем расстоянии от района этого ареала. Следовательно, маловероятно, что какая-то из этих культур может быть археологическим аналогом эндопермской общности. В их носителях скорее можно видеть какие-то *парапермские* или *экзопермские* группы.

С другой стороны, территория *гляденовской* АК¹⁶ практически совпадает с локализованным в предшествующем параграфе районом прапермского экологического ареала. Поэтому *гляденовская* культура является на сегодняшний день наиболее предпочтительным кандидатом на роль археологического аналога поздней эндопермской общности. Во всяком случае, это – единственная АК постананьинского времени эпохи раннего железа в Прикамье, для которой эту роль можно предполагать с достаточной уверенностью. Кроме того, памятники *гляденовской* АК в Прикамье располагаются весьма компактно, что также увеличивает вероятность прямой связи между носителями *гляденовской* культуры и эндопермянами.

Дальнейшая история *гляденовской* общности может быть прослежена следующим образом. В конце IV века в Прикамье из Зауралья проникает население, принесшее сюда курганный обряд захоронения (Харинские, Бродовские и другие курганы). Данные группы пришельцев в последние годы предположительно связываются с потомками носителей *саргатской* АК V в. до н. э. – IV в. н. э. лесостепной зоны Западной Сибири [Голдина 1987:14; 1996:12]. В результате смешения пришельцев с позднегляденовским населением в Прикамье в V-VI вв. складываются три близкородственные культуры: *ломоватовская* – на Верхней Каме, *неволинская* – в бассейне р.Сылвы и *поломская* – на р.Чепце. Близость материальной культуры и единство происхождения трех этих общностей представляются Р.Д.Голдиной настолько очевидными, что она рассматривает их как три локальных варианта единой «пермской средневековой культуры» [Голдина 1987:17]. Так, например, генезис *поломской* культуры она связывает с одной из групп *ломоватовского* населения, которая, переселившись с верховьев Камы на

¹⁶ Согласно прежней точке зрения Р.Д.Голдиной [1987:11], *гляденовская* культура в Прикамье локализуется по Средней Каме с притоками от с. Ножовка Частинского района Пермской области до устья р.Чусовой. В последнее время Р.Д.Голдина исключает из территории *гляденовской* культуры район г.Осы и участок Камы ниже его, а также бассейн р.Тулвы (см. выше). По В.Ф.Генингу [1988:134], памятники *гляденовской* АК расположены, главным образом, в районе устья Чусовой и ниже по Каме до устья рр. Юг и Очер. Нелишне здесь будет еще раз напомнить, что В.Ф.Генинг памятники осинско-тулвинского района выделял в самостоятельную осинскую АК, против чего возражали многие его коллеги, рассматривая эту группу памятников как один из локальных вариантов *гляденовской* АК [см. напр. Оборин 1961:55; Поляков 1967:213; Голдина 1987:11].

правобережье р. Чепцы, основала здесь «одну из племенных групп» [Голдина 1987:18].

А.Г.Иванов, исследуя историю населения бассейна р.Чепцы в эпоху средневековья, пришел к выводу, что в заселении в конце V – начале VI вв. верховьев этой реки участвовали одновременно несколько этнокультурных компонентов: *позднегляденовский*, *мазунинский* и *харинский*. Около середины-конца VI века к ним добавился еще и *азелинский* компонент, продвинувшийся с Вятки и Нижней Чепцы. Вплоть до конца VII века на Верхней Чепце в рамках раннего этапа ломовской культуры происходил синтез всех этих этнокультурных компонентов, в результате которого на Верхней Чепце сложилось новое этнокультурное объединение [Иванов 1997а:9; 1998:34-43]. Думается, было бы вполне правомерно полагать, что в данном объединении в конце концов возобладал эндопермский постгляденовский компонент. Иначе трудно объяснить наибольшую близость ломовских памятников синхронной им ломоватовской АК Верхнего Прикамья, которая неоднократно подчеркивалась многими исследователями.

Итак, имеются все основания полагать, что и в ломоватовскую эпоху (V-IX вв.) прапермская (эндопермская) этнолингвистическая общность до некоторой степени сохраняет свою целостность. В то же время, в эту эпоху начинает проявлять себя постепенная культурная дифференциация этой общности, выразившаяся в сложении трех, хотя и очень близких друг к другу, но имеющих уже некоторые специфические особенности, археологических культур – ломовской, ломоватовской и неволинской.

Эта культурная дифференциация эндопермской общности явилась следствием расселения прапермян на новых, более обширных территориях, нежели в предшествующую гляденовскую эпоху, и разной степенью воздействия на различные прапермские группы тех или иных соседних этнических формирований. Например, безусловно более серьезное постсаргатское влияние испытали носители неволинской культуры, а более ошутимое воздействие мазунинской и азелинской культур – ломовцы. Однако, следует полагать, что связи внутри прапермского этнического массива оставались самыми тесными и препятствовали действительному распаду общепермского единства.

Новый этап в этнической истории Волго-Уралья наступает с приходом VIII веке в Среднее Поволжье тюркоязычных булгар и возникновением здесь первого в регионе государственного образования – Волжской Булгарии. Данные события повлекли за собой серьезные изменения в этнической истории региона, которые ярко проявили себя в археологии Прикамья конца I тыс. н. э. Так, в середине IX в. прекращает функционировать большинство памятников неволинской культуры в бассейне р. Сылвы, что объясняется уходом основной массы неволинцев из этого региона. По мнению И.Ю.Пастушенко, неволинское население, отступив на север принимает активное участие в сложении чувовского и обвинско-иньвенского вариантов *родановской* АК [Пастушенко 1995:106].

Показательно в этой связи, что финал неволинской АК фактически совпадает по времени с фиксируемым многими исследователями переселением в VIII-X вв. значительной части верхнекамского и чепецкого населения на Нижнюю Каму, Среднюю и Нижнюю Вятку и Среднюю Волгу [см. напр. Казаков 1989; 1992:245-247; Семенов 1989:31; Иванов 1990:114-115 и др.]. Приток этого населения на территорию Волжской Булгарии был, по археологическим материалам, столь значительным, что на многих раннебулгарских памятниках керамика полумско-ломоватовского типа количественно намного преобладает над собственно булгарской [Хлебникова 1984:223-224]. Основываясь на анализе вещевого материала данных раннебулгарских памятников, А.М.Белавин приходит к заключению о том, «...что основой прикамских племен, переселявшихся на территорию будущей Волжской Болгарии, были неволинские племена» [Белавин 1990:125-126].

О причинах данного переселения части носителей культур ломоватовского круга на юг и юго-запад мы пока что можем говорить только чисто предположительно. В одной из своих работ В.А.Иванов осторожно намекает на возможную связь этой миграции с необходимостью для формирующегося булгарского государства укреплять свою экономическую и политическую мощь за счет притока населения со стороны [Иванов 1990:115]. В.Ф.Генинг и, вслед за ним, А.Г.Иванов считают возможным предполагать, что полумско-ломоватовско-неволинское население насильственно выводилось булгарами со своей первоначальной территории во время набегов на чепецкие, верхнекамские и сылвинские земли [Генинг 1988:222;

1989:13; Иванов 1997а:15; 1998:108]. Р.Д.Голдина, высказав сомнения, что данное переселение было добровольным, видит его возможную причину в том, что «...кочевники-булгары, оказавшись в новых географических условиях лесостепи, нуждались в рабочей силе для обеспечения себя продуктами питания предприняли несколько попыток переселения пермского населения: сначала с южной части ломоватовской культуры (вторая половина VIII в.), затем повторная волна с этой же территории и с побережья р.Чепцы (вторая половина IX в.), из кунгурской лесостепи (IX в.)» [Голдина 1999: 295].

По мнению Л.Д.Макарова, одной из причин этой миграции чепецко-верхнекамского населения могли быть демографические проблемы, т.е. определенная перенаселенность бассейнов Чепцы, Верхней Камы и Сылвы, совпавшая по времени с уходом из района Нижней Камы именьковского населения на запад. В такой ситуации освободившиеся, кстати, довольно плодородные земли, могли охотно заниматься переселенцами с Чепцы, верхней Камы и Сылвы. При этом булгарам было совершенно необязательно прибегать к насилию, достаточно было лишь известить об освободившихся земельных угодьях северных соседей, и последние могли вполне добровольно перебраться на новые земли [Белых, Макаров 2006].

Такого рода предположения выглядят вполне правдоподобными, т.к. совершенно очевидно, что кочевники-булгары, в ходе строительства своего молодого государства нуждались в оседлом земледельческом населении, достаточно многочисленном и способном стать одной из важных экономических и социальных опор государства. В свою очередь, верхнекамско-чепецкое население могло видеть в нарождающемся булгарском государстве торгового партнера, защитника от набегов враждебных соседей и гаранта политической стабильности в регионе, потому вполне могло считать для себя более выгодным селиться в непосредственной близости от городских центров Волжской Булгарии. В независимости от того, было ли данное переселение добровольным или насильственным, невозможно совершенно отрицать связь между появлением в Среднем Поволжье булгар и становлением их государственности с упомянутыми миграциями чепецко-верхнекамского населения.

Таким образом, у нас имеются веские основания для того, чтобы считать, что в последние века I тыс. н. э. происходит разрыв относительно компактного доселе ядра прапермской

этнолингвистической общности, когда эндопермские группы начинают переселяться на значительные расстояния от района пермской прародины. Так, например, на рр. Выми, Средней и Нижней Вычегде, Лузе, Сыsole и Вашке в X-XI вв. складывается археологическая культура Перми Вычегодской (*вымская* АК), которая практически всеми исследователями аттестуется как культура предков коми-зырян. Переселившиеся на Нижнюю Каму, Нижнюю и Среднюю Вятку эндопермяне вступают в тесные контакты и постепенно смешиваются с проживавшим здесь позднеазелинским (*еманаевская* и *верхне-утчанская* АК – по Р.Д.Голдиной) населением, которое, возможно, было парапермским по языку. Дальнейшее взаимодействие северных групп (поломско-чепецких, средневятских постазелинских) и южных (потомки переселившегося на Нижнюю Вятку и Каму ломовско-ломоватовско-неволинского населения, создатели *кочергинской* и *чумойтлинской* (по Р.Д.Голдиной) АК) компонентов привело в итоге к сложению удмуртского народа. Процесс этот был, безусловно, сложным, подробное его рассмотрение выходит за рамки данной работы и требует специального исследования. На Верхней Каме в IX-X веках на основе ломоватовской АК складывается родановская АК (X-XV вв.), в создателях которой, очевидно, следует видеть непосредственных предков коми-пермяков.

Итак, к началу II тыс. н. э. эндопермские родоплеменные группировки расселяются на весьма обширных территориях Европейского Северо-Востока от Вычегды и Выми до Нижней Камы и Вятки. По-видимому, с расширением эндопермского ареала связано и распространение эндопермских диалектов на территориях, заселённых как различными парапермскими, так и экзопермскими группами, и своего рода языковое «выравнивание», сложение системы близкородственных праудмуртских и пракоми диалектов. Поэтому широкое расселение и миграции **эндопермян** не привели автоматически к окончательному распаду **прапермской** этнолингвистической общности, хотя и ослабили, безусловно, связи внутри самого **эндопермского** этнического массива. Следует полагать, таким образом, что еще в течение нескольких столетий пермское единство продолжало сохраняться в виде *диалектного континуума*. В данном континууме любые смежные группировки были весьма близки другу другу в языковом отношении, т.е. говорили

на весьма близких диалектах, в то время как территориально удаленные прапермские племена в языковом отношении уже довольно сильно отличались друг от друга.

ОБЩЕПЕРМСКИЙ ПРАЯЗЫКОВОЙ КОНТИНУУМ

Как уже отмечалось в Главе 1, выдвинутая Р.Ш.Насибуллинским гипотеза о существовании в булгарскую эпоху общепермского единства в виде диалектного континуума, протянувшегося от Нижней Камы на юге до Вычегды и Печоры на севере, хорошо согласуется с предложенной Е.А.Хелимским моделью дивергенции финно-угорских языков и подтверждается, во-первых, наличием общих для пермских языков болгарских заимствований, а во-вторых, наличием уже знакомых нам «особых отношений» между южными коми диалектами и удмуртским языком, с одной стороны, и между северноудмуртскими диалектами и коми языками – с другой.

То, что северные удмуртские диалекты более прочих сближаются с коми языками, а южные коми диалекты обнаруживают больше общих черт с удмуртским языком, чем расположенные севернее, было подмечено финно-угроведами, занимающимися проблемами истории и диалектологии пермских языков уже довольно давно. Тема эта интересовала и продолжает интересовать многих языковедов-пермистов [Жилина 1956:84; 1979:30-33; Серебренников 1957:8-9; 1977:32, 37; Тепляшина 1971:200; 1979:122; Максимов 1999a, b].

Согласно господствующему в финно-угорском языкознании пониманию теории генеалогического древа языков, пермский праязык сначала распался на праудмуртский и пракоми, затем праудмуртский распался на прасеверноудмуртский и праюжноудмуртский, а пракоми – на пракоми-зырянский и пракоми-пермяцкий и т.д. Исходя из такого понимания, эти факты трактовались и трактуются обычно либо как архаизмы, восходящие еще к общепермской или даже допермской праязыковым эпохам и по каким-то причинам не сохранившиеся в остальных диалектах, либо как последствия вторичных контактов северных удмуртов с южными коми, т.е., проще говоря, заимствования из одного пермского языка в другой [Тепляшина 1971:200; Кельмаков 1978:25-26; Атаманов 1987:95].

Впрочем, справедливости ради, следует упомянуть, что даже у тех языковедов, что строго придерживаются традиционной схемы распада прапермской общности, порою возникали-таки определенные сомнения и они начинали выдвигать «крамольные» идеи, вроде той,

что языковое единство между удмуртами и коми-пермяками прервалось позже, чем между удмуртами и коми-зырянами, а принципиальной разницы между т.н. праудмуртским языком и общепермским языком-основой не было вообще [Лыткин 1967:136, 141-142]. Однако, решительно никакой поддержки эти весьма знаменательные догадки не находили, а безапелляционно критиковались и категорически не брались в расчет ортодоксальными сторонниками схемы родословного древа [см. Rédei, Róna-Tas 1975:37; Кельмаков 1978:32].

Тем весомее и ценнее делается характеристика Е.А.Хелимского настоящих «особых отношений» как явления, обусловленного ареально-генетическими связями, существовавшими между праязыковыми диалектами общепермского языка-основы в прапермскую эпоху. Данные связи, по Е.А.Хелимскому, вызывали возникновение параллелей, восходящих к единому праязыковому источнику (общепермскому праязыку), но охвативших лишь определенные ограниченные ареалы прапермских диалектов. И, таким образом, сама *«коми-удмуртская языковая граница прошла по уже неоднородной диалектной области распространения пермского праязыка, в которой «доюжнокоми» диалекты соседствовали с «досеверноудмуртскими»* [Хелимский 1982:24-25, 26]. Необходимо указать, что собранный на сегодняшний день фактический материал по южным коми диалектам¹⁷ и диалектам северного наречия удмуртского языка требует должного обобщения и анализа. Такой анализ необходим для того, чтобы уяснить, наконец, сущность и природу «особых отношений» между диалектами пермских языков. Поэтому перейдем непосредственно к рассмотрению этого диалектологического материала.

¹⁷ Под южными коми диалектами в настоящей работе понимаются все диалекты коми-пермяцкого, а также лузско-летский, верхнесысольский и среднесысольский диалекты коми-зырянского языков.

3.1. ЮЖНЫЕ КОМИ ДИАЛЕКТЫ

3.1.1. Общее в фонетике:

3.1.1.1. В коми-пермяцком языке последовательно употребляется *-t* в конце общепермского суффикса прилагательных *-jt*, соответствующего коми-зырянскому *-jd* [Лыткин 1955:12]. Суффикс прилагательных *-jt* характерен и для удмуртского языка. Сравните, например:

кп. *jugjt*, кз. *jugjd*, удм. *jugjt* ‘светлый’;
кп. *kurjt*, кз. *kurjd*, удм. *kurjt* ‘горький’,
кп. *ćorjt*, кз. *ćorjd*, удм. *ćurjt* ‘твердый’ и т.п.

3.1.1.2. Суффикс деепричастий *-ike*, характерный для коми-пермяцкого языка (особенно для его южных диалектов), которому в коми-зырянских диалектах соответствует *-ig/-ige/-igen/-igen/-igin* [Баталова 1982:149-150], фонетически сближается с аналогичным суффиксом удмуртского языка *-ku/-ki*, см., например:

кп. *śoike*, кз. *śoigin* ‘во время еды’, удм. *śijku* ‘тж’.

3.1.1.3. В лузско-летском диалекте коми-зырянского языка, а также в верхнекамском (зюздинском) наречии коми-пермяцкого языка (территориально наиболее приближенных к удмуртам) в целом ряде слов имеет место произношение фрикативного звука *ž* на месте аффрикаты *č* [Лыткин 1955:29; Жилина 1985:19], что весьма напоминает удмуртское произношение данных лексем:

лл. *sož*, кз. лит. *sož* ‘пригоршня’, удм. *suž* ‘тж.’;
вк. *ležni*, кп. лит. *ležni* ‘отпустить’, удм. *ležini* ‘тж.’ и т.п.

3.1.1.4. И, наоборот, в лузско-летском диалекте часто наблюдается произношение аффрикаты *č* на месте фрикативного *ž* [Жилина 1985:18-19], причем в тех же лексемах, что и в удмуртском языке:

лл. *lolžini*, кз. лит. *lovžini* ‘ожить’, удм. *lulžini* ‘тж.’;
лл. *žep*, кз. лит. *žep*, удм. *žep* ‘карман’ и т.п.

3.1.1.5. В некоторых словах лузско-летского диалекта происходит переход анлаутного *j*- в *l*-, сходный с подобным явлением в удмуртских диалектах. Сравните:

лл. *l'eldeg*, вместо кз. лит. *jeldeg* ‘груздь’;
лл. *l'ol*, вместо кз. лит. *jol* ‘лесная речка, ручей’;
лл. *l'elen* < рус. Елена [Жилина 1985:33] и

удм. *lukmes* ‘прорубь’ < *jukmes*;

удм. *leʼen / loʼon, lekrem* < рус. *Елена, Ефрем* и т.п.

3.1.1.6. В южной части ареала распространения лузско-летского диалекта (в т.н. летских говорах), особенно в речи представителей старшего поколения, в отличие от большинства других коми-зырянских диалектов, отмечается произношение аффрикаты *č-* в начале слова вместо литературной *č-* [Жилина 1985:18]. Такое употребление данной аффрикаты сближает летские говоры с удмуртским языком. Например:

лет. *čiškinj*, кз.лит. *čiškini*, удм. *čuškini* ‘вытереть’

лет. *čužjašni*, кз.лит. *čužjašni*, удм. *čižaškini* ‘пинаться, лягаться’ и др.

3.1.1.7. В абсолютном начале некоторых слов в коми-пермяцком языке и верхнесысольском диалекте коми-зырянского языка отсутствует протетический *v-* остальных зырянских диалектов [Лыткин 1955:12-13], что также характерно для удмуртского языка:

кп. *oj*, вс. *oj*, кз.лит. *voj*, удм. *uj* ‘ночь’;

кп. *em*, вс. *om*, кз.лит. *vom*, удм. *im* ‘рот’

кп. *oštini*, кз. *voštini*, удм. *uštini* ‘открывать’ и т.д.

3.1.1.8. В диалектах коми-зырянского языка мягкие зубные согласные *-tʼ* и *-dʼ* в конце морфемы чередуются с йотированными сочетаниями *-jt* и *-jd*. В южных коми зырянских диалектах, а также в коми-пермяцком языке наиболее последовательно употребляется *-tʼ* и *-dʼ* [Лыткин 1955:13], что объединяет их с удмуртским языком:

лл., вс., сс., кп. *kvaʼt*, в др. кз. диалектах *kvajt*, удм. *kuatʼ* ‘шесть’ и т.д.

3.1.1.9. Согласный *-j-* коми суффикса множественного числа существительных *-jas* подвергается ассимиляции с предшествующим мягким согласным в верхнесысольском, лузско-летском, верхнекамском и, частично, в среднесысольском и нижневычегодском диалектах коми языков. Похожее явление наблюдается и в некоторых говорах северного наречия удмуртского языка. Сравните:

pañnas, вместо кз.лит. *pañjas* ‘ложки’;

badʼdas, вместо кз.лит. *badʼas* ‘ивы’ в указанных коми диалектах

и

удм.сев. *badʼdos*, вместо удм. лит. *badʼjos* ‘ивы’;

удм.сев. *pinall'os*, вместо удм.лит. *pinaljos* ‘дети’ и т.п.
[Тепляшина 1970:161-162; Баталова 1987:63-64].

Следует особо отметить, что, как и в вышеупомянутых северноудмуртских говорах, в большинстве коми-пермяцких диалектов начальный *-j-* суффикса множественного числа уподобляется не только мягкому, но и твердому конечному гласному основы, а после гласного звука основы он выпадает [Лыткин 1955:14], как и в большинстве удмуртских диалектов, например:

кз. *čarlajas*, кп. *čarlaez*, удм. *šurloos* ‘серпы’;

кз. *kerkajas*, кп. *kerkuez*, удм. *korkaos* ‘дома, избы’ и т.д.

3.1.1.10. В южных говорах среднесысольского, некоторых говорах верхнесысольского и лузско-летского диалектов коми-зырянского языка, а также в отдельных коми-пермяцких диалектах встречается фонетическое явление выпадения конечного *-l-* основы глагола перед личным суффиксом первого прошедшего времени: *užai* ‘я работал’, *kerai* ‘я рубил’, вместо *užali*, *kerali* других диалектов [Лыткин 1955:31; Жилина 1975:52; Колегова, Бараксанов 1980:16]. Как известно, в удмуртских диалектах выпадение *-l-* конца глагольной основы произошло повсеместно, что привело к образованию в удмуртском языке 2-го спряжения глаголов: *užani* < **užalni* ‘работать’, *korani* < **koralni* ‘рубить’ и т.д. [Серебренников 1963:251]. В результате, удмуртские глаголы второго спряжения в первом прошедшем времени, особенно в первом лице единственного числа, имеют вид, фонетически очень сходный с вышеуказанными коми диалектными формами: *užaj* ‘я работал’, *koraj* ‘я рубил’.

3.1.2. Общее в морфологии:

3.1.2.1. В верхнекамском наречии коми-пермяцкого языка (территориально самом близком к удмуртской территории) суффикс пролатива (переходного падежа) *-ti* является характерной диалектной чертой, тогда как в других коми-пермяцких диалектах этот суффикс встречается лишь в некоторых наречных и послеложных формах. В основном же употребляется другой суффикс – *-et/-eť*. Сравните:

кп.лит. *vaet*, вк. *vati* ‘по воде’;

кп.лит. *velet*, вк. *velti* ‘по лошади’ и т.п.

В коми-зырянских диалектах суффикс *-ti* встречается только наряду с другим – *-ed/-ed:*

кз. *verti / vered / vered* ‘по лесу’.

Таким образом, только в верхнекамском наречии суффикс *-ti* является единственным для пролатива, что объединяет данное наречие с удмуртским языком (ср. напр. удм. *šurti* ‘по реке’, где *šur* ‘река’). В остальных же коми диалектах настоящий суффикс находится, по выражению Р.М.Баталовой, «в зоне вибрации» [Баталова 1982:117].

3.1.2.2. В системе склонения усилительно-личных (определятельно-личных) местоимений верхнесыольского диалекта имеются черты, сближающие его с удмуртским языком. Так, например, в аппроксимативе (направительном, приблизительном падеже) в единственном числе наряду с формами *asleń* ‘ко мне самому’, *asleńjd* ‘к тебе самому’, *asleńjs* ‘к нему самому’, полностью соответствующими остальным коми-зырянским диалектам и литературному языку (кз.лит. *aslań, aslańjd, aslańjs*), употребляются и другие формы – *aćimleń, aćidleń, aćisleń* [Жилина 1975:109], которые почти полностью совпадают с удмуртскими формами аппроксиматива: *aćimlań* ‘ко мне самому’, *aćidlań* ‘к тебе самому’, *aćizlań* ‘к нему самому’.

3.1.2.3. В лузско-летском и верхнесыольском диалектах имеется суффикс неполноты качества *-pirjś*, который сходен с аналогичным по значению удмуртским суффиксом *-pir/-pirjem*:

лл. *keźjdpirjś* ‘холодноватый’,

вс. *jeźjdpirjś* ‘беловатый’ [Жилина 1985:56; 1975:93] и

удм. *lełpir* ‘розоватый’, *vožpirjem* ‘зеленоватый’ и т.п.

3.1.2.4. При сравнении парадигм спряжения глаголов в удмуртском, коми-пермяцком и диалектах коми-зырянского языков, выясняется, что наибольшее сходство с удмуртским языком здесь обнаруживают коми-пермяцкий язык, а также верхнесыольский, среднесыольский и лузско-летский диалекты коми-зырянского. Сравните, например:

удм. *gīrom(i)* – кп., вс., сс., лл. *geram(e)* – др. кз. диалекты *geram* ‘мы будем пахать’;

удм. *gīrod(i)* – кп. *gerat(e)* – лет. *gerad(e)* – др. кз. диалекты *gerannjd* ‘вы будете пахать’;

удм. *gīrim(i)* – кп., вс., сс., лл. *gerim(e)* – др. кз. диалекты *gerim* ‘мы пахали’;

удм. *giridi* – кп. *gerit(ɛ)* – лет. *gerid(ɛ)* – др. кз. диалекты *gerinnid* ‘вы пахали’;

удм. *girizi* – кп. *geris(ɛ)* – кз. *gerisni* ‘они пахали’;

удм. *ud mɨne* – кп., лет. *od(ɛ) mune* – др. кз. диалекты *on(ɛ) mune(j)* ‘вы не пойдете’ и т.п.;

удм. *ed mɨne* – кп., лет. *ed(ɛ) mune* – др. кз. диалекты *en(ɛ) mune(j)* ‘вы не пошли’ и т.п.

Некоторые другие сепаратные южнокоми-удмуртские морфологические параллели были специально рассмотрены С.А.Максимовым в одной из его статей [Максимов 1999а].

3.1.3. Общее в лексике:

В сравнении с фонетикой и морфологией лексические схождения южных коми диалектов с удмуртским языком изучены лучше. Об отдельных такого рода фактах неоднократно писали В.И.Лыткин, Б.А.Серебренников и другие. Специально этот вопрос исследовали Т.И.Тепляшина [1979] и Т.И.Жилина [1979]. Р.М.Баталова при рассмотрении по рукописным словарям XVIII-XIX веков лексики двух периферийно-южных, ныне уже исчезнувших, пермяцких диалектов указала на присутствие в ней слов, имеющих соответствия только в удмуртском языке [Баталова 1967:72]. Поэтому, очевидно, нет особой необходимости останавливаться на этом вопросе более подробно и приводить здесь развернутый список южнокоми-удмуртских лексических параллелей, который должен исчисляться, по-видимому, многими десятками единиц, тем более, что сама работа по собиранию, обобщению и анализу этих параллелей заслуживает быть темой специального отдельного исследования. Некоторые же предварительные результаты уже сделанных по данной теме изысканий будут вкратце рассмотрены в заключительной части настоящей главы.

3.2. СЕВЕРНЫЕ УДМУРТСКИЕ ДИАЛЕКТЫ

Диалекты северного наречия удмуртского языка (нижнечепецкий, глазовский, верхнечепецкий, тыловый и др.), как уже отмечалось выше, обнаруживают некоторые черты, особо

сближающие их с коми языками. Благодаря работам Т.И.Тепляшиной, Г.А.Архипова, В.М.Вахрушева, А.А.Алашеевой, С.А.Максимова и других исследователей сегодня уже можно составить довольно полную картину коми-северноудмуртских фонетических, морфологических и лексических схождений.

3.2.1. Общее в фонетике:

3.2.1.1. В нижнечепецком диалекте удмуртского языка, территориально наиболее близком к коми-зырянскому языковому ареалу, в русских заимствованиях фонема *с* систематически заменяется на *щ*:

щas < рус. *час*;

щaj < рус. *чай*;

ищastok < рус. *участок* и т.п. [Тепляшина 1970:160].

Подобное явление отмечено в летских говорах лузско-летского, ижемском и удорском диалектах коми-зырянского языка:

щislo < рус. *число*;

щaj < рус. *чай*;

ещered < рус. *очередь* и т.д. [Сорвачева, Безносикова 1990:19].

3.2.1.2. В нижнечепецком диалекте более, чем в других, употребительна фонема *е*. Так, например, в отличие от литературного удмуртского языка и большинства удмуртских диалектов, в нижнечепецких говорах *е* встречается не только в первом слоге слова, как и в коми языках [Тепляшина 1970:164]. Вследствие этого более широкого употребления *е* многие общепермские лексемы в нижнечепецком диалекте фонетически сближаются с соответствующими коми словами:

нч. *zer* 'дождь', вместо удм. лит. *zor*;

нч. *gerd* 'красный', вместо удм. лит. *gord*;

нч. *lebanj* 'летать', вместо удм. лит. *lobanj*;

нч. *tedinj* 'знать', вместо удм. лит. *todinj* и т.п. [Тепляшина 1970:164];

ср. кз., кп. *zer, gerd, lebanj, tednj* 'тж.'

3.2.1.3. В нижнечепецком диалекте удмуртского языка в заимствованиях русское *о* часто воспринимается как *е*. Такая

адаптация настоящей фонемы вновь сближает данный диалект с коми языками. Сравните, например:

нч. *pejas, geršək, redña* < рус. *пояс, горшок, родня* [Тепляшина 1970:164] и

коми *geršək, rednej, etvet* < рус. *горшок, родной, ответ* [ССКЗД 1961:89, 267, 322].

3.2.2. Общее в морфологии:

3.2.2.1. В говоре д. Сизево Каринского сельсовета Слободского района Кировской области (нижнечепецкий диалект) Т.И.Тепляшиной зафиксировано местоимение *kudiztor* ‘некоторые’. Суффикс *-tor* другим удмуртским диалектам неизвестен, но очень широко представлен в коми языках [Тепляшина 1970:179].

3.2.2.2. В нижнечепецком диалекте удмуртского языка (наряду с некоторыми средневосточными говорами) имеется суффикс сравнительной степени *-žik*, вместо общеудмуртского *-ges/-gem*. Например:

ćeberžik, вместо удм.лит. *ćeberges / ćebergem* ‘красивее’ < *ćeber* ‘красивый’.

Суффикс сравнительной степени *-žik/-žik* характерен для всех коми диалектов [Тепляшина 1970:169; Архипов 1990:12].

3.2.2.3. В нижнечепецком диалекте распространен суффикс прилагательных *-ej*, усвоенный из севернорусского *-ой*, который в прочих удмуртских диалектах заимствован без фонетических изменений:

sovetskej, vol'nej, bumažnej < сев.-рус. *советской, вольной, бумажной*.

Настоящий суффикс совершенно аналогично воспринят и коми языками: *sovetskej, vol'nej, bumažnej* [Тепляшина 1970:170-171].

3.2.2.4. Для северного наречия удмуртского языка характерен показатель аккузатива множественного числа *-tj* (в местоимениях еще и *-di*), вместо южноудмуртского *-iz* [Кельмаков 1987:30], например:

valjostj, вместо *valjosiz* ‘лошадей’;

mil'emdi, вместо *mil'emiz* ‘нас’;

tileddi, вместо *tilediz* ‘вас’;

soostj, вместо *soosiz* ‘их’.

Данный суффикс имеет соответствия в некоторых говорах удорского (для существительных и местоимений), а также нижневычегодского и ижемского (для местоимений 1-го и 2-го лица множественного числа) диалектов коми-зырянского языка. Например:

уд. *ćeriezde* ‘рыб’, *mijande* / *mijante* ‘нас’;

нв. *mijante*, иж. *mijante* ‘тж.’;

вместо кз.лит. *ćerijases*, *mijanes* [Сорвачева, Безносилова 1990:32, 51; ССКЗД 1961:466, 472, 473].

В древнепермском языке (языке средневековой коми письменности XIV-XVII вв.) винительный падеж множественного числа существительных и прилагательных также имел суффикс *-di/-de* [Лыткин 1952:106].

3.2.2.5. Нулевой показатель датива личных местоимений 1-го и 2-го лица множественного числа северного наречия удмуртского языка, вместо *-li* южного наречия [Кельмаков 1987:31]: *mil'em*, вместо *mil'emli* ‘нам’; *tiled*, вместо *tiledli* ‘вам’, находит параллели в некоторых диалектах коми-зырянского языка: нв., вым., иж., уд., *mijan* ‘нам’, *tijan* ‘вам’ при *mijanli* / *mijanle*, *tijanli* / *tijanle* других диалектов [ССКЗД 1961:472-473].

3.2.2.6. Наличие в глазовском диалекте северного наречия удмуртского языка группы вторичных падежей с элементом *-ń-*, образовавшийся в результате превращения в падежные форманты послелогов с основой на *diń-* (например, *ađamińe* ‘к человеку’, вместо *ađami dińe*; *ađamińjn* ‘у человека’, вместо *ađami dińjn* и т.д.) сравнивается исследователями с подобным явлением образования новых падежных суффиксов с основой на *-dijn-* во многих диалектах и говорах коми-пермяцкого языка, особенно его южного наречия [Баталова 1975:139].

3.2.2.7. Указательно-местоименные наречия в северных удмуртских диалектах отличаются от литературных форм:

нч. *soťjn* ‘там’,

нч., глаз. *soťiś* ‘оттуда’,

нч. *soź* ‘так’ и др.,

вместо удм. лит. *otjn*, *otjś*, *oźj*,

и очень сходны с аналогичными коми наречиями: кп. *seten* ‘там’, *setiś*, кз. *setiś* ‘оттуда’, кп. *siź* ‘так’ [Тепляшина 1970:183; Вахрушев 1959:236; ССКЗД 1961; КПРС 1985].

3.2.2.8. Т.И.Тепляшина обращала внимание на необычную для удмуртского языка форму собирательно-личных местоимений нижнечепецкого диалекта в творительном падеже:

нч. *kijknaniṃ*, вместо удм.лит. *kijknamijen* ‘нами двоими’;

kviñnaniṭ, вместо *kuiñnadijen* ‘вами троими’;

kijknaniṣi, вместо *kijknazijen* ‘ими двоими’ и т.д.

Эти формы весьма напоминают коми-пермяцкие счетно-личные местоимения:

kijknannim ‘мы оба’,

kijknannit ‘вы оба’,

kijknannis ‘они оба’ [Тепляшина 1970:173-174, 178].

3.2.2.9. Очень показательным и то, что в таком традиционно считающемся весьма устойчивым разделе морфологии, как система числительных, в нижнечепецком диалекте обнаруживается большее, чем у других диалектов удмуртского языка, сходство с коми системой числительных. Особенно это касается коми-пермяцкого языка и южных коми-зырянских диалектов. Сравните, например:

нч. *kvaṭ*, вместо удм.лит. *kuat* ‘шесть’;

niḷdas, вместо *niḷdon* ‘сорок’;

viṭtas, вместо *viṭton* ‘пятьдесят’;

kvaṭtas, вместо *kuatṭon*, ‘шестьдесят’;

siṣimdas, вместо *siṣimdon* ‘семьдесят’ и т.д. [Тепляшина

1970:171] и

кп., лл., вс., сс. *kvaṭ* ‘шесть’;

кп. *niḷdas*, кб. *niḷdas* ‘сорок’;

кп., лл., кб. *viṭdas* ‘пятьдесят’;

кп., лл., кб. *kvaṭds* ‘шестьдесят’;

кп., кз. *siṣimdas* ‘семьдесят’ [Жилина 1975:99; ССКЗД 1961; КПРС 1985].

3.2.2.10. Аналитический способ образования отрицательной формы второго (неочевидного) прошедшего времени в северном наречии удмуртского языка, вместо синтетического – в южном [Кельмаков 1987:31]: удм. сев. *evḷ koškem*, вместо удм. южн. *koškimte* ‘он не ушел (оказывается)’; сев. *evḷ gožtem*, вместо южн. *gožtimte* ‘он не написал (оказывается)’ имеет параллель в коми языках; сравните, например: кз. *abu gižema* ‘он не написал (оказывается)’ [СКЯ 1955:219].

Список сепаратных удмуртско-южнокоми морфологических параллелей не ограничивается приведенными выше примерами. С.А.Максимов в одной из своих работ приводит еще несколько весьма любопытных морфологических параллелей подобного рода [Максимов 1999а].

3.2.3. Общее в лексике.

Прежде всего, хотелось бы отметить, что рассмотрение коми-северноудмуртских лексических параллелей серьезно осложняется отсутствием на сегодняшний день отвечающего современным требованиям диалектологического словаря удмуртского языка, а также почти полным отсутствием опубликованных словарей его отдельных диалектов. И хотя данной темой специально занималась Т.И.Тепляшина [см. Тепляшина 1979:122], имеются другие интересные наблюдения за лексикой северных удмуртских диалектов [см.напр. Архипов 1987], вопрос этот по-прежнему не может считаться целиком и полностью изученным. Лишь сравнительно недавно С.А.Максимовым была, наконец, сделана первая попытка капитального исследования северноудмуртско-коми ареальных лексико-семантических параллелей [Максимов 1999b], которая может стать неплохим почином в этом деле. Не останавливаясь на данной теме более подробно, подчеркну, что количество сепаратных коми-северноудмуртских лексических сходжений исчисляется, по всей видимости, многими десятками (если не сотнями).

3.2.4. Т.И.Тепляшина в свое время обращала внимание на некоторые особенности в постановке словесного ударения в северноудмуртских диалектах, вроде бы напоминающее словесное ударение в коми-пермяцких и отдельных южных коми-зырянских диалектах [Тепляшина 1971:200]. Однако, из-за сравнительно слабой изученности специфики акцентуации в коми и удмуртских диалектах разобрать сей вопрос более детально, на мой взгляд, пока не представляется возможным.

3.3. ИСТОРИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ДАННЫХ ДИАЛЕКТОЛОГИИ

Можно надеяться, что по мере дальнейшего изучения коми и удмуртских диалектов, накопления все новых фактов

вышеизложенный диалектологический материал будет постепенно дополняться и уточняться. Однако, даже и в настоящем объеме и составе он позволяет сделать некоторые важные выводы и предположения.

Для языковедов-пермистов давно уже является аксиоматичным то, что любые соседние диалекты и говоры современных пермских языков везде обнаруживают между собой больше общих черт, чем территориально удаленные друг от друга диалекты.

Такое положение вещей приводит, в частности, к тому, что для удмуртского языкового ареала практически невозможно установить сколько-нибудь точную географическую границу разделяющую территории распространения южного и северного наречий – настолько плавно один говор сменяется другим. Находящиеся же между зонами южного и северного наречий удмуртского языка так называемые срединные говоры не образуют особого наречия, а считаются переходными, т.к. совмещают в себе отдельные характерные особенности обоих наречий; причем, более северные переходные говоры сильнее сближаются с северным наречием, а более южные – с южным.

Коми диалекты, хотя и имеют сравнительно более четкие границы (главным образом, по водоразделам рек), чем диалекты удмуртского языка, тем не менее, представляют из себя цепочку (правда, местами разорванную), состоящую из звеньев взаимно переходных говоров. Так, например, крайние северные пермяцкие диалекты – мысовский и, особенно, верх-лупьинский, – находясь в непосредственной близости с ареалом верхневычегодского диалекта коми-зырянского языка, обнаруживают с ним немало общего [Баталова 1975:218-220]. Самые южные диалекты коми-зырянского языка – лузско-летский и верхнесыольский – демонстрируют чрезвычайную близость с коми-пермяцким языком в целом и особенно с его верхнекамским (зюздинским) наречием, хотя непосредственно с оным и не граничат [Лыткин 1955:30; Жилина 1985:113]. Оньковский диалект коми-пермяцкого и верхневычегодский диалект коми-зырянского языков, территориально приближенные к изолированному коми-язвинскому наречию, имеют с последним некоторые общие особенности в фонетике и лексике [Лыткин 1955:27, 33].

Само традиционное деление коми на пермяков и зырян в значительной мере условно, т.к. их языки исторически еще недавно составляли континуум, который окончательно не разорван и сейчас. Средневековые русские письменные памятники свидетельствуют, что в XV-XVII вв. верховья Сысолы и Камы составляли единую административно-территориальную область – Ужгинскую волость [Жилина 1975:6-7]. В.И.Лыткин справедливо полагал, что те коми говоры, которые по историческим данным были некогда распространены на территории, отделяющей теперь верхнесысольцев и зюздинцев, носили характер переходных от верхнекамского к верхнесысольскому диалектам говоров [Лыткин 1955:30]. Лузско-летские коми-зыряне именовали, а кое-где и сейчас еще именуют себя «пермяками» [Жилина 1985:6; Лашук 1972:245, 246].

Эти и другие факты, так же как и данные коми диалектологии, убедительно доказывают, что в старину существовала ситуация диалектной непрерывности (континуума) между языками коми-зырян и коми-пермяков, которая окончательно не нарушена даже сегодня. Известную роль в формальном разделении коми на зырян и пермяков сыграла русская колонизация Коми края. Не вызывает сомнений тот факт, что именно под русским влиянием пермяки постепенно начали отличать себя от зырян, и наоборот, зыряне стали отделять себя от пермяков.

Русская колонизация Коми края сыграла свою роль и в дальнейшем дроблении коми на более мелкие этнолингвистические группы. Например, во многом благодаря появлению русского клина между северной и южной частями пермяцкой территории (Юрлинский район существовавшего до недавнего времени Коми-пермяцкого округа) произошло разделение коми-пермяков на северную и южную группы, а коми-пермяцкого языка – на северное и южное наречия [Лыткин 1955:24; Баталова 1975:16].

Итак, существование в прошлом общекоми диалектного континуума (языковой непрерывности), который был по сути своей заключительной стадией общекоми этнолингвистического единства, можно считать доказанным. Отсюда остается сделать лишь один вполне логичный шаг и признать справедливым предположение Р.Ш.Насибуллина о том, что в несколько более удаленном прошлом этот континуум территориально был еще шире и охватывал также и южные пермские диалекты, на которых изъяснялись предки удмуртов.

В самом деле, только существованием в прошлом общепермского праязыкового континуума можно объяснить указанные выше параллели, которые особо сближают южные коми диалекты с удмуртским языком, а северные удмуртские диалекты – с коми языками. Считать же данные «особые отношения», как это до сих пор делают многие языковеды, только результатом вторичных контактов уже разделившихся коми и удмуртов не позволяют следующие обстоятельства:

1. Удмуртский и коми народы уже много веков разделены между собой широкой территориальной полосой, населенной русскими, и непосредственные и тесные сношения между удмуртами и, например, коми-зырянами, по-видимому, уже давно прервались. Во всяком случае, у нас нет никаких исторических сведений, указывающих на то, что за последние несколько столетий [см. Лыткин 1957:22] между северными удмуртами и южными коми происходили столь тесные и продолжительные контакты, которые смогли бы обеспечить появление такого значительного количества сепаратных параллелей в их диалектах.

2. Южнокоми-удмуртские и коми-северноудмуртские схождения охватывают не только лексику, которая заимствуется сравнительно легко, но и фонетику и, что особенно важно, морфологию рассматриваемых диалектов и языков, элементы которой, как известно, заимствуются гораздо менее охотно и только при условии длительного и тесного контактирования носителей взаимодействующих языков. Так, например, за несколько веков удмуртско-татарских контактов, которые, кстати говоря, были куда более тесными, чем возможные контакты удмуртов с коми, в удмуртский язык проникло несколько сот (а в южные и периферийно-южные диалекты – более тысячи) татарских слов и лишь несколько суффиксов [Csúcs 1990:56-57], из которых общеудмуртским стал, пожалуй, только один суффикс *-lik*:

žečlik ‘доброта; качество’ < *žeč* ‘добрый, хороший’;

žoglik ‘быстрота, скорость’ < *žog* ‘быстрый, скорый’ и

т.п.

3. Фонетический облик многих из южнокоми-удмуртских и коми-северноудмуртских параллелей не является абсолютно одинаковым у северноудмуртских слов или аффиксов с коми, а у

южнокоми слов или аффиксов с удмуртскими. Они лишь сближаются фонетически, не совпадая полностью, чего, вероятно, следовало бы ожидать при заимствовании из одного пермского языка в другой, так как «*звуковой состав коми литературных языков и преобладающего большинства диалектов коми языка тождественен звуковому составу удмуртского литературного языка и большинства диалектов удмуртского языка*» [Лыткин 1957:21]. Сравните, например:

удм. *enjr* [ССКЗД 1961] ‘седло’ и удм. *eñer* ‘тж.’;

кп. *ñaraśñi* [КПРС 1985] ‘бороться, драться’ и удм. *ñurjaškñi* ‘тж.’;

удм. вч. *vij* ‘кипрей (растение)’ [Алашеева 1982:91] и кп. *vej*, *vejturun*, вс. *vej*, лл. *vej turin*, кз. лит. *vojjiy* ‘тж.’ [КПРС 1985; ССКЗД 1961] и т.п.

4. Кроме того, часто то или иное южнокоми слово является лишь особым по произношению или значению вариантом общекоми лексемы, который фонетически или семантически более других сближается с соответствующим удмуртским словом, и, наоборот, то или иное северноудмуртское слово является лишь особым по произношению или значению вариантом общеудмуртской лексемы, который больше, чем в других удмуртских диалектах, фонетически или семантически сходен с соответствующим коми словом. В качестве примеров возьмем несколько общепермских лексем и проследим как они изменяются фонетически или семантически в разных частях современного пермского (коми-удмуртского) языкового ареала.

а) Коми-зырянское литературное *vot* ‘рот’ в одном из южных зырянских диалектов – верхнесыольском – теряет протетический *v-*, а гласный звук в этом слове становится закрытым. В результате слово это превращается в *ot*. В языке коми-пермяков данное слово претерпевает дальнейшие изменения: его гласный из заднерядного превращается в гласный среднего ряда и утрачивает огубленность – *et*. И наконец, в удмуртском языке этот гласный, оставаясь среднерядным, сужается в *i-*, и данная лексема превращается в *it* [КЭСК 1970]. Таким образом, верхнесыольский и коми-пермяцкий варианты выглядят как фонетически переходные от коми-зырянского к удмуртскому.

б) Удмуртское слово *zor* ‘дождь’ в нижнечепецком диалекте произносится как *zēr* [Тепляшина 1970:164], т.е. гласный звук в этом слове лишается лабиализованности и сдвигается из заднего ряда в средний. В коми языках настоящий звук передвигается еще более вперед и становится гласным переднего ряда *-e-*, а само слово выглядит как *zer*. Очевидно, что нижнечепецкая диалектная форма, не совпадая полностью ни с общеудмуртским, ни с коми вариантами, фонетически занимает как бы промежуточное положение между ними.

в) Общекоми слово *će-ri* ‘рыба’ в одном из южных коми-пермяцких диалектов – оньковском – произносится как *će-rig* (появляется конечный *-g*). В самом южном коми-зырянском диалекте – лузско-летском – кроме появления этого ауслатного согласного ударение в данном слове переходит с первого слога на последний (т.е. также как ударение ставится в удмуртском языке), и оно звучит как *ćeri-g* [КПРС 1985; ССКЗД 1961]. В самом географически близком к лузско-летскому диалекту диалекте удмуртского языка – нижнечепецком – этому слову соответствует *ćeri-g* [Тепляшина 1970:192], а в других удмуртских диалектах и литературном языке – *ćori-g*. Как видим, общепермская лексема со значением ‘рыба’ из коми фонетического варианта *će-ri* постепенно, по мере движения на юг, превращается в удм. *ćori-g*.

г) Удмуртскому глаголу *punini* ‘вить, свить’ в летских говорах коми-зырянского языка соответствует *pinni* с тем же значением, в то время как в других зырянских диалектах однокоренные с последним слова означают ‘крутить, скрутить’, ‘искривиться, покоситься’ и др. [КЭСК 1970:236]. Летский диалектизм, отличаясь от соответствующего удмуртского слова по своему фонетическому облику, практически полностью совпадает с ним по значению.

д) Коми *tjškašni* ‘драться, биться’ в северном наречии удмуртского языка соответствует *tjškašjini* с тем же значением, тогда как в южноудмуртском наречии это же слово означает ‘ругаться, ссориться’ [Кельмаков 1981:36]. В данном случае северноудмуртское слово в некотором смысле занимает промежуточное положение между южноудмуртским и коми вариантами этой лексемы, совпадая с первым по форме, а со вторым – по содержанию.

Итак, можно с уверенностью констатировать, что рассмотренные выше «особые отношения» являются ничем иным, как следами существовавшего некогда общепермского праязыкового континуума, в котором «доюжнокоми» диалекты по мере движения на юг плавно переходили в «досеверноудмуртские»; возникавшие в прапермском языке инновации уже не охватывали весь обширный общепермский ареал, а становились достоянием только части праязыковых диалектов. В результате одни языковые явления стали общими для коми языков и северных удмуртских диалектов, другие – общими для удмуртского языка и южнокоми диалектов, третьи, охватив еще меньшую площадь, попали только в удмуртские или только в коми диалекты. Следствием этого и стала особая близость северных удмуртских диалектов к коми языкам, а южных коми диалектов к удмуртскому языку.

Необходимо, впрочем, особо указать на то, что значительная часть коми-северноудмуртских и южнокоми-удмуртских фонетических, морфологических, лексических сходжений является не такого рода инновациями, а архаизмами, сохранившимися с общепермской и даже допермской эпох. Однако, и в этих случаях весьма показательна то, что архаизмы, сохранившиеся в отдельных коми диалектах и имеющие параллели в удмуртском языке, не распределены более или менее равномерно по всем коми диалектам, а сравнительно редки в северных коми диалектах и максимально концентрируются именно на юге коми языкового ареала, и наоборот, архаизмы, сохранившиеся в отдельных удмуртских диалектах, имеющие параллели в коми языках, выказывают явную тенденцию к наибольшей концентрации именно в северных диалектах удмуртского языка.

Таким образом, принципиальная верность модели дивергенции финно-угорских языков, предложенной Е.А.Хелимским, находит свое блестящее подтверждение на материале пермской диалектологии.

Важнейшим выводом, который можно сделать в заключение настоящей главы, является следующий: дивергенция прапермской этноязыковой общности отнюдь не была цепочкой следующих друг за другом бифуркаций (разветвлений) прапермян на праудмуртов и пракоми, затем праудмуртов – на северных и южных (пра)удмуртов, а пракоми – на пракоми-зырян и пракоми-пермяков и т.д, как это традиционно принято понимать в финно-угорском языкознании.

Эндопермская этноязыковая общность, занимая первоначально сравнительно небольшую территорию в Прикамье, постепенно распространилась на огромной площади от бассейна Вычегды на севере до Нижней Камы на юге, попутно, по всей видимости, поглотив различные группы прапермян и экзопермян. Однако, само по себе данное расширение прапермского ареала еще не означало автоматически финала общепермского единства; единство это продолжало сохраняться в виде общепермского диалектного континуума – ситуации когда между «досеверноудмуртскими» и «доюжнокоми» диалектами не существовало территориального разрыва, а сами эти диалекты по-прежнему оставались взаимно близкими, в то время как более северные «докоми» и более южные «доудмуртские» диалекты уже значительно отличались друг от друга.

Таким образом, сложение общепермского континуума, охватившего столь обширные территории, явилось новой фазой дивергенции прапермской общности, а сам данный континуум стал заключительной стадией существования общепермского единства. Разрыв континуума, представлявший из себя, собственно говоря, лишь отделение «досеверноудмуртских» диалектов от «доюжнокоми», фактически знаменовал собой завершение распада прапермской этнолингвистической общности. О событиях и процессах, приведших к концу этой последней стадии эволюции прапермской этнолингвистической общности речь пойдет в заключительной главе.

ПРИЧИНЫ И ХРОНОЛОГИЯ РАСПАДА ОБЩЕПЕРМСКОГО КОНТИНУУМА

4.1. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

В предыдущей главе был рассмотрен, главным образом, лишь лингвистический аспект вопроса об общепермском континууме. Однако, следует заметить, что следы этого континуума выявляются не только лингвистическими методами. Данные смежных дисциплин – археологии, физической антропологии, а также свидетельства письменных памятников прямо или косвенно подтверждают результаты, полученные в ходе анализа изложенного выше диалектологического материала пермских языков.

Так, например, в археологии Предуралья середины – второй половины I тыс. н. э. исследователи отмечают близкую родственность культур, сыгравших центральную роль в формировании удмуртского и коми народов – *ломоватовской* в Верхнем Прикамье, *неволинской* в бассейне р.Сылвы и *поломской* на р.Чепце. Близость этих археологических культур настолько очевидна, что позволяет говорить о нескольких вариантах единой «пермской средневековой культуры» [Голдина 1987:17].

На существовавшую некогда неразрывность в общепермском ареале от низовьев Вятки и Камы на юге до верховьев этих рек и бассейна Вычегды на севере косвенно указывают и данные физической антропологии. Материалы этой науки свидетельствуют, в частности, о присутствии у коми-зырян нескольких антропологических типов: *беломорского* и *восточнобалтийского* у северных и северо-западных зырян и *вятско-камского сублапоноидного* – у южных. Первые два варианта сближают коми-зырян с прибалтийскими финнами (в особенности, с карелами и вепсами) и являются, по всей видимости, результатом смешения пермян с каким-то субстратным населением, возможно близкородственным по языку прибалтийско-финским народам. Сублапоноидный вятско-камский тип, который более всего характерен, как уже говорилось, для южных зырян и присутствует в виде большей или меньшей примеси у центральных и северных групп, в свою очередь объединяет коми-зырян с их южными «родичами» и

соседями – коми-пермяками и удмуртами. Таким образом, наибольшее сходство с удмуртами в антропологическом типе обнаруживается у коми-пермяков и южных коми-зырян, становясь все меньшим у более северных зырянских групп. По ряду признаков южные коми-зыряне оказываются к удмуртам и коми-пермякам даже ближе, чем к своим северным сородичам [Чебоксаров 1946:56-57; Хартанович 1991:112-113].

Русские письменные источники недвусмысленно свидетельствуют, что еще в начале XVII века удмурты проживали по Верхней Вятке на территории Холуницкого, Сырьянского и Лужановского станов Слободского уезда [Луппов 1958:192-195, 198-205], т.е. территориально еще ближе к коми-зырянам, жившим и живущим поныне по правым притокам Верхней Вятки рр. Летке и Кобре, чем современные нижнечепецкие удмурты. Еще в 20-х годах прошлого столетия русское население окрестностей села Шестаково (север современной Кировской области) традиционно называло некоторые местные деревни «вотскими», несмотря на то, что удмурты в этом районе уже давно не проживают [Луппов 1931:115]. Остается лишь вполне обоснованно предположить, что в более раннее время, по крайней мере до конца XII века (т.е. до начала славяно-русской колонизации Вятского края [Макаров 1995а:80-81]), территориального разрыва между пермянами-предками удмуртов и коми-зырян в бассейне Верхней Вятки не существовало вообще.

Верхнекамские (зюздинские) коми-пермяки, живущие в Афанасьевском районе Кировской области, и в настоящее время отделены от основной территории проживания удмуртов расстоянием не более 50-60 км по прямой. По-видимому, еще в XIX – начале XX вв. это расстояние было куда меньшим и совершенно не препятствовало отдельным удмуртским семьям и даже целым деревням переселяться на земли зюздинцев, а отдельным группам пермяков селиться рядом с удмуртами. По свидетельству Н.Н.Блинова, в середине XIX столетия граница между землями удмуртов и пермяков на территории Глазовского уезда Вятской губернии проходила в окрестностях села Карсовой (совр. Балезинский район Удмуртской республики), т.е. определенная группа пермяков проживала в самой непосредственной близости к поселениям удмуртов [Блинов 1864]. У нас нет никаких оснований полагать, что до появления в верховьях Камы русских, которые проникают сюда не

ранее рубежа XIV-XV вв. [Макаров 1995b:24] и которыми заселен ныне 50-60-километровый разделяющий верхнекамских коми-пермяков и удмуртов коридор, предки пермяков и удмуртов уже были локально разобщены.

Весьма любопытно и показательно также и то обстоятельство, что вплоть до XV века удмурты никак не фигурируют в письменных источниках. Первое надежное свидетельство об этом народе, точнее – о его земле (*Вотятцкая земля*), появляется в русских документах при описании событий, связанных с походом Ивана III на Казань в 1469 году.¹⁸ А, например, в агиографическом памятнике конца XIV в. «Житии св. Стефана Пермского» (1396 г.) термин (*в)отяк* или какое-либо другое из известных названий удмуртов отсутствуют совсем, в то время как автор «Жития» св. Епифаний Премудрый демонстрирует прекрасную осведомленность о географии Камско-Вычегодского края и народах, населявших этот регион. Епифаний при этом уверенно включает бассейны рр. Вятки и Камы (т.е. районы, где должны были в то время проживать в том числе и предки удмуртов) в Пермскую землю [Житие 1995:64-67]. Таким образом, столь поздняя фиксация удмуртов письменными источниками обоснованно объясняется многими исследователями тем, что праудмурты могли первоначально подразумеваться русскими источниками под этнонимом *Пермь* [Фотеев 1978:83], т.е. предки удмуртов и коми вплоть до XV века русскими документами не дифференцировались, а обозначались и понимались как нечто единое.

Эти и другие подобные факты, мягко говоря, плохо согласуются с положениями по-прежнему господствующей в пермистике миграционной теории, по которой разделение пермского пранарода произошло по причине переселения предков коми на север и наступившего в результате территориального размежевания коми и удмуртов.

¹⁸ Ряд авторов пытается доказать более раннее появление сведений об удмуртах в письменных источниках. Так, например, В.Е.Владыкин и М.В.Гришкина видят упоминание об удмуртах (об удмуртском племени *Ватка*) в сообщении венгерского монаха Юлиана о стране *Ведин* и народе *веда* русского памятника XIII в. «Слово о погибели Русской земли» [Гришкина, Владыкин 1982:10-11]. Однако, судя по всему, названия эти никакого отношения к удмуртам не имеют, а отражают старое мордовское название чувашей [см. Мокшин 1978:281-282; Закиев 1985:44-45; Белых, Напольских 1994:278].

Напротив, материалы археологии, антропологии, письменных документов, а также данные коми и удмуртской диалектологии, рассмотренные в предыдущей главе, так или иначе свидетельствуют в пользу того, что миграции различных пермских групп и расширение территории расселения прапермян не явились непосредственной причиной разрыва общепермского единства, хотя и должны были бы в значительной мере отдалить культурно и лингвистически те прапермские группы, которые занимали полярные, удаленные друг от друга районы общепермского языкового и этнокультурного континуума.

Как, когда и по каким же причинам данный континуум прекратил существование, а северные и южные пермяне обособились друг от друга окончательно, чтобы стать соответственно коми и удмуртами?

Подробное и детальное изложение авторского взгляда на этот круг проблем последует ниже, здесь же хотелось бы сделать еще несколько предварительных замечаний. Исходя из того, что во всех пермских языках имеется пласт болгарских заимствований, логично было бы последовать примеру уже многих исследователей, изучавших данную проблематику, и констатировать, что общепермское единство сохранялось, по крайней мере, в начале болгарской эпохи (конец I тыс. н. э.). Несколько уточнить эту датировку позволяют следующие два аргумента.

Во-первых, это аргумент общепермского этнонима – названия русских: удм. *žuč*, коми *roč* ‘русский’ < прап. **roč*. Можно с уверенностью утверждать, что данный термин попал к пермянам еще в прапермскую эпоху. Это убедительно доказывается тем, что настоящая лексема распространена повсеместно, т.е. имеется практически во всех диалектах пермских языков и, кроме того, в удмуртском языке подпала под раннюю собственно удмуртскую инновацию – переход прапермского анлаутного **r-* > *ž-*, который произошел, по мнению ряда специалистов, еще в болгарскую эпоху: в X-XIV вв., по В.К.Кельмакову, или в период до разгрома монголами Волжской Булгарии, по Ш.Чучу [Кельмаков 1976:286; Чуч 1992:54].

Настоящий этноним проник в пермские языки из прибалтийско-финских, куда, в свою очередь, попал из языка древних скандинавов: приб.-фин. **rōtsi* ‘швед’ < др.-швед. **rōθs(-mann)* ‘гребец,

дружинник’, а в язык предков удмуртов – вероятнее всего, через посредство предков коми [КЭСК 1970:243].

Вообще говоря, нельзя полностью исключить гипотетическую возможность непосредственных контактов прапермян с древними скандинавами, хотя прямыми доказательствами этого мы пока не располагаем. Однако, та деталь, что указанный этноним переводится во всех пермских языках именно как ‘русский’, делает более вероятным предположение о том, что и в прапермском языке он означал ‘славянин, русский’ и служил для названия осваивавших пермские земли восточных славян. Попасть же к праудмуртам данная лексема могла никак не раньше XI-XII вв. – времени начала славяно-русского проникновения на земли пермян. А это означает, что на момент усвоения упомянутого этнонима предки удмуртов все еще сохраняли тесные связи с предками коми, и общепермский континуум по-прежнему продолжал сохраняться.

Во-вторых, небезынтересен, в этой связи, факт наличия в пермских языках общих для них слов монгольского происхождения. К такому можно отнести:

– удм. *čeber* ‘красивый, прекрасный’; кп. диал. *čeber* ‘хвастливый; красивый, гордый’ [Лыткин 1967:136], кп. лит. *čeber* ‘гордый, своенравный’ < тюрк.: тат. *čibär*, баш. *sibär*, чув. *čiBer* ‘красивый, пригожий’ < ср.-монг. *čeber* ‘красивый, приятный’ [Csúcs 1990:143; Федотов 1996 (II):419-420; ДТС 1969:142];

– удм. *čida (l)*- ‘терпеть, выносить, устоять, быть выносливым’; кп. диал. *čid-* ‘злиться, обижаться’; кп. лит. *čid-* ‘беспокоиться, сокрушаться’; кя. *čidemal-* ‘злиться, обижаться, терпеть обиду’ [Лыткин 1967:138]; кз. *čid-* скр. *čidje-vadje volini*, вв. *čidje-vadje šedlini* ‘бывать в нужде, безвыходном положении’ (где *volini* ‘быть, бывать’ *šedlini* ‘попадать, оказываться’) [ССКЗД 1961:410; Лыткин 1967:138-139; КЭСК 1970:304-305] < тюрк.: тат. *čäda-*, баш. *säda-*, чув. *čät* ‘терпеть, выдерживать, переносить’ < ср.-монг. *čida-* ‘мочь, быть в состоянии’ [Räsänen 1969:106-107; Róna-Tas 1982:88-89; Csúcs 1990:145; Щербак 1994:175, 1997:202; Федотов 1996 (II):405-406];

– удм., кп., кз. *dugdi-* ‘остановиться, перестать, прекратиться’ < (?) тюрк.: тат., баш. *tuqta-*; чув. *täxta* ‘тж.’ < ср.-монг. *toyta-*, *toqta-* ‘тж.’ (о монгольском происхождении данных тюркских слов см. [Щербак 1994:211; 1997:211]);

– удм. *kuñan* ‘теленок’; ? кз. вв. *koñ-koñ, koñe-koñe* (возглас, которым подзывают телят) [КЭСК 1970:133] < тюрк.: баш. *qõnan* ‘трехлетний жеребец’, тат. *qõtta-* ‘жеребиться’ < ср.-монг. *gupan* ‘трехлетний (о домашних животных)’ [Räsänen 1969:300-301, Csúcs 1990:229].

Если две первые параллели не вызывают особых сомнений, то по поводу третьей и четвертой следует сделать некоторые замечания. Я не случайно привожу их под знаком вопроса, т.к. фактически происхождение удмуртского и коми *dugdi-* ‘остановиться, перестать, прекратиться’ до сих пор остается неясным. Авторами «Этимологического словаря финского языка» была предложена этимология, связывающая эту пермскую лексему с некоторыми прибалтийско-финскими корнями, однако данное сопоставление признавалось сомнительным даже его авторам [SKES 1969 (IV):1247]. Поэтому я взял на себя смелость предложить альтернативную этимологию, выводя пермское слово из средне-монгольского через тюркское посредство. В то же время нельзя не отметить, что такое сопоставление небезупречно фонетически, ибо не совсем понятно как глухие согласные монгольского источника в конце концов озвончились в пермских языках.

Возможная связь диалектного коми *koñ-koñ, koñe-koñe* с удм. *kuñan* и соответствующими тюркскими и монгольскими корнями также выглядит не вполне надежно. Будучи предложенной В.С.Гуляевым в [КЭСК 1970:133], эта параллель была решительно отвергнута венгерским лингвистом Ш.Чучем [Csúcs 1990:229], который считал коми слово оноματοпозитическим и не имеющим никакого отношения к упомянутым удмуртскому, тюркским и монгольским словам. Знаменательно, в этой связи, что, по мнению Ш.Чуча, данный корень мог проникнуть в поволжско-тюркские языки и из них в удмуртский язык, значительно позже того как предки коми, отделившись от предков удмуртов, мигрировали на север, т.е. уже после распада прапермской общности. Таким образом, в аргументации венгерского ученого мы вновь сталкиваемся с уже знакомой миграционной теорией распада прапермской общности Ю.Вихманна, которая, быть может, и выглядела вполне убедительно в начале XX века, однако выглядит более чем сомнительной сегодня.

Не вызывает сомнений, что указанные монгольские слова могли попасть в пермские языки только через посредство тюркских языков Волго-Уралья, – все эти лексемы имеются также и в татарском, башкирском и чувашском языках. Проникнуть же в языки тюрков Поволжья и Предуралья они могли не ранее XIII века – эпохи великих монгольских завоеваний. Считается, что именно с этого времени начинается интенсивное монгольское воздействие на тюркские языки, когда последние постепенно воспринимают некоторое количество монгольских слов и грамматических элементов [Щербак 1994:165-166; 1997:30-31; Róna-Tas 1982]. Всё это заставляет со значительной долей уверенности полагать, что и ко времени монгольского нашествия на Восточную Европу общепермский континуум еще не был разорван окончательно [подробнее см. Belykh 2007].

Судя же по тому, что в удмуртском и коми языках количество лексических болгаризмов различается качественно, на порядок (две-три сотни в удмуртском языке и два-три десятка – в коми диалектах), дезинтеграция общепермского континуума началась именно в болгарскую эпоху (VIII-XIV вв.).

4.2. ДИВЕРГЕНЦИЯ ОБЩЕПЕРМСКОГО КОНТИНУУМА

Понятно, что сложившееся к началу X века первое государственное образование Волго-Уральского региона – Волжская Булгария – более значимое и осязаемое влияние оказывало на южных пермян – предков удмуртов. Тем не менее влияние это достигало и предков верхнекамских и вычегодских коми, о чем свидетельствуют, в частности, находки болгарских изделий, датируемые XI-XIII вв., на археологических памятниках Перми Вычегодской [Савельева 1991:104], элементы мусульманского обряда погребения в слоях XI-XIII вв. памятников *родановской* и *«сылвенской»* культур Верхнего Прикамья [Оборин 1991:129; Лыбин 1994:61-63] и т.п.

Вместе с культурными реалиями пермянами заимствовались у болгар и соответствующие термины, которые по существовавшей в то время общепермской непрерывной диалектной цепочке проникали через южные (доудмуртские) в северные (докоми) диалекты. В пользу того, что болгаризмы попадали в диалекты предков коми через

южнопермское (доудмуртское) посредство говорит хотя бы тот факт, что в южнокоми диалектах имеется ряд болгарских заимствований, зафиксированных также и в удмуртском языке, но отсутствующих в диалектах северных коми, типа лл. *enir* 'седло' (удм. *eñer* 'тж.'), кп. южн. *koba* 'прялка' (удм. *kubo* 'тж.') и др. Настоящие примеры наглядно иллюстрируют реальность того, что «доюжнокоми» диалекты, носители которых непосредственно контактировали с предками удмуртов, играли роль связующего звена, обеспечивавшего передачу южнопермских инноваций (в данном случае – лексических болгарских заимствований) далее на север.

Около XI столетия в соприкосновение с северо-западной частью пермян, обитавших в низовьях р.Вычегды, на рр.Лузе, Юге и по другим правым притокам Северной Двины [Жеребцов 1982:26-34], впервые вступают восточные славяне. Уже в XII веке на Вычегде и Выми возникают первые древнерусские городища и появляется постоянное славянское население [Савельева 1993:29; 1995:28]. С этого времени, по меньшей мере, западная часть пракоми-зырян становится данниками Великого Новгорода и других древнерусских княжеств. *«С конца XII века предки коми-зырян, жившие по Верхней Двине, Югу, Лузе, Нижней и Средней Вычегде, Выми и Сыsole попали под власть Владимиро-Суздальских князей. С начала XIII века эти земли входят в состав устюжских земель Ростовского княжества, а в 1364 г. переходят под управление великокняжеских (московских) наместников и воевод»* [Савельева 1993:29].

Славяно-русская колонизация Европейского Северо-Востока привела к постепенному ослаблению и даже прекращению болгарского воздействия на северных пермян и замещению его русским влиянием. С этого времени заимствование культурных реалий и соответствующей им лексики идет у пракоми преимущественно с запада (от русских), препятствуя аналогичному заимствованию с юга (от болгар). Продвигаясь по пермским землям с запада на восток, русская колонизация достигла района Верхнекамья несколько позже, уже после начала освоения бассейна Вычегды. Поэтому, что весьма показательно и симптоматично, в коми-пермяцком языке, сравнительно с коми-зырянским, болгарских

заимствований несколько больше¹⁹ [Насибуллин 1992:87; Напольских 2006b], т.к. непосредственные (например, торговые) и опосредованные (через предков удмуртов) связи предков пермяков с Волжской Булгарией сохранялись, видимо, на одно-два столетия дольше. Однако и у предков коми-пермяков в конце концов возобладали прорусская культурная ориентация, победило русское культурное, экономическое и прочее влияние, что политически очень ярко выразилось в административном присоединении в 1472 году Перми Великой к растущему и крепнущему Московскому государству.

Что касается предков нынешних удмуртов, то они, в отличие от предков коми, вплоть до середины XVI века по-прежнему оставались в сфере тюркского культурного, экономического и политического доминирования – булгарского и, позднее, татарского.

То, что распад прапермского единства шел параллельно со славяно-русской колонизацией пермских земель и в значительной мере являлся ее следствием, косвенно подтверждается, кроме прочего, и фактом практически полного отсутствия в языках коми и удмуртов каких бы то ни было названий друг друга, не позаимствованных из русского языка. В самом деле, коми и удмурты вплоть до наших дней называли и называют друг друга русскими по происхождению этнонимами, вроде удм. *permak* < рус. *пермяк* или коми *vo'ak* < рус. *вотяк*.²⁰ Данное обстоятельство становится особенно значимым и

¹⁹ Автор, отдавая себе отчет в том, что разница в количестве булгарских заимствований между южными и северными коми, равно как и между южными и северными удмуртскими диалектами (см. ниже), крайне незначительна и может вполне быть объяснена случайным стечением обстоятельств, тем не менее, считает возможным и необходимым указать на данные факты.

²⁰ Исключение здесь составляет лишь загадочное слово *sara-kum* «зырянин (Syrjäne)», зафиксированное один-единственный раз в удмуртско-немецком словаре Ф.И.Видеманна [Wiedemann 1880:523]. Однако, к названному словарю, как к лексикографическому источнику удмуртского языка, трудно не отнестись с изрядной долей скепсиса, потому как он изобилует опечатками и ошибками составителя, включает в себя немало, мягко говоря, странных слов, неизвестных более ни одному другому словарю удмуртского языка; таких, например, как *ros* «воздух (Luft)», *rykta* «олово (Zinn)» [Wiedemann 1880:522] и др. Упомянутое же *sara-kum* подозрительно напоминает мансийское *saran xum* / *saran khum* «коми-зырянин; коми человек» [Munkácsi, Kálmán 1986:530, 122]. А такой поворот дела, с учетом вышеозначенных недостатков словаря Видеманна, позволяет усомниться в надежности источника и достоверности существования когда бы то ни было этой

заставляет сделать вполне определенные выводы на фоне хорошо развитых «собственных» удмуртской и коми этнонимических терминологий, служащих для обозначения соседних народов. Сравните, например:

коми *roc'*, удм. *źuc'* 'русский',
 коми *jegra* 'обские угры (ханты и манси)',
 коми *jaran* 'ненцы',
 удм. *biger* 'татарин',
 удм. *por* 'мариец' и т.п.

Отсюда вполне правомерно было бы предположить, что до момента контакта со славянами предки коми и удмуртов не осознавали принципиальной разницы между собой и, по-видимому, даже не имели никаких специальных названий друг для друга. Следовательно, само нынешнее восприятие коми и удмуртов друг друга как разных народов сложилось в ходе освоения и заселения русскими пермской территории и, не в последнюю очередь, благодаря этому процессу.

Историческая ситуация постепенного втягивания двух частей пермян в две разные зоны влияния: пракоми – в славяно-русскую, а праудмуртов – в тюркскую, безусловно подтверждается языковыми данными.

Как уже неоднократно отмечалось в настоящей монографии, количество лексических болгаризмов в удмуртском языке на порядок выше, чем в коми языках. Булгаризмам удмуртского языка, как, впрочем, и заимствованиям из других тюркских языков, в коми диалектах в большинстве случаев соответствуют русские заимствования. Причем в южных зырянских диалектах и коми-пермяцком языке болгарских заимствований все-таки немного больше, чем в диалектах северных коми-зырян, а в самых южных удмуртских диалектах их несколько больше, чем в более северных [Ляшев, Насибуллин 1984:61; Насибуллин 1992:89].

Очень многие наиболее значимые отличия между удмуртским и коми языками объясняются тюркским влиянием на удмуртский язык и аналогичным русским воздействием на языки коми. В качестве примеров здесь можно привести следующее:

лексемы в словарном фонде удмуртского языка.

1. Переход в удмуртском языке прапермского анлаутного **r*- в *ž*- или *ž*- традиционно объясняется своеобразным «подражанием» особенностям тюркского консонантизма, т.к. в тюркских языках в исконных словах начальный *r*- исключается [Бубрих 1948:29; СИГТЯ 1984:361]. Примеры:

- кз., кп. *rijt* ‘вечер’ – удм. *žit* ‘тж.’,
 кз., кп. *roj* ‘мох’ – удм. *žuj* ‘тж.’,
 кз., кп. *ruć* ‘лисица’ – удм. *žiči* ‘тж.’ и т.п.

2. Сужение прапермского **o* в удмуртском языке происходило параллельно с аналогичными процессами в тюркских языках Волго-Уралья – чувашском, татарском и башкирском [Кельмаков 1978:34]. В результате, сегодня прапермскому и коми **o* в удмуртском, как правило, соответствует и:

- коми *bord* ‘крыло’ – удм. *burd* ‘тж.’,
 коми *kok* ‘нога, ножка’ – удм. *kuk* ‘тж.’,
 коми *poč* ‘жердь’ – удм. *pič* ‘тж.’ и др.

3. Уже давно отмечено, что под тюркским влиянием в удмуртском языке произошла фиксация ударения на последнем слоге слова [Лыткин 1957:106]. Данная особенность присуща большинству тюркских языков [СИГТЯ 1984:410].

4. В удмуртские диалекты из тюркских языков проникли такие словообразовательные суффиксы, как *-li* для прилагательных, *-či*, *-lik* для существительных и др. [Csúcs 1990:57; Чуч 1992:55; Серебренников 1963:146, 152]; а в коми языках под русским влиянием появились такие, например, суффиксы как *-ovej* (< рус. *-овый*):

- кп. *puovej* ‘деревянный’ < *pu* ‘дерево’,
 кп. *kertovej* ‘железный’ < *kert* ‘железо’ и др. [ОФУЯ 1976:157].

5. Тюркское влияние сыграло решающую роль в образовании в удмуртском языке модели составного глагола типа «деепричастие основного глагола + вспомогательный глагол». Сравните, например:

- удм. *lobisa vuiz* ‘прилетел (букв. ‘летя прибыл’)’ и
 тат. *õčәp kildә* ‘тж.’;

удм. *girisa biđtizi* ‘вспахали (букв. ‘вспахивая закончили’)’ и

- тат. *söröp bētērdělär* ‘тж.’ [Серебренников 1960:265-266].

Вообще, весьма показательны расхождения между удмуртским и коми языками в сфере глагола и отглагольных образований. Здесь опять-таки очевидно русское воздействие на языки коми и тюркское – на удмуртский [см. Серебренников 1960:251, 252, 265-269].

6. Языковедами отмечается тюркское влияние на синтаксис удмуртского языка. По мнению ряда исследователей, соседство удмуртов с тюрками сыграло решающую роль в том, что в удмуртском языке сохранился синтаксис прауральского типа, типологически близкий синтаксису тюркских языков. В то же время, известно, что в коми языках синтаксис во многом уподобился русскому [Серебренников 1960:267; 1963:376-377; Андуганов 1992:91; ОФУЯ 1976:209].

7. Как уже указывалось выше, большому количеству тюркских лексических заимствований в удмуртском языке, в коми языках соответствует не меньшее количество русских заимствований [Ляшев, Насибуллин 1984:61].

Перечисленные примеры наглядно демонстрируют то, что очень многие наиболее существенные различия между удмуртским и коми языками появились в результате того, что предки удмуртов и коми, начиная с первых веков II-го тыс. н. э., стали тяготеть к разным полюсам, разным культурным и языковым системам: пракоми – к славяно-русской, а праудмурты – к тюркской.

Нельзя не отметить и те особенности в материальной и духовной культуре удмуртов и коми, в которых также очевидна их различная культурная и идеологическая ориентация.

Ранняя интеграция коми в государственно-административную систему Русского государства, длительное совместное проживание с русским населением наложили заметный отпечаток и в их материальной и духовной культуре. Так, например, этнографами неоднократно указывалось на почти абсолютную тождественность в характере расселения и типах жилищ у коми и севернорусского населения. Также мало что отличало коми и соседящих с ними русских в их традиционной одежде [см. напр. Токарев 1958:144-145].

Что же касается традиционного жилища удмуртов и особенно их традиционного костюма, то здесь хорошо заметны многие характерные отличия от соответствующих элементов материальной культуры великороссов и значительное сходство в этой области с финно-уграми и тюрками Поволжья – марийцами, мордвой, чувашами

и, отчасти, с татарами и башкирами [Белицер 1947:190-193, 1951; Токарев 1958:152-154; Крюкова 1967].

В сфере духовной культуры коми и удмуртов бросаются в глаза резкие различия в характере их народных эпических песен и богатырских преданий, в частности, в том какое в этих произведениях выражено отношение к русским и Русскому государству. Коми эпические герои-богатыри *Педор Кирон*, *Кирьян Варьян* величаются *roć sekeļ* ‘русский сокол’, *roć tu kutiś* ‘хранитель Русской земли’, *roć tu krepitel’-batuško* ‘Русской земли крепитель-батюшка’ и т.п. Другой коми эпический герой – *Пера* – хотя подобными эпитетами и не именуется, но о нем постоянно говорится как о богатыре, служащем русскому царю и сражающемся на стороне «русских силачей», «русских осилков-богатырей» и т.д. [Микушев 1987:46, 50]

Совсем иным отношением к русским характеризуются удмуртские богатырские предания. Так, например, герой северноудмуртских сказаний *Идна-батыр* сражается с русскими богатырями и в итоге гибнет от их рук [Верещагин 1995:109-110]. В сказании о калмезских богатырях прямо говорится, что богатырь *Селта*, разгромивший врагов-*поров*, победил также русских и татар (*vormiz žučäz-no, bigeräz-no*) [Munkácsi 1887:63].

Из настоящих примеров видно, что если в коми фольклоре Русское государство и русский народ неизменно – ближайшие друзья и союзники коми, то в удмуртских фольклорных произведениях русские зачастую предстают как недруги удмуртов.

В то время как на землях коми все более утверждалась власть русских князей, на древнеудмуртской территории болгарское политическое и культурное преобладание продолжало сохраняться, несмотря на появление в конце XII века русских поселений на Вятке [Макаров 1991:141]. Обнаруженное на археологических памятниках *чепецкой* культуры IX-XIII вв. значительное количество болгарских изделий позволило сделать вывод о том, что в XII-XIII вв. Волжская Булгария была для предков северных удмуртов основным торговым партнером [Иванова 1987b:20; 1989:12]. По мнению ряда исследователей, в этот период весьма вероятно появление на чепецких землях болгарских факторий по сбору пушнины [Мухамедова 1978:7].

После разгрома Булгарского государства монголо-татарским нашествием намечается отток болгарского населения с коренных

земель на сопредельные территории, в том числе и на земли праудмуртов. Присутствие булгар в бассейне р.Чепцы подтверждается находкой намогильного камня с болгарской надписью 1323 года в д.Гордино Базезинского р-на Удмуртии и некоторыми другими данными [Мухамедова 1978:7; Иванов 1991:89].

Русские письменные документы XV-XVI вв. застают на севернoudмуртских землях в бассейне р.Чепцы бесермян и т.н. каринских татар, князьям которых были подчинены местные удмурты [Луппов 1958:28-29]. Южные удмурты, бесспорно, испытывали еще более значительное тюркское влияние, т.к. известно, что они непосредственно соседствовали с булгарами, а с XV века – с казанскими татарами и находились под властью Казанского ханства в составе удельного княжества с центром в г.Арске вплоть до 1552 года, т.е. до захвата Казани войсками Ивана Грозного.

В среде удмуртских ученых и творческой интеллигенции в последние годы получило широкую известность и пользуется большой популярностью высказанное М.Г.Худяковым еще в 1920-е годы мнение о том, что Арское княжество было *южноудмуртским* раннефеодальным государственным образованием и управлялось князьями-удмуртами [Худяков 1920:346-347; 1991:55, 200; Сысоева 1967:297-302; Гришкина, Владыкин 1982:8, 18-20; Гришкина 1988:21-24; Гришкина 1994:49-52; Атаманов 1987:88 и др.]. Автору уже доводилось высказываться по поводу данных суждений и доказывать, что подобные выводы, по меньшей мере, преждевременны, т.к. пока не подкрепляются практически никакими реальными аргументами [Белых 1996а; 2005, см. также Напольских 2006b].

Как раз напротив, все известные нам русские средневековые источники недвусмысленно говорят об арских князьях как о *татарах*, а их потомками являются татары некоторых районов Татарстана, а также чепецкие (каринские, нукратские) татары. Имеется довольно хорошо обоснованное предположение, что арские князья, которых упомянутые удмуртские ученые (М.В.Гришкина, В.Е.Владыкин, М.Г.Атаманов и др.) считают удмуртами, на самом деле являются потомками переселившихся в Заказанье с Нижней Волги кипчакских феодалов [Исхаков 1998:31-38]. Существование же на территории Арска *«укрепленного древнеудмуртского городища, явившегося основой, развития Арска как города»*, которое у М.В.Гришкиной, В.Е.Владыкина и их сторонников *«не вызывает сомнения»*

[Гришкина, Владыкин 1982:8], на деле не только не подтверждается, а скорее опровергается относительно недавними археологическими раскопками на Арском городище. *«Археологические данные позволяют говорить об основании Арского городища тюркоязычным населением [выделено мной – С.Б.] не позднее первой половины – середины XIII века»* [Бурханов 1997/98:142].

Мощное тюркское воздействие на культуру и быт удмуртов, в отличие от их северных «родичей» коми, очень наглядно проявило себя, кроме прочего, и в дохристианском удмуртском именнике. Как показывают исследования М.Г.Атаманова, еще в XVII-XVIII вв. около 45-50 % северных и 75-90 % южных удмуртов носили имена, заимствованные у тюрков [Атаманов 1990:8], тогда как в именнике коми и в более раннее время безусловно преобладали русские имена.

Русское же влияние на язык, культуру, традиции и т.п. предков удмуртов, хотя и было ощутимым, особенно на севере удмуртского ареала, все же не стало таким значительным и всеохватывающим, как русское воздействие на предков коми. Тому было несколько причин.

Во-первых, русское воздействие на предков удмуртов тормозилось аналогичным, так сказать, встречным тюркским влиянием на южных пермян.

Во-вторых, подчинение удмуртов русской централизованной государственной власти произошло позднее, чем подчинение коми. Возникшее в середине – второй половине XIII века на Средней Вятке новое политическое образование – Вятская земля – хотя и было основано русскими переселенцами, несомненно, являлось весьма пестрым в этническом плане объединением, куда кроме русских входили удмурты, бесермяне, татары и др., пользовавшиеся известной обособленностью от первых. Сильнейшим проводником русского влияния на живших в Вятской земле удмуртов могло бы стать распространение среди них православной религии. Однако, как показывают архивные изыскания П.Н.Луппова, сами вятские русские, мягко выражаясь, отнюдь не были ревностными христианами и совсем не стремились нести Христову веру в инородческую среду. А вятское духовенство, пользовавшееся фактической независимостью от Московской Митрополии, как явствует из обличительного послания на Вятку митрополита Московского Ионы от 1452 года, *«...не знает ни Св. Писания, ни церковных правил, ни вообще обязанностей священного сана, ведет крайне порочную жизнь, делает злые и*

горькие дела, ...предается «бесчинному пьянству», о пастве своей не имеет никакого смотра и попечения, не вразумляет и не унимает ее от злого жития, напротив потворствует ее слабостям и порокам...» и т.д. [Луппов 1899:47-52; 1999:67]. Ясно, что в таких условиях ни о какой христианизации удмуртов речи быть не могло.

Вятская земля до 1489 г. сохраняла фактическую независимость от Московского государства и зачастую вместе с ордынцами и казанскими татарами участвовала в грабительских набегах на русские княжества [Макаров 1991; 1993; 1995а; 2001]. Кроме того, Вятская земля сама нередко подвергалась нападениям ордынцев и попадала в подчинение им. Неслучайно поэтому, русские летописи *«имели основание в начале XV века считать Вятскую землю землей татарской»* [Луппов 1958:19].

И даже после покорения Вятки власть Москвы распространялась на северных удмуртов и бесермян опосредованно, через каринских татарских князей вплоть до 1588 года, когда царь Федор Иванович особой грамотой вывел чепецких удмуртов и бесермян из подчинения каринским феодалам [Гришкина 1988:30]. Южные же удмурты, как известно, вошли в состав Русского централизованного государства только с падением Казанского ханства.

В-третьих, очень важной причиной значительно меньшей, в сравнении с коми, подверженности удмуртов русскому влиянию являлось то весьма существенное обстоятельство, что вплоть до XVIII века подавляющее большинство удмуртов не было обращено в лоно Русской православной церкви, не было даже формально крещено и даже в начале XX века в той или иной мере продолжало придерживаться своих старых языческих верований, в то время как коми к XVIII веку уже несколько столетий были такими же христианами как и русские.

На истории христианизации пермских народов имеет смысл остановиться особо и рассмотреть этот вопрос подробнее.

4.3. ФАКТОР ХРИСТИАНИЗАЦИИ

Начало христианизации предков коми традиционно связывается с миссионерской деятельностью в Коми крае в последней четверти

XIV века св. Стефана Пермского, хотя, по всей видимости, знакомство пермян с христианской религией состоялось раньше, первые попытки крестить их возможно предпринимались уже и до этого. Следует полагать, что впервые северо-западные группы пермян столкнулись с христианской церковью и православными вероучителями около рубежа XII-XIII вв., когда вслед за первыми славянскими переселенцами по соседству с древнепермскими племенами начинают появляться первые древнерусские городские центры, такие как г. Великий Устюг, с их уже достаточно развитой церковной и монастырской культурой.

Исследователь истории христианства у коми Ю.В. Гагарин по поводу возможного времени начала христианизации предков этого народа писал следующее: *«Архиепископ Макарий упоминает монаха Киево-Печорской лавры Кукишу, который будто бы около 1212-1215 гг. проповедовал христианство среди вятчан и пермяков и был замучен идолопоклонниками»* [Гагарин 1978:43-44]. Однако, здесь в работу Ю.В. Гагарина закралась явная ошибка. Дело в том, что инок Киево-Печерской лавры Кукша, по данным Макария, проповедовал христианство не среди *«вятчан и пермяков»*, а среди восточнославянского племени *вятичей*, и не в XIII, а в XII столетии. Таким образом, это сообщение митрополита Макария не имеет никакого отношения к истории крещения коми.

И все же, несмотря на то, что фактических данных о проникновении христианства к древним пермянам в достефановскую эпоху в нашем распоряжении не имеется, можно с известной осторожностью предполагать, что к моменту начала миссионерской деятельности св. Стефана среди предков коми-зырян уже появились первые христиане, и почва для утверждения православия среди коми была неплохо подготовлена. Возможно, что сам успех предприятия Стефана Пермского во многом был обусловлен именно помощью и поддержкой со стороны местных жителей-пермян, уже исповедовавших христианскую религию.

Итак, в 1379 г. уроженец Великого Устюга, сын соборного причетника Степан по прозвищу Храп, имевший к тому времени сан пресвитера, после тщательной подготовки, заручившись поддержкой Московской митрополии и московского князя, отправляется в Вычегодский край с целью крестить местных язычников-пермян. Первым населенным пунктом, жители которого были им крещены,

стал Пырос (ныне г.Котлас Архангельской обл.). По мнению Ю.В.Гагарина, здесь, по соседству с Великим Устюгом – важнейшим опорным пунктом Москвы на Европейском Северо-Востоке, христианство уже успело пустить корни, и поэтому проповедническая деятельность Стефана протекала без особых осложнений [Гагарин 1978:45].

В 1380 году Стефан достигает устья р.Выми, где основывает свою резиденцию, после чего его миссионерская деятельность принимает такой размах, что уже в 1383 г. церковным собором в Москве было решено учредить особую Пермскую епархию с центром в селе Усть-Вымь, а Стефана избрать ее первым епископом. Впрочем, это решение очевидно было продиктовано не столько успехами христианизации в Коми крае, сколько политическими причинами, так как христианизация должна была обеспечить укрепление позиций Московского государства в вычегодских землях.

После основания Пермской епархии деятельность Стефана получила дополнительный импульс: им строятся все новые церкви, часовни, создаются монастыри. К концу жизни Стефаном были обращены в христианскую веру коми, жившие по рр. Вычегде, Сыsole, Выми. Сам Стефан становится, в качестве епископа, не только духовным, но и административным властителем этого края, представлявшим здесь интересы Великого Московского княжества [Гагарин 1978:48].

После кончины Стефана Пермского в 1396 г. его преемники продолжили распространение христианства среди коми. В первой половине XV века были крещены печорские коми, а во второй половине этого столетия пермские епископы Иона (1456-1470 гг.) и Филофей (1471-1501 гг.) обратили в православную веру Пермь Великую (предков коми-пермяков).

Миссионерская деятельность пермских владык везде шла параллельно с территориальной экспансией Москвы. Так, в 1472 году при самом активном участии пермского епископа Филофея Пермь Великая была покорена московским войском и окончательно присоединена к Московскому государству [Гагарин 1978:53-54].

Таким образом, к концу XV века христианизация северных пермян (предков коми) была в основном завершена. С одной стороны, она способствовала политическому присоединению коми земель к формирующемуся Русскому централизованному государству и

сложению в его рамках коми-зырянского и коми-пермяцкого народов, а с другой стороны, стала еще одним мощным и, думается, важнейшим проводником русского культурного влияния на коми.

Как видим, миссионерская деятельность Стефана Пермского и его последователей по обращению предков коми в лоно Русской православной церкви не свершилась в один момент, а затянулась на срок жизни нескольких поколений. Понятно, что в таких условиях разные группы пракоми были крещены в разное время и, таким образом, на определенный отрезок времени сложилась такая ситуация, когда северные пермяне оказались по конфессиональному признаку на две части: коми-христиан, количество которых неуклонно росло, и коми-язычников, число которых постепенно сокращалось и в конце концов сошло на нет.

Автором этих строк в одной из его работ было высказано предположение, что именно в этот период (конец XIV-XV вв.) коми, оставшиеся в язычестве дольше других, стали именоваться *чудью* не только русскими, которые называли этим словом неславянское языческое население Русского Севера, но и своими соплеменниками, уже принявшими крещение. Последние испытывали сильное русское культурное влияние, и потому в ряду прочих заимствований могли достаточно рано перенять от русских и упомянутое наименование [см. подробнее об этом Белых 1996b:48-51]. Предания о чудь, широко распространенные среди коми, в которых чудь зачастую предстает как часть коми населения, не пожелавшая принять христианство, как «небоговерующий» примитивный народ, противящийся крещению, по-видимому, являются отголоском событий того времени и могут служить наглядной иллюстрацией начала разделения пермян по признаку конфессиональной принадлежности.

К южной части пермян (предкам удмуртов) христианство проникает позже и гораздо медленнее. Первый документально подтвержденный факт принятия удмуртами православия относится к 1557 году, когда 17 удмуртских семей Сырьянской волости Слободского уезда обратились с челобитной к царю Ивану IV, в которой изъявили желание «*креститься и прийти в православную христианскую веру*» [Луппов 1899:55]. Однако, практически полное отсутствие в XVI-XVII вв. других подобных свидетельств заставляет полагать, что в этот период случаи крещения удмуртов были еще единичны.

П.Н.Луппов, исследуя историю утверждения христианства среди удмуртов пришел к заключению, что, несмотря на присоединение удмуртских земель к Русскому государству, основание в 1555 году архиепископии в г.Казани, а в 1657 году самостоятельной епископской кафедры в г.Вятке, до первой половины XVIII века делом обращения удмуртов в христианство никто всерьез не занимался [Луппов 1899:46-76]. Кроме того, как отмечал П.Н.Луппов, серьезным препятствием к распространению христианства среди удмуртского населения было упорное сопротивление ему соседивших с удмуртами мусульман-татар, имевших большое влияние на удмуртов и бесермян [Луппов 1899:61-62]. Среди южных удмуртов ислам вообще выступал в качестве главного конкурента православия [Бернштам 1990:139].

Активно развернувшееся с 20-х годов XVIII в. насаждение христианства среди нерусских народов Поволжья и Предуралья методами «кнута и пряника», насильственное крещение, мздоимство многих христианизаторов и т.п. также мало способствовали закреплению удмуртов в православной вере.

Неудивительно поэтому, что удмурты постоянно стремились к легализации своей языческой религии, и при малейшем ослаблении церковного прессинга среди них незамедлительно в массовом масштабе начиналось т.н. «отступничество», т.е. отход от христианства и возврат к язычеству. *«Коротко говоря, все усилия официального православия христианизировать народы Среднего Поволжья привели в итоге в XIX в. к двум результатам: рецидиву язычества... и переходу в ислам»* [Бернштам 1990:140]. К подобным рецидивам язычества в XIX веке у удмуртов можно отнести не только возврат к старым верованиям и обрядам, но и появление новых языческих сект вроде *«вылепырисей»* и *«липопоклонников»*, описанных Г.Е.Верещагиным [Верещагин 1995:201-204].

Даже в начале XX века большинство удмуртов, официально уже давно считавшихся православным народом, по-прежнему продолжало в той или иной мере придерживаться старых дохристианских верований и совершать различные языческие обряды.

В отличие от коми, удмурты вплоть до XX века так и не усвоили, не приняли христианство психологически, не стали его считать «своей» религией. Православие для них было и оставалось «русской верой», так же как ислам считался верой «татарской», и для

того, чтобы оставаться «истинным», «чистым» удмуртом необходимо было, с их точки зрения, строго придерживаться удмуртских традиционных языческих верований. Те же из удмуртов, кто начинал колебаться в выборе между православием и язычеством или был «двоeverцем», могли сказать о себе: *«Мы ни вотяки, ни русские... Если жить по русской... вере, надо посты держать, по праздникам ходить в церковь, а мольбища вотские совсем оставить; а если по-вотски жить, то чтоб еще хуже не было»* [Блинов 1898:78].

Очень показательны и наглядны, в этой связи, некоторые удмуртские слова и выражения, связанные с крещением, христианством и т.п. Например:

- žuč ajj* ‘крестный отец’ (букв. ‘русский отец’);
- žuč tumj* ‘крестная мать’ (букв. ‘русская мать’);
- žuče pirtinj* ‘крестить’ (букв. ‘ввести в русские’);
- žuče pirinj* ‘креститься’ (букв. ‘войти в русские’) и т.д.

Оставшиеся некрещеными удмурты Башкортостана, по-прежнему придерживающиеся традиционных дохристианских верований и в наши дни, противопоставляя себя удмуртам-христианам, говорят о себе как о «чистых, истинных» удмуртах (*mi čžn udmurtjos*) [Христолюбова, Миннихметова 1994:3]. Напротив, крещеные удмурты порой говорят о себе как о людях, живущих по русскому образу и подобию (*mi žuč vjll'em uliškem*).

По-видимому, именно стремлением создать на основе старых языческих верований особую общенациональную удмуртскую религию, противопоставленную «русскому» христианству и «татарскому» исламу, и было вызвано появление в XIX веке вышеупомянутых сект «вылепырисей» и «липопоклонников». Примечательно, что членам этих сект воспрещалось, в частности, носить одежду и обувь, какую носят русские, а также вступать в какие-либо сношения с русским населением [Верещагин 1995:201-202]. Подобные попытки создания в противовес христианству и исламу «своих» национальных религий, способных консолидировать идеологически тот или иной народ, в то время были характерны не только для удмуртов, но и для других народов Волго-Уральского региона, в частности, для мордвы и марийцев [Напольских 1997а:40, 47, 55].

Как видно из вышеизложенного, христианизация коми и удмуртов происходила, по существу, в разные эпохи и имела неодинаковый успех. Коми были крещены еще в период формирования Русского централизованного государства и сложения великорусской народности, благодаря чему они столь легко и прочно интегрировались в состав великорусского этнического организма и стали, по сути дела, составной его частью. Формальное крещение удмуртов состоялось уже в эпоху Российской империи, производилось очень жесткими (если не сказать жестокими) методами и в предельно сжатые сроки. Как результат, вплоть до XX века православие так и осталось для удмуртов религией русских, от коих удмурты всегда дистанцировались куда сильнее, чем коми.

Сравнительно более раннее крещение предков коми, и прежде сильнее культурно и политически тяготевших к Руси, привело к их окончательному обособлению от остававшихся в большинстве своем язычниками удмуртов. Так, в ходе славяно-русской колонизации Европейского Северо-Востока и шедшей параллельно с ней христианизации северных пермян, произошло не только политико-административное, но и конфессиональное отмежевание коми от их южных сородичей – удмуртов.

Размежевание предков коми и удмуртов по конфессиональному признаку не является чем-то исключительным в этнической истории Волго-Уралья. Похожая ситуация, по всей видимости, имела место в истории чувашского и татарского народов. По мнению Р.Г.Кузеева и В.А.Иванова, исторические пути татар и чувашей разошлись, и татары и чуваша стали в итоге тем, чем они являются сегодня во многом благодаря исламизации предков татар, с одной стороны, и сохранением язычества у чувашей – с другой, *«...хотя вплоть до XIII в. этническая основа этих народов была близка»* [Кузеев, Иванов 1984:16-17].

В заключение настоящей главы хотелось бы еще раз повторить и подчеркнуть, что важнейшей причиной усиления дезинтеграционных тенденций внутри общепермского этнического массива явилось то обстоятельство, что с первых веков II-го тыс. н. э. предки удмуртов и коми стали все более стремиться в культурном, политическом и экономическом отношении к разным центрам тяготения: пракоми – к Руси, а праудмурты – к тюркскому миру.

Завершающим же моментом длительного по времени процесса распада пермского единства следует считать христианизацию в конце XIV-XV вв. предков коми-зырян и коми-пермяков, которая, отделив коми от язычников-удмуртов на конфессиональном уровне, сделала распад прапермской общности необратимым.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как было заявлено во Введении, важнейшей целью и задачей данного сочинения является построение отвечающей максимальному числу имеющихся сегодня в нашем распоряжении фактов, внутренне непротиворечивой и способной к дальнейшему развитию *модели дивергенции прапермской этнолингвистической общности*. Подытоживая проделанную работу, мне остается только вкратце повторить основные положения созданной модели.

Сейчас можно с уверенностью утверждать, что ранние этапы этнической истории пермян следует связывать с *ананьинской* культурно-исторической общностью. Вероятно, какая-то часть ананьинских племен была носителем пермского праязыка на его ранней стадии развития. Именно эта часть ананьинцев и послужила основой для дальнейшей эволюции прапермской общности. Основываясь на сопоставлении материалов и выводов археологии, сравнительно-исторического языкознания и лингвистической палеонтологии я пришел к заключению о том, что среди сформировавшихся в Прикамье в постананьинское время археологических культур с наибольшей вероятностью с общностью *эндопермян*, т.е. прямых языковых и этнических предков современных удмуртов и коми, может быть связана *гляденовская* АК (III в. до н. э. – V в. н. э) Среднего и Верхнего Прикамья, а также генетически связанные с ней и происходящие от нее в последующее время *поломская*, *ломоватовская* и *неволинская* АК (V-IX вв.). Близость трех последних культур, наряду с некоторыми данными пермского языкознания, позволяет заключить, что и в ломоватовскую эпоху распада прапермской этнолингвистической общности еще не произошло. Тем не менее, возможно и даже вполне вероятно в этот период начало этнокультурной и, вероятно, языковой дифференциации различных частей прапермского массива, вызванной постепенным расширением территории расселения эндопермян, а также их контактами с различными соседними этническими группами и различными суб- и суперстратными компонентами, участвовавшими в формировании тех или иных прапермских племенных групп.

С приходом в VIII веке в Среднее Поволжье болгар и последующим сложением первого в регионе государственного образования – Волжской Булгарии – в жизни прикамских пермян

происходят очень важные для их дальнейшей истории события. В период VIII-X вв. многие группы пермян мигрируют на значительные расстояния от своей исторической родины. Видимо, именно в это время часть эндопермян перебирается в бассейн р. Вычегды и некоторые сопредельные районы, чтобы в дальнейшем стать коми-зырянами. Другая часть эндопермских родоплеменных групп, возможно под булгарским принуждением или иным воздействием, переселяется на Нижнюю Каму, Нижнюю и Среднюю Вятку. Смешение и многовековое взаимодействие этой части эндопермян с местным постазелинским и другим населением, среди которого, вероятно, были и близкие по языку *парапермские* племена, привели в итоге к формированию удмуртского народа. Оставшиеся на Верхней Каме эндопермяне послужили основой для формирования коми-пермяцкого народа.

Результатом этих миграций стало то, что в начале II тыс. н. э. пермские племенные группировки расселились на огромной территории от Вычегды и Печоры на севере до Нижней Камы на юге, от р. Юга и Вятско-Ветлужского междуречья на западе до Урала на востоке. Бесспорно такое широкое расселение пермян не могло не вести к тому, что те их группы, которые проживали на разных концах общепермского этнического ареала, не имели прямых контактов между собой и все более отдалялись друг от друга в культурном и языковом отношении. Однако, любые соседние племенные группы пермян по-прежнему сохраняли тесные связи и максимальную культурную близость друг к другу, говорили на весьма сходных диалектах. Таким образом, создалась ситуация, в которой общепермское единство перешло в качественно новую, финальную свою фазу – фазу диалектного и этнокультурного *континуума* (непрерывности в пространстве).

Общепермский континуум начал разрушаться под воздействием того обстоятельства, что приблизительно с XI-XII вв. северная и южная части общепермского этнического массива стали тяготеть к разным полюсам: северные пермяне (предки коми) все более и более интегрировались в социально-экономическую структуру сначала древнерусских княжеств, позднее – Московского государства, в то время как южные пермяне (предки удмуртов) оставались в сфере политического, экономического, культурного и прочего влияния тюркского мира. Окончательную же точку в разделении прапермян на

пракоми и праудмуртов поставила христианизация предков коми в XIV-XV вв.

Крещение коми, которые и ранее культурно и политически тяготели к Руси привело к фактической интеграции зырян и пермяков в состав формирующейся великорусской народности и их окончательному обособлению от язычников-удмуртов, кроме прочего, еще и на конфессиональном уровне. Таким образом, период христианизации коми стал тем рубежом, после которого процесс распада прапермской общности стал необратимым и дошел до своего логического завершения.

С этого момента, казалось бы, можно говорить о рождении собственно древнеудмуртского и древнекоми этносов. Однако, поступить так, значило бы чересчур упрощать ситуацию и повторить весьма распространенную ошибку, в соответствии с которой процесс так называемого этногенеза представляется в виде непрерывной цепочки распадов и бифуркаций «материнских» этнических социумов на «дочерние». Согласно таким воззрениям, картина сложения современных пермских народов выглядит очень просто: прапермская этнолингвистическая общность вначале распалась на праудмуртскую и пракоми, затем пракоми разделились на пермяков и зырян, а праудмурты – на северных и южных удмуртов и т.д.

Данное ошибочное представление о сущности процесса формирования этнических единиц сродни бытующим, к сожалению, среди части археологов взглядам, по которым понятие *народ*, *этнос* жестко привязывается к понятию *археологическая культура*, т.е. каждый отдельный этнос объявляется носителем той или иной конкретной археологической культуры, причем каждому этническому образованию соответствует одна и только одна археологическая культура. Таким образом, процесс этногенеза также представляется в виде цепочки дроблений и бифуркаций, но уже не праязыковых общностей, а археологических культур. Отсюда и следует известная схема, по которой ананьино (прапермяне) в итоге разделяется на пьяноборье (праудмурты) и гляденово (пракоми).

Другой ошибкой, распространенной в среде археологов – исследователей этнической истории, является механический перенос в прошлое современной этнонимической номенклатуры, а именно применение названий современных народов для обозначения носителей тех или иных археологических культур. Так, например,

сплошь и рядом носителей полемской и чепецкой культур именуют удмуртами, а иногда – коми-пермяками. Иначе как методологически некорректным этот прием назвать нельзя. Ведь в противном случае, мы с таким же успехом можем называть древних латинов, фалисков, осков и умбров итальянцами, племена баваров, франков, алеманнов и саксов средневековой Европы немцами, а уличей, древлян, полян и волян украинцами.

Вообще, спор о том, было ли полемско-чепецкое население по национальности удмуртами или все же коми-пермяками, сильно напоминает мне кажущуюся с высоты сегодняшнего дня курьезной и забавной дискуссию, разгоревшуюся в славистике во второй половине XIX – начале XX вв. о том, каким же изначально по своей этнической принадлежности было население Киева, украинским или великорусским [см. Филин 1972:32].

Как мне представляется, процесс сложения удмуртского и коми народов был также растянут на многие века и на начальном своем этапе проходил параллельно и, по сути дела, в тесной связи с процессом распада прапермской общности. Проблема консолидации разбросанных на значительных пространствах пракоми и праудмуртских племенных группировок в единые народности выходит за рамки рассматриваемой в этой книге тематики, хотя сама по себе эта тема весьма интересна и важна для истории пермских народов. Однако, она пока еще остается явно недостаточно разработанной и только ждет своего исследователя. Посему единственное и последнее о чем мне бы хотелось сказать по данному поводу, это то, что процесс консолидации удмуртского и коми народов завершился несомненно уже в рамках Российского государства.

В заключение мне хотелось бы подчеркнуть, что предложенная здесь модель распада прапермской этнолингвистической общности конечно же не дает готовые ответы на все интересующие нас вопросы. Многие аспекты, касающиеся проблемы дивергенции прапермской общности в ней лишь схематически очерчены и нуждаются в дальнейшей отдельной разработке. Без сомнения, модель эта может и должна в будущем изменяться, дополняться, детализироваться и совершенствоваться. Поэтому, я могу лишь призвать своих коллег к заинтересованному и даже пристрастному

обсуждению положений предложенной модели, к дальнейшим дискуссиям, спорам, возражениям, уточнениям и дополнениям.

С удовлетворением я могу отметить, что обсуждение предложенной мною модели уже началось, о чем, в частности, свидетельствует появившаяся недавно весьма интересная статья В.С.Чуракова «К проблеме расселения пермских народов в конце I – первой половине II тыс. н.э.» [Чураков 2008]. Оспаривая некоторые положения моей модели, В.С.Чураков предлагает свой оригинальный вариант реконструкции исторической эволюции пермских народов. В силу того, что сюжет статьи в значительной мере выходит за рамки тематики настоящего исследования, я не счел необходимым вступать в дискуссию с В.С.Чураковым на страницах данной монографии. На мой взгляд, сюжет и содержание его статьи требуют отдельного обстоятельного обсуждения.

Как бы то ни было, начинающаяся дискуссия, по моему мнению, показывает, что предлагаемая модель являет собой конструкцию, основа для дальнейшего развития и совершенствования которой заложена уже в нынешнем ее состоянии.

Feci, quod potui, faciant meliora potentes.

ЛИТЕРАТУРА:

Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. М.-Л., 1949.

Алатырев В.И. О финском *kansa* и пермском *kuz, goz* // Советское финно-угроведение. № 4 (I). Таллин, 1965.

Алатырев В.И. Именные деривационные аффиксы. Этимология некоторых слов // Вопросы удмуртского языкознания. Ижевск, 1976.

Алатырев В.И. К вопросу о древнетюркских заимствованиях в пермских языках // Исследование финно-угорских языков и литератур в их взаимосвязях с языками и литературами народов СССР (Тезисы докладов Всесоюзного научного совещания финно-угроведов). Ужгород, 1977.

Алашеева А.А. Верхнечепецкие говоры // Образцы речи удмуртского языка. Ижевск, 1982.

Андуганов Ю.В. Причины сохранения прауральского облика в синтаксисе удмуртского и марийского языков // Вопросы диалектологии и истории удмуртского языка. Ижевск, 1992.

Анфертьев А.Н. Прологомены к изучению этнической истории // Этносы и этнические процессы. Сборник памяти Р.Ф. Итса. М., 1993.

Ареалы 1977 – Ареалы деревьев и кустарников СССР. Т. 1. Л., 1977.

Архипов Г.А.. К изучению лексических особенностей слободского говора удмуртского языка // Пермистика. Ижевск, 1987.

Архипов Г.А. Деривационные аффиксы имен в слободском говоре удмуртского языка // Вопросы диалектологии и лексикологии удмуртского языка. Ижевск, 1990.

Атаманов М.Г. Расселение удмуртов по данным этнотопонимии // Проблемы этногенеза удмуртов. Устинов, 1987.

Атаманов М.Г. Удмурт нимбугор. Словарь личных имен удмуртов. Ижевск, 1990.

Атаманов М.Г. К вопросу о прародине удмуртов по данным языка // Проблемы этногенеза финно-угорских народов Приуралья. Ижевск, 1992.

Атаманов М.Г. История Удмуртии в географических названиях. Ижевск, 1997.

Атлас 1983 – Атлас ареалов и ресурсов лекарственных растений СССР. М., 1983.

Баталова Р.М. Материалы по коми-пермяцкой лексике. (Извлечения из словарей XVIII и начала XIX вв.) // Вопросы финно-угорского языкознания. Вып. IV. Ижевск, 1967.

Баталова Р.М. Коми-пермяцкая диалектология. М., 1975.

Баталова Р.М. Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам. Коми языки. М., 1982.

Баталова Р.М. О следах миграционных процессов по данным диалектов коми языков // Пермистика. Ижевск, 1987.

Белавин А.М. О раннем этапе болгаро-пермских контактов // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. Казань, 1990.

Белицер В.Н. К вопросу о происхождении бесермян (по материалам одежды) // Труды института этнографии им. Н.Н.Миклухо-Маклая. Том 1. М., 1947.

Белицер В.Н. Народная одежда удмуртов (материалы к этногенезу) // Труды института этнографии им. Н.Н.Миклухо-Маклая. Том 10. М., 1951.

Белых С.К. О времени и причинах распада прапермской этнолингвистической общности // Узловые проблемы современного финно-угроведения. Материалы I Всероссийской конференции финно-угроведов. Тезисы докладов и сообщений. Йошкар-Ола, 1995а.

Белых С.К. Фактор христианизации в этнической истории пермских народов // Коми-пермяки и финно-угорский мир. Тезисы докладов и выступлений на международной конференции в г.Кудымкаре 26-28 мая 1995 г. Сыктывкар, 1995b.

Белых С.К. Следы общепермского праязыкового континуума в удмуртском и коми языках // Финно-угроведение - № 2. Йошкар-Ола, 1995с.

Белых С.К. Еще раз об этнониме *ар* // Финно-угроведение. № 3. Йошкар-Ола, 1996а.

Белых С.К. Чудь в этнической истории пермских народов // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры. Том I. Сыктывкар, 1996b.

Белых С.К. К вопросу о локализации прародины пермян // Пермский мир в раннем средневековье. Ижевск, 1999.

Белых С.К. К вопросу о формировании единого удмуртского этноса // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. Материалы научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения В.Ф.Генинга. Ижевск, 2000.

Белых С.К. Некоторые результаты тюркского этнокультурного воздействия в истории и культуре удмуртского народа // Материалы международной научной конференции. Международное (XVI Уральское) археологическое совещание. Пермь, 2003.

Белых С.К. История «древнеудмуртской государственности» как продукт мифотворчества // Современные социально-политические технологии: проблемы теории и общественной практики. Всероссийская научно-практическая конференция. Ижевск, 2005.

Белых С.К. К истории пермско-марийских этнических контактов // Россия и Удмуртия: история и современность. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 450-летию добровольного вхождения Удмуртии в состав Российского государства. Ижевск, 2008.

Белых С.К. Язык и этническая идентичность // Современные политические технологии: смыслы и ценности. Материалы XIV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Ч. I. Ижевск, 2009.

Белых С.К., Макаров Л.Д. Население Вятско-Камского края в болгарское время // История татар с древнейших времен в семи томах. Том II. Волжская Булгария и Великая степь. Казань, 2006.

Белых С.К., Напольских В.В. Этноним *удмурт*: исчерпаны ли альтернативы // *Linguistica Uralica*. XXX. № 4. Tallinn, 1994.

Бернштам Т.А. Христианизация в этнокультурных процессах финно-угорских народов Европейского Севера и Поволжья. Сравнительное обобщение // Современное финно-угроведение. Опыт и проблемы. Л., 1990.

Блинов Н.Н. Описание Карсовайского прихода Глазовского уезда // Вятские губернские ведомости. № 46. Вятка, 1864.

Блинов Н.Н. Языческий культ вотяков. Вятка, 1898.

Борисенков Е.П., Пасецкий В.М. Экстремальные природные явления в русских летописях XI-XVII вв. Л., 1983.

Бубрих Д.В. Историческая фонетика удмуртского языка. Ижевск, 1948.

Бурханов А.А. Новые археологические исследования в Заказанье и Казани (предварительное сообщение) // *Tatatica*. № 1. Казань, 1997/98.

Вахрушев В.М. Об особенностях северного диалекта удмуртского языка // Записки УдНИИ. Вып. 19. Ижевск, 1959.

Верещагин Г.Е. Вотяки Сосновского края // Г.Е.Верещагин. Собрание сочинений в шести томах. Том I. Ижевск, 1995.

Владыкин В.Е. К вопросу об этнических группах удмуртов // Советская этнография. № 3. М., 1970.

Гагарин Ю.В. История религии и атеизма народа коми. М., 1978.

Генинг В.Ф. Археологические памятники Удмуртии. Ижевск, 1958.

Генинг В.Ф. Азелинская культура III-V вв. // Вопросы археологии Урала. Вып. 5. Свердловск, 1963.

Генинг В.Ф. Этногенез удмуртов по данным археологии // Вопросы финно-угорского языкознания. Вып. IV. Ижевск, 1967.

Генинг В.Ф. Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры. Пьяноборская эпоха III в. до н. э. – II в. н. э. М., 1988.

Генинг В.Ф. Некоторые вопросы периодизации этнической истории древних болгар // Ранние болгары в Восточной Европе. Казань, 1989.

Голдина Р.Д. Проблемы этнической истории пермских народов в эпоху железа (по археологическим материалам) // Проблемы этногенеза удмуртов. Устинов, 1987.

Голдина Р.Д. Основные этапы взаимодействия финно-пермян с другими этносами в древности и средневековье (конец III тыс. до н. э. – XVI в. н. э.) // Славянский и финно-угорский мир вчера, сегодня. Ижевск, 1996.

Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск, 1999. (2-е изд. – 2004).

Горчаковский П.Л. Растения европейских широколиственных лесов на восточном пределе их ареала. Свердловск, 1968.

Гришкина М.В. Служилое землевладение арских князей в Удмуртии XVI – первой половины XVIII веков // Проблемы аграрной истории Удмуртии. Ижевск, 1988.

Гришкина М. В. Удмурты. Этюды из истории IX—XIX вв. Ижевск, 1994.

Гришкина М.В., Владыкин В.Е. Письменные источники по истории удмуртов IX-XVII вв. // Материалы по этногенезу удмуртов. Ижевск, 1982.

Давыдова Г.М. Антропологические особенности некоторых финно-угорских народов и вопросы их этногенеза // Советская этнография. № 6. М., 1975.

Давыдова Г.М. Антропологические особенности западных финнов и вопрос их происхождения // К истории малых народностей Европейского Севера СССР. Петрозаводск, 1979.

Давыдова Г.М. Древнеуральский компонент в составе современных удмуртов // Новые исследования по этногенезу удмуртов. Ижевск, 1989а.

Давыдова Г.М. Антропология манси. М., 1989б.

Денисов А.К. Северная граница ареала *Quercus pedunculata Ehrh.* в СССР и ее динамика за агрикультурное время // Ботанический журнал. Т. 55. № 6. М., 1970.

Древесные 1982 – Древесные породы мира. Т. 3. Древесные породы СССР. М., 1982.

Жеребцов Л.Н. Расселение коми XV-XIX вв. Сыктывкар, 1972.

Жеребцов Л.Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. X – начало XX в. М., 1982.

Жилина Т.И. О говоре села Слудка // Историко-филологический сборник. Коми филиал АН СССР. Вып. 3. Сыктывкар, 1956.

Жилина Т.И. Верхнесысольский диалект коми языка. М., 1975.

Жилина Т.И. Марийские и удмуртские соответствия в лексике лузско-летского диалекта коми языка // Вопросы лексикологии коми языка. Сыктывкар., 1979.

Жилина Т.И. Лузско-летский диалект коми языка. М., 1985.

Житие 1995. – Епифаний Премудрый. Житие Стефана Пермского // Святитель Стефан Пермский. К 600-летию со дня преставления. СПб., 1995

Закиев М.З. Волжские татары – по-марийски *суасы*, по-удмуртски *бигеры* // К формированию языка татар Поволжья и Приуралья. Казань, 1985.

Иванов А.Г. Проблемы изучения этнокультурных связей северных удмуртов в эпоху средневековья // Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы. Ижевск, 1991.

Иванов А.Г. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р.Чепцы в эпоху средневековья (конец V – первая половина XIII в.). Автореферат кандидатской диссертации. СПб., 1997а.

Иванов А.Г. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р.Чепцы в эпоху средневековья (конец V – первая половина XIII вв.) / Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. СПб., 1997b.

Иванов А.Г. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р.Чепцы в эпоху средневековья. Ижевск., 1998.

Иванов В.А. О характере этнокультурного взаимодействия ранних волжских болгар с уграми Южного Урала и Приуралья // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. Казань, 1990.

Иванова М.Г. Об этнической принадлежности памятников чепецкой культуры // Проблемы этногенеза удмуртов. Устинов, 1987a.

Иванова М.Г. Городище Иднакар: некоторые итоги и задачи изучения // XVII Всесоюзная финно-угорская конференция. Тезисы докладов. Часть II. Устинов, 1987b.

Иванова М.Г. Основные этапы этнической истории северных удмуртов // Новые исследования по этногенезу удмуртов. Ижевск, 1989.

Иванова М.Г. Истоки удмуртского этногенеза // Удмурты. Историко-этнографические очерки. Ижевск, 1993.

Иванова М.Г. Удмурты в начале II тысячелетия н. э. // Материалы по истории Удмуртии (с древнейших времен до середины XIX века). Ижевск, 1995.

Иванова М.Г. Удмурты в эпоху средневековья: (По материалам бассейна р.Чепцы конца I – начала II тысячелетия н. э.) / Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1996.

Иванова М.Г., Наговицын Л.А. Первобытнообщинный строй на территории Удмуртии // Материалы по истории Удмуртии (с древнейших времен до середины XIX века). Ижевск, 1995.

Исхаков Д.М. От средневековых татар к татарам нового времени (этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV-XVII вв.). Казань, 1998.

Казаков Е.П. О полумской керамике Волго-Камья // Новые исследования по этногенезу удмуртов. Ижевск, 1989.

Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Болгарии. М., 1992.

Казанцев Д.Е. Формирование диалектов марийского языка. (В связи с происхождением марийцев). Йошкар-Ола, 1985.

Кельмаков В.К. К вопросу о периодизации истории удмуртского языка (на материале исторической фонетики) // Советское финно-угроведение. № 4 (XII). Таллин, 1976.

Кельмаков В.К. К вопросу о «двух «о» в праудмуртском языке // Советское финно-угроведение. № 1 (XIV). Таллин, 1978.

Кельмаков В.К. Образцы удмуртской речи. Северное наречие и срединные говоры. Ижевск, 1981.

Кельмаков В.К. К вопросу о диалектном членении удмуртского языка // Пермистика. Ижевск, 1987.

Клементьев Е.И. Некоторые черты языковой ситуации в Карелии: тенденции развития, современное состояние (на примере карел, вепсов, финнов) // Финно-угроведение. № 1. Йошкар-Ола, 1994.

Козинцев А.Г. Этническая краниоскопия. Расовая изменчивость швов черепа современного человека. Л., 1988.

Козинцев А.Г., Моисеев В.Г. Об антропологическом своеобразии уралоязычных народов: сопоставление данных краниоскопии и краниометрии // Этнографическое обозрение. № 4. М., 1995.

Колегова Н.А., Бараксанов Г.Г. Среднесысольский диалект коми языка. М., 1980.

Корнилов Г. Некоторые итоги сравнительно-исторического изучения венгерско-пермско-болгаро-чуваших лексических параллелей // Советское финно-угроведение, XVII, № 3. Таллин 1981.

Косменко М.Г. Археологические культуры периода бронзы – железного века в Карелии. СПб., 1993.

КПРС 1985 – Коми-пермяцко-русский словарь. М., 1985.

Краснов Ю.А. Проблема происхождения чувашского народа в свете археологических данных // Советская археология. № 3. М., 1974.

КРС 1961 – Коми-русский словарь. М., 1961.

Крюкова Т.А. Этно-культурные связи удмуртов с народами Поволжья и Приуралья по данным материальной культуры // Вопросы финно-угорского языкознания. Вып. IV. Ижевск, 1967.

Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. Этногенетический взгляд на историю. М., 1992.

Кузеев Р.Г., Иванов В.А. Этнические процессы в Волго-Уральском регионе в V-XVI веках и проблема происхождения чувашского этноса // Болгары и чуваша. Чебоксары, 1984.

Кузьминых С.В. Меларские кельты Восточной Европы и Фенноскандинавии (к проблеме одной археологической загадки) // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 3. Рязань, 1993.

КЭСК 1970 – Лыткин В.И., Гуляев В.С. Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970.

Лашук Л.П. Формирование народности коми. М., 1972.

Луппов П.Н. Христианство у вотяков со времени первых исторических известий о них до XIX века. СПб., 1899.

Луппов П.Н. Северные удмурты в XVI-XVII веках // На удмуртские темы. Ученые записки НИИ народов Советского Востока при ЦИК СССР. Вып. II. М., 1931.

Луппов П.Н. Удмурты в XV-XVII вв. Документы по истории удмуртов XV-XVII веков. Ижевск, 1958.

Луппов П.Н. Христианство у вотяков со времени первых исторических известий о них до XIX века. Ижевск, 1999.

Лыбин А.Г. Могильник на городище Анюшкар // Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция. Тезисы докладов. Самара, 1994.

Лыткин В.И. Древнепермский язык. М., 1952.

Лыткин В.И. Диалектологическая хрестоматия по пермским языкам. М., 1955.

Лыткин В.И. Историческая грамматика коми языка. Часть 1. Введение. Фонетика. Сыктывкар, 1957.

Лыткин В.И. О древнетюркских элементах в лексике пермских языков // Вопросы финно-угорского языкознания. Вып. IV. Ижевск, 1967.

Лыткин В.И. Пермско-иранские языковые контакты // Вопросы языкознания. № 3. М., 1975.

Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Дополнения к краткому этимологическому словарю коми языка // Коми филология. Труды института языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР. № 18. Сыктывкар, 1975.

Лыткин В.И., Тепляшина Т.И. Некоторые особенности глазовского диалекта // Записки УдНИИ. Вып. 19. Ижевск, 1959.

Ляшев В.А., Насибуллин Р.Ш. Лингвогеографический аспект в пермской лексикологии // Вопросы лексикологии и словообразования коми языка. Сыктывкар, 1984.

Макаров Л.Д. Формирование территории Вятской земли в XII-XIII вв. // Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы. Ижевск, 1991.

Макаров Л.Д. Об особенностях славяно-финских контактов в XII-XVI вв. на территории Вятского края // Историческое познание: традиции и новации. Тезисы Международной теоретической конференции. Часть I. Ижевск, 1993.

Макаров Л.Д. Славяно-русское заселение бассейна р.Вятки и исторические судьбы удмуртов Вятской земли в XII-XVI веках // Материалы по истории Удмуртии (с древнейших времен и до середины XIX в.). Ижевск, 1995а.

Макаров Л.Д. Славянские древности и русские поселенцы в верховьях р.Камы (постановка проблемы) // Коми-пермяки и финно-угорский мир. Тезисы докладов и выступлений на международной конференции в г.Кудымкаре 26-28 мая 1995 г. Сыктывкар, 1995б.

Макаров Л.Д. Древнерусское население Прикамья в X-XV вв. Ижевск, 2001.

Максимов С.А. Ареальные морфологические параллели в пермских языках / Пермистика: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками. Сыктывкар, 1999а.

Максимов С.А. Северноудмуртско-коми ареальные лексико-семантические параллели. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Ижевск, 1999б.

Марков В.Н. Ананьинская проблема. (Некоторые итоги и задачи ее решения) // Памятники древней истории Волго-Камья. Вопросы археологии Татарстана. Вып. 1. Казань, 1994.

Марков В.Н. Волго-Камье и финский мир в начале эпохи раннего железа // Finno-Ugrica. № 1. Казань, 1997.

Микушев А.К. Коми народный эпос // Коми народный эпос. М., 1987.

Моисеев В.Г. Краниологические особенности уралоязычных народов в связи с вопросами их происхождения. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1997.

Мокшин Н.Ф. Мордовское название чувашей // Советское финно-угроведение. XIV. № 4. Таллин, 1978.

Монин А.С., Шишков Ю.А. История климата. Л., 1979.

Мухамедова Р.Г. Чепецкие татары. Краткий исторический очерк // Новое в этнографических исследованиях татарского народа. Казань, 1978.

Напольских В.В. Проблема формирования финноязычного населения Прибалтики (к рассмотрению дилеммы финно-угорской предыстории) // Исследования по этногенезу и древней истории финноязычных народов. Ижевск, 1990.

Напольских В.В. Народы уральской языковой семьи. Древнейшие этапы происхождения народов уральской языковой семьи: данные мифологической реконструкции (прауральский космогонический миф). М., 1991.

Напольских В.В. Коми-зырянская ихтионимия А.И.Шёгрена и проблемы уральской предыстории // Ежегодные Российско-Финляндские гуманитарные чтения «Шёгрэн – академик Императорской Санкт-Петербургской Академии наук. К 200-летию со дня рождения. Тезисы докладов. СПб., 1993.

Напольских В.В. О «древнетюркских» заимствованиях в удмуртском языке // Финно-угроведение. № 3-4. Йошкар-Ола, 1995.

Напольских В.В. Протославяне в Нижнем Прикамье в середине I тысячелетия н. э.: данные пермских языков // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры. Том II. Сыктывкар, 1996.

Напольских В.В. Введение в историческую уралоистику. Ижевск, 1997а.

Напольских В.В. Происхождение названия медведя / дракона в пермских языках // *Linguistica Uralica*, XXXIII (1). Tallinn, 1997b.

Напольских В.В. Балто-славянский языковой компонент в Нижнем Прикамье в сер. I тыс. н.э. // *Славяноведение*. № 2. М., 2006а.

Напольских В.В. Булгарская эпоха в истории финно-угорских народов Поволжья и Предуралья // История татар с древнейших времён в семи томах. Том 2. Волжская Булгария и Великая Степь. Казань, 2006b.

Напольских В.В. Пермско-угорские взаимоотношения по данным языка и проблема границ угорского участия в этнической истории Предуралья // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург, 2009.

Насибуллин Р.Ш. К вопросу о времени распада общепермской языковой общности // *Congressus septimus internationalis Fenno-Ugristarum*. Debrecen, 1990.

Насибуллин Р.Ш. Булгаризмы и их отношение к вопросу о времени распада общепермской языковой общности // *Вордскем кыл. № 2*. Ижевск, 1992.

Непомилуева Н.И. Кедр сибирский на северо-востоке европейской части СССР. Л., 1974.

НРС 1965 – Ненецко-русский словарь. Сост. Н.М.Терещенко. М., 1965.

Оборин В.А. Некоторые итоги и задачи изучения железного века Верхнего и Среднего Прикамья // *Вопросы археологии Урала*. Вып. 1. Свердловск, 1961.

Оборин В.А. Формирование этнической территории древних коми-пермяков // *Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы*. Ижевск, 1991.

Останина Т.И. Население Среднего Прикамья в III-V вв. Ижевск, 1997.

ОФУЯ 1974 – Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М., 1974.

ОФУЯ 1976 – Основы финно-угорского языкознания. Марийский, пермские и угорские языки. М., 1976.

Пастушенко И.Ю. История населения бассейна р.Сылвы в первой половине второго тысячелетия н. э. / *Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук*. Ижевск, 1995.

Петрухин В.Я., Раевский Д.С. Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. М., 1998.

Поляков Ю.А. Итоги изучения гляденовской культуры в Верхнем и Среднем Прикамье // *Ученые записки Пермского государственного университета*. № 148. Пермь, 1967.

Природа 1967 – *Природа Кировской области*. Киров, 1967.

Ракин А.Н. Флористическая терминология коми языка (этимологический анализ) // *Вопросы лексикологии коми языка*. Труды института языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР. № 22. Сыктывкар, 1979.

Растительность 1980 – *Растительность европейской части СССР*. Л., 1980.

Растительный 1988 – Растительный мир Прикамья. Пермь, 1988.

РКС 1966 – Русско-коми словарь / Под ред. Д.А.Тимушева. Сыктывкар, 1966.

РУС 1956 – Русско-удмуртский словарь / Под ред. В.М.Вахрушева. М., 1956.

Савельева Э.А. Роль Волжской Болгарии в развитии культуры Перми Вычегодской // Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы. Ижевск, 1991.

Савельева Э.А. Начальный этап древнерусской колонизации Европейского Северо-Востока // Историческое познание: традиции и новации. Тезисы международной теоретической конференции. Часть 1. Ижевск, 1993.

Савельева Э.А. Европейский Северо-Восток в эпоху средневековья. Научный доклад на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1995.

Сводеш М. Лексико-статистическое датирование доисторических этнических контактов // Новое в лингвистике. Выпуск 1. М., 1960.

Семенов В.А. Этнокультурные компоненты полумской культуры // Новые исследования по этногенезу удмуртов. Ижевск, 1989.

Серебренников Б.А. Теория волн Иоганна Шмидта и явления языковой аттракции // Вопросы языкознания. № 4. М., 1957.

Серебренников Б.А. Категории времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп. М., 1960.

Серебренников Б.А. Историческая морфология пермских языков. М., 1963.

Серебренников Б.А. Общеязыковедческие аспекты теории волн Иоганна Шмидта // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Л., 1977.

СИГТЯ 1984 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика. М., 1984.

СКЯ 1955 – Современный коми язык. Часть первая. Фонетика, лексика, морфология. Сыктывкар, 1955.

Смирнов А.П. Очерки древней и средневековой истории Среднего Поволжья и Прикамья // Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 28. М., 1952.

Сорвачева В.А., Безносилова Л.М. Удорский диалект коми языка. М., 1990.

Соссюр Ф. де. Заметки по общей лингвистике. М., 1990.

Спицын А.А. К истории вятских инородцев // Календарь Вятской губернии на 1889 г. Вятка, 1889.

Спицын А.А. Приуральский край: археологические разыскания о древнейших обитателях Вятской губернии. М., 1893.

ССКЗД 1961 – Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961.

Старостин С.А. Сравнительно-историческое языкознание и лексикостатистика // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Часть 1. М., 1989.

Старостин С.А. Алтайская проблема и происхождение японского языка. М., 1991.

Сысоева М. В. Первые письменные известия об удмуртах // Вопросы финно-угорского языкознания. Выпуск IV. Ижевск, 1967.

Тараканов И.В. Иноязычная лексика в современном удмуртском языке (удмуртско-тюркские языковые контакты). Ижевск, 1981.

Тараканов И.В. Об исторических связях удмуртов с другими народами по данным языка // Материалы по этногенезу удмуртов. Ижевск, 1982.

Тараканов И.В. Удмуртско-тюркские языковые контакты. Автореф. докт. дис. Устинов, 1987.

Тараканов И.В. Удмуртско-тюркские языковые взаимосвязи. (Теория и словарь). Ижевск, 1993.

Тепляшина Т.И. Нижнечепецкие говоры северноудмуртского наречия // Записки УдНИИ. Филология. Вып. 21. Ижевск, 1970.

Тепляшина Т.И. Общие элементы языка коми и северных удмуртов в связи с их расселением // Ленинская национальная политика в действии (тез. докл. и сообщ. на зональной научной конференции, посвященной 50-летию Коми АССР). Сыктывкар, 1971.

Тепляшина Т.И. Лексические коми-удмуртские соприкосновения // Вопросы финно-угроведения. Языкознание. (Тез. докл. на XVI Всесоюз. конф. финно-угроведов. Т. 1. Сыктывкар, 1979.

Токарев С.А. Этнография народов СССР. Исторические основы быта и культуры. М., 1958.

УРС 1983 – Удмуртско-русский словарь / Под ред. В.М.Вахрушева. М., 1983.

Федотов М.Р. Исторические связи чувашского языка с волжскими и пермскими финно-угорскими языками. Чебоксары, 1968.

Федотов М.Р. Этимологический словарь чувашского языка. В 2-х томах. Чебоксары, 1996.

Филин Ф.П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Историко-диалектологический очерк. Л., 1972.

Фотеев Г.В. К истории становления удмуртско-русских этнокультурных отношений // Материалы к ранней истории населения Удмуртии. Ижевск, 1978.

Хайду П. Уральские языки и народы. М., 1985.

Халиков А.Х. Истоки формирования тюркоязычных народов Поволжья и Приуралья // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971.

Халиков А.Х. Об археологических основах этногенеза пермских финнов // Вопросы финно-угорского языкознания. Вып. VI. Сыктывкар, 1979.

Халиков А.Х. Некоторые аспекты в этногенезе удмуртского народа // Новые исследования по этногенезу удмуртов. Ижевск, 1989.

Халиков А.Х. Основы этногенеза народов Среднего Поволжья и Приуралья. Часть 1. Происхождение финноязычных народов. Казань, 1991.

Хартанович В.И. Новые материалы к краниологии коми-зырян // Новые коллекции и исследования по антропологии и археологии. СПб, 1991.

Хелимский Е.А. Древнейшие венгерско-самодийские языковые параллели. М., 1982.

Хелимский Е.А. Рецензия на: Кельмаков В.К. Формирование и развитие фонетики удмуртских диалектов. Научный доклад, представленный в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук, М., 1993. // *Linguistica Uralica*, XXX (1). Tallinn, 1994.

Хлебникова Т.А. Керамика памятников Волжской Болгарии. М., 1984.

Хотинский Н.А. Голоцен Северной Евразии. М., 1977.

Хохрин А.В. Об отношении культур кедрового сибирского климату на Среднем Урале в свете гипотезы Г.Ф.Морозова //

Лесообразовательные процессы на Урале. Труды института экологии растений и животных Уральского филиала АН СССР. Вып. 67. Свердловск, 1970.

Христоролюбова Л.С., Миннихметова Т.Г. Удмурты Башкортостана (история, культура, современность). Уфа, 1994.

Худяков М. Г. Вотские родовые деления // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Т. XXX. Вып. 3. Казань, 1920.

Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского ханства. М., 1991.

Чебоксаров Н.Н. Этногенез коми по данным антропологии // Советская этнография. № 2. М., 1946.

Чуч Ш. Периодизация истории удмуртского языка // Вопросы диалектологии и истории удмуртского языка. Ижевск., 1992.

Чураков В.С. К проблеме расселения пермских народов в конце I – первой половине II тыс. н.э. // Научно-практический журнал «ИДНАКАР»: Методы историко-культурной реконструкции. № 1 (3). Ижевск, 2008. Интернет-версия: <http://www.idnakar.ru/>.

Щербак А.М. Введение в сравнительное изучение тюркских языков. СПб, 1994.

Щербак А.М. Ранние тюркско-монгольские языковые связи (VIII-XIV вв.). СПб., 1997.

Ютина Т.К. Археологические памятники VI-XIV вв. Южной Удмуртии. Автореферат кандидатской диссертации. Ижевск, 1994.

Belykh S.K. The disintegration of the Proto-Permian community. On the history of studies // Finnisch-ugrische Mitteilungen. Band 24/25. Hamburg, 2002.

Belykh. S.K. Words of the Middle Mongolian origin in the Permian languages // Научно-практический журнал «ИДНАКАР»: Методы историко-культурной реконструкции. № 2. Ижевск, 2007. Интернет-версия: <http://www.idnakar.ru/>.

Csúcs S. Die tatarischen Lehnwörter des Wotjakischen. Budapest, 1990.

Décsi Gy. Einführung in die finnisch-ugrische Sprachwissenschaft. Wiesbaden, 1965.

Itkonen E. Die Vorgeschichte der Finnen aus der Perspektive eines Linguisten // Ural-Altäische Jahrbücher, 32 (1-2). Wiesbaden, 1960.

Joki A. Uralier und Indogermanen / Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. Vol. 151. Helsinki, 1973.

Munkácsi B. Votjak népköltészeti hagyományok. Budapest, 1887.

Munkácsi B., Kálmán B. Wogulisches Wörterbuch. Budapest, 1986.

Napolskikh V.V. Uralic fish-names and original home // Ural-Altäische Jahrbücher. Band 12. Wiesbaden, 1993.

Napolskikh V.V. Die Vorslaven im unteren Kamagebiet in der Mitte des 1 Jahrtausends unserer Zeitrechnung: Permische Sprachmaterial // Finnisch-Ugrische Mitteilungen. Band 18/19. Hamburg, 1996.

Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türkisprachen. Helsinki, 1969.

Raun A. Über die sogenannte lexicostatistische Methode oder Glottochronologie und ihre Anwendung auf das Finnisch-Ugrische und -Türkische // Ural-altäische Jahrbücher. Bd. 28. Wiesbaden, 1956.

Raun A. The Chuvash borrowings in Zyrian // Journal of the American Oriental Society. Vol. 77, № 1. 1957.

Rédei K. Zu den indogermanisch-uralischen Sprachkontakten / *Österreichische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. Sitzungsberichte*. Bd. 468. Wien, 1986.

Rédei K., Róna-Tas A. A. A permi nyelvek őspéri kori bolgár-török jövevényszavai // Nyelvtudományi Közlemények. № 74/2. Budapest, 1972.

Rédei K., Róna-Tas A. A. A bolgár-török-permi érintkezések néhány kérdése // Nyelvtudományi Közlemények. № 77/1. Budapest, 1975.

Róna-Tas A. Loan-words of ultimate Middle-Mongolian origin in Chuvash // *Studies in Chuvash etymology I – Studia Uralo-Altica*, 17. Szeged, 1982.

Sebestyén I.N. Az uráli nyelvek régi halnevei // Nyelvtudományi Közlemények, 49. Budapest, 1935.

SKES 1969. – Suomen kielen etymologinen sanakirja, IV. Helsinki., 1969.

UEW – Rédei K. Uralisches etymologisches Wörterbuch. Budapest, 1986-1991.

Wichmann Y. Die tschuwassischen Lehnwörter in den permischen Sprachen. Helsingfors, 1903.

Wiedemann F.J. Syrjänisch-deutsches Wörterbuch nebst einem wotjakisch-deutschen. St. Petersburg, 1880.

Wladikin W.E. Die frühe Perioden der Ethnographie der Udmurten (Wotjaken) // Acta Ethnographica Academiae Scientiarum Hungaricae. Tomus 21 (3-4). Budapest, 1972.

Zimonyi I. The origin of the Volga Bulgars / Studia Uralo-Altaica, 32. Szeged, 1990.

СОКРАЩЕНИЯ:

АК – археологическая культура;

баш. – башкирский язык;

букв. – буквально;

в. – век;

вв. – верхневычегодский диалект коми-зырянского языка;

вк. – верхнекамский (зюздинский) диалект коми пермяцкого языка;

вм. – вместо;

вс. – верхнесысольский диалект коми-зырянского языка;

вч. – верхнечепецкий диалект удмуртского языка;

вым. – вымский диалект коми-зырянского языка;

г. – год;

гл. – глагол;

диал. – диалект, диалектное слово;

др. – другие;

др.-перм. – древнепермский (древнекоми) язык;

др.-швед. – древнешведский язык;

иж. – ижемский диалект коми-зырянского языка;

к. – коми языки;

кб. – кобринский говор верхнесысольского диалекта коми-зырянского языка;

кз. – коми-зырянский язык;

КИО – культурно-историческая общность;

кп. – коми-пермяцкий язык;

кя. – коми-язьвинский диалект;

- лет.** – летские говоры лузско-летского диалекта коми-зырянского языка;
- лит.** – литературный язык;
- лл.** – лузско-летский диалект коми-зырянского языка;
- мар.** – марийский язык;
- мокш.** – мокшанский, мокша-мордовский язык;
- напр.** – например;
- нв.** – нижневычегодский диалект коми-зырянского языка;
- нч.** – нижнечепецкий диалект удмуртского языка;
- н. э.** – нашей эры;
- обл.** – область;
- оньк.** – оньковский диалект коми-пермяцкого языка;
- перех.** – переходный глагол;
- пр.** – прочие;
- прап.** – пермский праязык;
- приб.-фин.** – прибалтийско-финский праязык;
- прил.** – имя прилагательное;
- ПУ** – уральский праязык;
- ПФУ** – финно-угорский праязык;
- р., рр.** – река, реки;
- рус.** – русский язык;
- сев.** – северный;
- сев.-рус.** – севернорусские говоры;
- скр.** – присыктывкарский диалект коми-зырянского языка;
- см.** – смотрите;
- ср.** – сравните;
- ср.-монг.** – среднемонгольский язык;
- сс.** – среднесыольский диалект коми-зырянского языка;
- сущ.** – имя существительное;
- тат.** – татарский язык;
- т.д.** – так далее;
- т.е.** – то есть;
- тж.** – то же самое;
- т.к.** – так как;
- т.п.** – тому подобное;
- тыс.** – тысячелетие;
- уд.** – удорский диалект коми-зырянского языка;

удм. – удмуртский язык;

удм.сев. – северное наречие удмуртского языка;

удм.южн. – южное наречие удмуртского языка;

уст. – устаревшее слово;

фин. – финский язык;

цит. – цитата, цитируется;

чув. – чувашский язык;

эрз. – эрзянский, эрзя-мордовский язык;

южн. – южный.

Приложение 1

“МАЛЫЙ” (100-СЛОВНЫЙ) СПИСОК М. СВОДЕША ДЛЯ
ПЕРМСКИХ ЯЗЫКОВ

№ п/п	Словарное значение	Удмуртский язык	Коми-пермяцкий язык	Коми-зырянский язык
1.	<i>all</i> ‘все, весь’	<i>vañ-</i>	<i>biden-</i>	<i>biden-</i>
2.	<i>ashes</i> ‘зола’	<i>peñ</i>	<i>peim</i>	<i>peim</i>
3.	<i>bark</i> ‘кора’	<i>sul, kur</i>	<i>kjš, kać</i>	<i>kjrs</i>
4.	<i>belly</i> ‘живот’	<i>keť</i>	<i>kjñem</i>	<i>kjñem</i>
5.	<i>big</i> ‘большой’	<i>badžim</i>	<i>ižit</i>	<i>ižid</i>
6.	<i>bird</i> ‘птица’	<i>tjloburdo</i>	<i>kaj, peťka</i>	<i>lebać, kaj, peťka</i>
7.	<i>bite</i> ‘кусать’	<i>kurtćinj</i>	<i>kurćavni</i>	<i>kurćavni</i>
8.	<i>black</i> ‘черный’	<i>šed</i>	<i>šed</i>	<i>šed</i>
9.	<i>blood</i> ‘кровь’	<i>vir</i>	<i>vir</i>	<i>vir</i>
10.	<i>bone</i> ‘кость’	<i>lij</i>	<i>koska, lij</i>	<i>lij</i>
11.*	<i>breast</i> ‘грудь’	<i>gad, meľa</i>	<i>moros</i>	<i>moreš</i>
12.	<i>burn</i> ‘жечь’	<i>sutiñj</i>	<i>sotni</i>	<i>sotni</i>
13.*	<i>claw</i> ‘коготь, ноготь’	<i>gižij</i>	<i>giž</i>	<i>giž</i>
14.	<i>cloud</i> ‘облако’	<i>piľem</i>	<i>kjmer</i>	<i>kjmer</i>
15.	<i>cold</i> ‘холодный’	<i>kežit</i>	<i>kežit</i>	<i>kežid</i>
16.	<i>come</i> ‘прийти’	<i>lijktiñj, vuñj</i>	<i>lokni, voni</i>	<i>lokni, voni</i>
17.	<i>die</i> ‘умирать’	<i>kuliñj</i>	<i>kuvni</i>	<i>kuvni</i>
18.	<i>dog</i> ‘собака’	<i>puni</i>	<i>pon</i>	<i>pon</i>
19.	<i>drink</i> ‘пить’	<i>juñj</i>	<i>juni</i>	<i>juni</i>
20.	<i>dry</i> ‘сухой’	<i>keš</i>	<i>keš</i>	<i>kos</i>
21.	<i>ear</i> ‘ухо’	<i>peľ</i>	<i>peľ</i>	<i>peľ</i>

22.	<i>earth</i> ‘земля’	<i>mu</i>	<i>mu</i>	<i>mu</i>
23.	<i>eat</i> ‘есть’	<i>śiṭṭiṇi</i>	<i>śojni</i>	<i>śojni</i>
24.	<i>egg</i> ‘яйцо’	<i>puz</i>	<i>kolʔ</i>	<i>kolʔ</i>
25.	<i>eye</i> ‘глаз’	<i>śin</i>	<i>śin</i>	<i>śin</i>
26.	<i>fat</i> ‘жир’	<i>kej</i>	<i>gos</i>	<i>gos, čog</i>
27.	<i>feather</i> ‘перо’	<i>tṭi</i>	<i>pero, gen</i>	<i>gen</i>
28.	<i>fire</i> ‘огонь’	<i>tṭl</i>	<i>bi</i>	<i>bi</i>
29.	<i>fish</i> ‘рыба’	<i>ćorig</i>	<i>ćeri</i>	<i>ćeri</i>
30.	<i>fly</i> ‘летать’	<i>lobani</i>	<i>lebavni</i>	<i>lebavni</i>
31.	<i>foot</i> ‘нога’	<i>pṭd, kuk</i>	<i>kok</i>	<i>kok</i>
32.*	<i>full</i> ‘полный’	<i>tṭr</i>	<i>tṭr</i>	<i>tṭr</i>
33.	<i>give</i> ‘давать’	<i>śotṭiṇi</i>	<i>śetni</i>	<i>śetni</i>
34.	<i>good</i> ‘хороший’	<i>umoṭ, źeć</i>	<i>bur</i>	<i>bur</i>
35.	<i>green</i> ‘зеленый’	<i>vož</i>	<i>želoneṭ</i>	<i>vež</i>
36.	<i>hair</i> ‘волос’	<i>śi</i>	<i>śi</i>	<i>śi</i>
37.	<i>hand</i> ‘рука’	<i>ki</i>	<i>ki</i>	<i>ki</i>
38.	<i>head</i> ‘голова’	<i>ṭṭr</i>	<i>jur</i>	<i>jur</i>
39.	<i>hear</i> ‘слышать’	<i>kṭṭiṇi</i>	<i>kṭṭni</i>	<i>kṭṭni</i>
40.	<i>heart</i> ‘сердце’	<i>śulem</i>	<i>śeṭem</i>	<i>śeṭem</i>
41.*	<i>horn</i> ‘рог’	<i>śur</i>	<i>śur</i>	<i>śur</i>
42.	<i>I</i> ‘я’	<i>mon</i>	<i>me</i>	<i>me</i>
43.	<i>kill</i> ‘убивать’	<i>viṭṭiṇi</i>	<i>vṭṭni</i>	<i>viṭṭiṇi</i>
44.*	<i>knee</i> ‘колено’	<i>pṭṭes</i>	<i>pižes</i>	<i>pižes</i>
45.	<i>know</i> ‘знать’	<i>toṭṭiṇi</i>	<i>teṭni</i>	<i>teṭni</i>
46.	<i>leaf</i> ‘лист’	<i>kṭar</i>	<i>kor</i>	<i>kor</i>
47.	<i>lie</i> ‘лежать’	<i>kṭṭiṇi</i>	<i>kṭṭiṇi</i>	<i>kṭṭiṇi</i>
48.	<i>liver</i> ‘печень’	<i>mus</i>	<i>mus</i>	<i>mus</i>
49.	<i>long</i>	<i>kuž</i>	<i>kuž</i>	<i>kuž</i>

	‘длинный’			
50.	<i>louse</i> ‘вошь’	<i>tej</i>	<i>toj</i>	<i>toj</i>
51.	<i>man</i> ‘мужчина’	<i>piosmurt,</i> <i>vorgoron</i>	<i>mužik</i>	<i>mužik</i>
52.	<i>manu</i> ‘много’	<i>tros, uno</i>	<i>una</i>	<i>una</i>
53.	<i>meat</i> ‘мясо’	<i>sil</i>	<i>jaj</i>	<i>jaj</i>
54.*	<i>moon</i> ‘луна’	<i>tolež</i>	<i>telis</i>	<i>telis</i>
55.	<i>mountain</i> ‘гора’	<i>gurež</i>	<i>keres, neris</i>	<i>keres, kij,</i> <i>čoј</i>
56.	<i>mouth</i> ‘рот’	<i>jm</i>	<i>em</i>	<i>vom</i>
57.	<i>name</i> ‘имя’	<i>ńim</i>	<i>ńim</i>	<i>ńim</i>
58.	<i>neck</i> ‘шея’	<i>ćirtj</i>	<i>goľa</i>	<i>śili, goľa</i>
59.	<i>new</i> ‘новый’	<i>vil</i>	<i>vil</i>	<i>vil</i>
60.	<i>night</i> ‘ночь’	<i>uj</i>	<i>oj</i>	<i>voj</i>
61.	<i>nose</i> ‘нос’	<i>nir</i>	<i>nir</i>	<i>nir</i>
62.	<i>not</i> ‘не(т)’	<i>evel</i>	<i>abu</i>	<i>abu</i>
63.	<i>one</i> ‘один’	<i>odig</i>	<i>etik</i>	<i>eřik</i>
64.	<i>person</i> ‘человек’	<i>ađami, murt</i>	<i>mort</i>	<i>mort</i>
65.	<i>rain</i> ‘дождь’	<i>zor</i>	<i>zer</i>	<i>zer</i>
66.	<i>red</i> ‘красный’	<i>gord</i>	<i>gerd</i>	<i>gerd</i>
67.	<i>road</i> ‘дорога’	<i>šures</i>	<i>tuj</i>	<i>tuj</i>
68.	<i>root</i> ‘корень’	<i>vjžj</i>	<i>vuž</i>	<i>vuž</i>
69.*	<i>round</i> ‘круглый’	<i>kotires</i>	<i>gegres</i>	<i>gegres</i>
70.	<i>sand</i> ‘песок’	<i>luo</i>	<i>lja</i>	<i>lja</i>
71.*	<i>say</i> ‘сказать’	<i>šujni</i>	<i>šuni</i>	<i>šuni</i>
72.	<i>see</i> ‘видеть’	<i>adžini</i>	<i>adžini</i>	<i>adžini</i>
73.	<i>seed</i> ‘семя’	<i>tis, kidis</i>	<i>kežis, tuś</i>	<i>kejdis, tuś</i>
74.	<i>sit</i> ‘сидеть’	<i>pukini</i>	<i>pukavni</i>	<i>pukavni</i>
75.	<i>skin</i> ‘кожа’	<i>ku</i>	<i>kućik</i>	<i>ku</i>
76.	<i>sleep</i> ‘спать’	<i>ižini, kelini</i>	<i>užni</i>	<i>užni</i>
77.	<i>small</i>	<i>pići</i>	<i>ućetik</i>	<i>ićetik,</i>

	‘маленький’			<i>žolaniik</i>
78.	<i>smoke</i> ‘дым’	<i>čjn</i>	<i>čjn</i>	<i>čjn</i>
79.	<i>stand</i> ‘стоять’	<i>siĵini</i>	<i>sulavni</i>	<i>sulavni</i>
80.	<i>star</i> ‘звезда’	<i>kiži’li</i>	<i>keživ</i>	<i>kožuv</i>
81.	<i>stone</i> ‘камень’	<i>iz</i>	<i>iz</i>	<i>iz</i>
82.	<i>sun</i> ‘солнце’	<i>šundi</i>	<i>šondi</i>	<i>šondi</i>
83.	<i>swim</i> ‘плавать’	<i>ujani</i>	<i>ujavni</i>	<i>ujavni</i>
84.	<i>tail</i> ‘хвост’	<i>biž</i>	<i>bež</i>	<i>bež</i>
85.	<i>that</i> ‘тот’	<i>so</i>	<i>sija</i>	<i>(e)sije</i>
86.	<i>this</i> ‘этот’	<i>ta</i>	<i>etija</i>	<i>taje</i>
87.	<i>thou</i> ‘ты’	<i>ton</i>	<i>te</i>	<i>te</i>
88.	<i>tongue</i> ‘язык’	<i>kijl</i>	<i>kiv</i>	<i>kiv</i>
89.	<i>tooth</i> ‘зуб’	<i>piñ</i>	<i>piñ</i>	<i>piñ</i>
90.	<i>tree</i> ‘дерево’	<i>pu</i>	<i>pu</i>	<i>pu</i>
91.	<i>two</i> ‘два’	<i>kik</i>	<i>kik</i>	<i>kik</i>
92.	<i>walk (go)</i> ‘идти’	<i>mjinini</i>	<i>munni</i>	<i>munni</i>
93.	<i>warm</i> ‘теплый’	<i>šunjt</i>	<i>šonjt</i>	<i>šonjd</i>
94.	<i>water</i> ‘вода’	<i>vu</i>	<i>va</i>	<i>va</i>
95.	<i>we</i> ‘мы’	<i>mi</i>	<i>mi</i>	<i>mi</i>
96.	<i>what</i> ‘что’	<i>ma(r)</i>	<i>mij</i>	<i>mij</i>
97.	<i>white</i> ‘белый’	<i>teđi</i>	<i>čoćkom</i>	<i>ježid</i>
98.	<i>who</i> ‘кто’	<i>kin</i>	<i>kin</i>	<i>kodi, kod</i>
99.	<i>woman</i> ‘женщина’	<i>kjšnomurt,</i> <i>niĵkjšno</i>	<i>iñka</i>	<i>njvbaba</i>
100.	<i>yellow</i> ‘желтый’	<i>čuž</i>	<i>vež</i>	<i>viž</i>

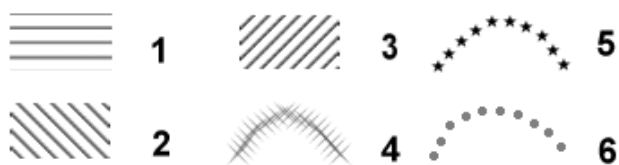
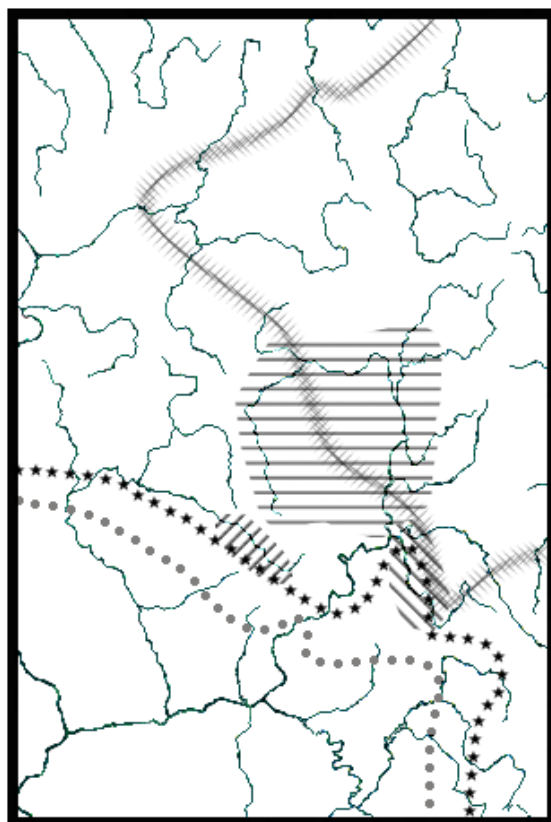
Дополнительный список С.Е.Яхонтова.
(по [Старостин 1991])

101.	<i>far</i> 'далеко'	<i>kj'dokjŋ</i>	<i>ijlŋ</i>	<i>ijlŋ</i>
102.	<i>heavy</i> 'тяжелый'	<i>šekjŋ</i>	<i>šekjŋ</i>	<i>šekjŋ</i>
103.	<i>near</i> 'близко'	<i>matjŋ</i>	<i>matjŋ</i>	<i>matjŋ</i>
104.	<i>salt</i> 'соль'	<i>sjal</i>	<i>sov</i>	<i>sov</i>
105.	<i>short</i> 'короткий'	<i>vakci</i>	<i>ženjŋ</i>	<i>ženjŋ</i>
106.	<i>snake</i> 'змея'	<i>kij</i>	<i>zmeja</i>	<i>zmeja</i>
107.	<i>thin</i> 'тонкий'	<i>veki</i>	<i>vesnit</i>	<i>vesni, vesnjŋ</i>
108.	<i>wind</i> 'ветер'	<i>tel</i>	<i>tev</i>	<i>tev</i>
109.	<i>worm</i> 'червь'	<i>numjŋ</i>	<i>nomjŋ</i>	<i>nomjŋ</i>
110.	<i>year</i> 'год'	<i>ar</i>	<i>god</i>	<i>vo</i>

Примечание. Все примеры из удмуртского, коми-пермяцкого и коми-зырянского языков даны в действующих удмуртской и коми орфографиях, в том фонетическом облике и том составе, какие характерны для литературных норм названных языков. В квадратных скобках рядом с удмуртскими и коми словами дается их фонематическая транскрипция, принятая в финно-угроведении.

Слова в стандартном 100-словном списке, порядковый номер которых помечен звездочкой (*), отсутствуют в 92-словном диагностическом списке, предложенном Е.А.Хелимским [1982].

Карта

ПОЯСНЕНИЯ К КАРТЕ:

- 1 – Территория ломоватовской АК (V-IX вв.) по [Голдина 1987];
- 2 – Территория неволинской АК (V-IX вв.) по [Голдина 1987];
- 3 – Территория поломской АК (V-IX вв.) по [Голдина 1987];
- 4 – западная граница ареала распространения кедровой сибирской сосны (*Pinus sibirica*) по [Растительность 1980:71; Ареалы 1977:29, карта 9];
- 5 – северо-восточная граница ареала распространения дуба (*Quercus robur*) по [Атлас 1983:114];
- 6 – северо-восточная граница ареала распространения лещины (*Corylus avellana*) по [Горчаков 1968:134].

**ПРОБЛЕМА РАСПАДА ПРАПЕРМСКОЙ
ЭТНОЯЗЫКОВОЙ ОБЩНОСТИ»**

Монография

Автор:

**к.и.н., доцент кафедры Истории и политологии
ИСК УдГУ С.К. Белых**

Авторская редакция

Подписано в печать 26.08.2009. Формат 60 x 84 ¹/₁₆.

Печать офсетная. Гарнитура Times New Roman.

Усл. печ л. 8,72. Уч.-изд. л. 9,65. Тираж 100 экз. Заказ № 50.

Издательство «Удмуртский университет»

426034 г. Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 4.

Тел./факс: (3412)500-295, e-mail: mail@ics.org.ru